

STEPHANOS

2014
№5 || сентябрь

STEPHANOS

2014
№7 || September

Stephanos
Сетевое издание
Рецензируемый мультиязычный научный журнал
Электронный проект
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:
докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редколлегия:
докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова
докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская
докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина
докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен
канд. филол. наук доцент А.В. Уржа
канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:
старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет

Александра Вранеш докт. филологии, проф., декан филологического факультета *Белградский университет* (Сербия); **Екатерина Федоровна Журавлева** проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы *Западно-Македонский университет Греции* (Греция); **Мария Леонидовна Каленчук** доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе *Институт русского языка им. В.В. Виноградова (РАН)* (Россия); **Максим Каранфиловский** докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ им. М.В.Ломоносова *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье* (Македония); **Леонид Петрович Крысин** докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН* (Россия); **Весна Мойсова-Чепишевская** докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье* (Македония); **Джей Паджет** докт. филол. наук, проф. *Университет Калифорнии Санта Круз* (США); **Елена Стерьёпулу** проф. *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии* (Греция)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013
© 2013–2014. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak
(Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Maxim Karanfilovsky** PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje* Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia); **Leonid Krysin** PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Vesna Mojsova-Chepishvska** PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje* (Macedonia); **Jaye Padgett** PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz* (USA); **Helen Stergiopoulou** PhD School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies *National and Capodistrian University of Athens* (Greece); **Alexandra Vranesh** PhD, Prof., Dean of the Faculty of Philology *University of Belgrade* (Serbia); **Ekaterina Zhuravleva** PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian Language and Literature *University of Western Macedonia Greece* (Greece)

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2014. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Содержание

Статьи.....	9
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Цыгане в Испании – лингвистическая и культурная экспансия.....	10
<i>Долотин К.И., Красных В.В.</i> Экспериментальные исследования дискурса: анализ информационных характеристик и психолингвистическое портретирование. Часть II. Анализ коммуникативного поведения говорящих с точки зрения единства текста.....	26
<i>Сорокина В.В.</i> Проза XXI века: из опыта прочтения.....	41
<i>Певак Е.А.</i> Алексей Толстой и декаданс.....	55
<i>Фалдина М.В.</i> Наречные интенсификаторы в практических пособиях по русскому языку как иностранному: о необходимости создания полиаспектного словаря усилительных единиц.....	67
Материалы и сообщения.....	80
Продолжение публикации материалов Международной славистической конференции «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии».....	81
1. <i>Колева Кр., Атанасова Д.-Д.</i> Нови употреби на възвратни глаголи в съвременния български книжовен език – тенденция или ненормативност.....	81
2. <i>Писарек Л.</i> Из истории лингвистической полонистики во Вроцлавском университете.....	90
3. <i>Ferro M.Ch., Romoli F.</i> Un lexicon slavo ecclesiastico-russo-italiano dei termini religiosi e filosofico-teologici. Presentazione del progetto e primi risultati, con commento degli attributi del diavolo.....	96
4. <i>Димитрова М.</i> Граматичните норми в българския книжовен език – спазване и нарушения (върху материал от средствата за масова информация).....	121
<i>Злочевская А.В.</i> Изучение русской литературы в Чехии и Словакии (1990–2005 гг.): Аннотированная библиография.....	135
Имена. События. Судьбы.....	151
<i>Моисеева В.Г.</i> Демон, домовой, писатель.....	152

Научная жизнь.....	163
Международная научная конференция «200-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова».....	164
<i>Джана-Иветич В.</i> III Международный студенческий фестиваль «Друзья, прекрасен наш союз!» (г. Белград, 15–20 сентября 2014 г.).....	176
Заметки. Впечатления.....	180
Выставки в Париже.....	181
Сальвадор Дали и стрит-арт.....	181
«Собаки в гостиной» Фарида Расула.....	183
Тилман Криг, «Пассажи».....	184
Критика. Библиография.....	186
<i>Лифанов К.В.</i> Eva Tibenská: Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov (Zagreb FF press, 2012, 159 s.).....	187
<i>Дементьева О.Ю.</i> М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального упо- требления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 304 с.....	191
<i>Мојсова-Чепишевска В., Мирчевска-Бошева Б.</i> Зборник – подарок за славистичката наука (за зборникот «Македонско-руски јазични, книжевни и културни врски». Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2014. 641 с.).....	195

Content

Papers.....	9
<i>Obolensky J.L.</i> Gypsies in Spain – linguistic and cultural expansion.....	10
<i>Dolotin K.I., Krasnykh V.V.</i> Discourse experimental researches: information characteristic and psycholinguistic mapping Part II. Analysis of Communicative Behavior from the Point of View of Text Unity.....	26
<i>Sorokina V.V.</i> Prose of the XXI c.: from the experience of reading.....	41
<i>Pevak E.A.</i> Alexei Tolstoy and decadence.....	55
<i>Faldina M.V.</i> Adverbial intensifiers in tutorials of Russian as a foreign language: the necessity of a multiaspect dictionary of intensity units.....	67
Communications and Materials.....	80
Continued publishing of the International Conference of Slavic «Slavic languages and literature in synchrony and diachrony».....	81
1. <i>Koleva K., Atanasova D.-D.</i> New uses of reflexive verbs in modern Bulgarian literary language – Trend or Non-Standard.....	81
2. <i>Pisarek L.</i> <i>From the history of the Polish linguistic Studies</i> at the Wroclaw University.....	90
3. <i>Ferro M.Ch., Romoli F.</i> The trilingual lexicon (Church Slavonic – Russian – Italian) of religious and philosophical-theological words. Presentation of the project and the first results, with comments adjectives describing the devil.....	96
4. <i>Dimitrova Todorova M.</i> Grammatical rules in Bulgarian literary language – compliance and violations (based on the material of the mass media).....	121
<i>Zlochevskaya A.</i> The study of Russian literature in the Czech Republic and Slovakia (1990–2005): Annotated Bibliography.....	135
Events. Names. Destiny.....	151
<i>Moiseeva V.G.</i> Demon, brownie, writer.....	152
Academic Life.....	163
International Scientific Conference «200th anniversary of the birth of M. Lermontov».....	164

<i>Japa-Ivetich V.</i> III International Student Festival «Друзья, прекрасен наш союз!» (Belgrade, 15–20 September 2014).....	176
Notes. Impressions.....	180
Exhibitions in Paris.....	181
Salvador Dali and street art.....	181
«Dogs in the living room», Farid Rasul.....	183
Tilman Krieg. Passages.....	184
Critique. Bibliography.....	186
<i>Lifanov K.V.</i> E. Tibensky Slovak language in the mirror of internal and external relations (Zagreb FF press, 2012, 159 p.).....	187
<i>Dementieva O.Yu.</i> M.V. Vsevolodova, O.V. Kukushkina, A.A. Polikarpov. Russian prepositions and prepositional type funds. Materials for the functional-grammatical description of real use. Proc. 1: Introduction into the objective grammar and lexicography of prepositional units of Russian language. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2014. 304 p.....	191
<i>Mojsova-Čepiševska V., Mirchevska-Bošev B.</i> Proceedings – Slavic gift for science («Macedonian-Russian linguistic, literary and cultural links». Skopje: Faculty of Philology «Blaze Koneski», 2014. 641 p.).....	195

Статъи

Ю.Л. Оболенская

Цыгане в Испании – лингвистическая и культурная экспансия

Аннотация: В статье исследуется влияние цыганского языка в частности и цыганской культуры в целом на язык и культуру Испании. Особое внимание автор уделяет проблеме лингвистической экспансии, но кроме того делится интересной информацией о самобытном феномене андалузской культуры – фламенко.

Ключевые слова: смешение рас и культур на Пиренейском полуострове, история появления цыган в Европе, цыганская культура и язык и их специфика, искусство фламенко

Abstract: The article examines the impact of the Romani language in particular and the Roma culture as a whole on the language and culture of Spain. Particular attention is paid to the problem of linguistic expansion, but also introduces interesting information about the original phenomenon of Andalusian culture – flamenco.

Key words: mixing of races and cultures at the Iberian Peninsula, the history of the emergence of the Roma in Europe, Roma culture and language and their specificity, the art of flamenco

Пиренейский полуостров на протяжении тысячелетий не раз оказывался конечным пунктом военного похода и целью завоевателей, его порты связывали торговые пути стран Средиземноморья и Европы, а затем Старого и Нового Света. Иберийский мир стал культурным мостом, связывающим в эпоху Средневековья европейскую и восточные цивилизации. Формирование кельтиберийского этноса как лингвокультурной общности на полуострове, начавшееся с VII–VIII вв. до н. э., происходило на фоне сменяющих друг друга экспансий финикийцев, греков, римлян, вандалов, вестготов и арабов. Новые этносы, осваивая благодатные земли, называли их своими именами и приносили сюда новую цивилизационную модель. Однако погружение в чужой иберийский мир приводило к парадоксальному результату: завоеванная колония, в свою очередь, осваивала очередного колонизатора и оставляла заметный след в культуре метрополии. Так, Римская империя обогатилась не только иберийским зерном, золотом и серебром, но и была прославлена деяниями выдающихся императоров, родившихся на юге Пиренейского полуострова, – Траяна, Адриана и Феодосия.

Трудно переоценить вклад в мировую культуру философии стоицизма и школы риторики земляка этих императоров – Сенеки-старшего; античное искусство обогатилось творениями рожденных на испанских землях Сенеки-младшего, Марциала, Лукана и Квинтилиана.

Вестготы за Пиренеями приобщились к благам цивилизации и культуры, достигнутым местными жителями при римлянах, и тоже стали другими. Вестготское владычество здесь длилось три века (410–711 гг.), и в это время завершилась католизация Испании, было достигнуто объединение страны и создана передовая избирательная система королевской власти. Созданная вестготскими правителями модель парламентарной власти, осуществляемая через *concillos* (соборы), к тому времени была неведома Европе.

А самая длительная экспансия арабского Востока (711–1492 гг.) привела к феноменальной кульминации развития мусульманской культуры – тому, что историографы называют эпохой «Аль Андалус», – Мусульманской Испании, за семь с лишним веков подарившей миру высочайшие достижения научной мысли и духовной культуры, шедевры архитектуры и других видов искусства.

О результатах лингвокультурных экспансий кельтов, финикийцев, вестготов и арабов написано довольно много работ, а вот о последней на полуострове экспансии¹ – цыганской – исследований почти нет. Эта последняя культурная экспансия произошла в самом конце арабской: когда мирно, – не с оружием и боями, а с кибитками и бубнами, с песнями и танцами, – в иберийский мир вторглась тысячелетняя цыганская традиция. Об этой культурной и языковой экспансии, завершившей становление уникальной национально-культурной идентичности испанской нации, и пойдет речь в статье.

Выдающийся испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в работе «Теория Андалусии», рассуждая об особой роли Андалусии в историческом развитии страны и Европы в целом, сравнивает культурно-историческую роль Андалусии с ролью Китая. «Каждые триста лет Китай наводняли орды захватчиков из суровых азиатских степей. Яростно обшивались они на страну Ста имен, которая почти совсем или совсем не сопротивлялась. Китайцы давали себя завоевать каждому, кто этого хотел. Их тактика была тактикой перины²: проседать. Яростный завоеватель не обнаруживает сил для поддержки своего порыва и сам погружается в перину – пленительную негу и мягкость китайской жизни. В результате через два или три поколения жестокий манчжур или монгол оказывается поглощен утонченностью старинного приятнейшего китайского образа жизни, бросает меч и сжимает веер»³. О сходстве иберийского мира и Китая, отмеченном Ортегой-и-Гассетом, пишет и известный испанский культуролог Х. Диас-Плаха, указывая, «что утонченные культуры

¹ Строго говоря, последней лингвистической и культурной экспансией в Испании, как и во всей Европе, стала англосаксонская, но надо отметить, что она не принесла каких-либо оригинальных для культуры и языка Испании результатов.

² В оригинале Ортега использует метафору, построенную на слове *colchón* – матрас, тюфяк.

³ Цит. по: *Guillermo Díaz Plaja. Ensayos sobre comunicación cultural. Madrid, 1984. P. 331.*

(имеются в виду культуры, главным образом, средиземного побережья – зоны Леванте. – Ю.О.) позволяют завоевать себя вандалам и ордам захватчиков, будучи уверены в своем превосходстве»¹.

Удивительное смешение рас и культур на Пиренейском полуострове на каждом историческом этапе развития страны никогда не приводило к резкой смене культурной парадигмы: взаимодействуя и взаимообогащаясь, этнокультуры полуострова создавали причудливый рисунок уникальной пограничной цивилизации – мультикультурного иберийского мира.

Без цыганской культурной традиции представить андалузскую культуру сегодня невозможно, она ярко отразилась в особенностях андалузского диалекта испанского языка, однако ее влияние проявилось и в испанском языке других областей Испании. Цыганский язык не только обогатил лексику маргиналов и преступников или андалузского диалекта, но и отразился в стилистических особенностях разговорного испанского языка по обе стороны океана, а искусство испанских цыган – фламенко, впитав в себя арабскую, иудейскую и христианскую традиции, – стало визитной карточкой Испании. Действительно, самым ярким и очевидным для всех итогом этой культурной экспансии, длящейся уже более 500 лет, стал феномен фламенко.

Мировая мода на изучение фламенко как самобытного феномена андалузской культуры привела к изучению трех его корней: фламенко цыганского, иудейского и мусульманского. При этом фламенко обычно рассматривают отдельно от цыганской культурной традиции в целом, от особенностей мировосприятия и языкового сознания именно этого этноса, сосредоточив внимание на андалузском происхождении этого музыкального жанра. Как известно, «подлинно испанский» стиль, испанский дух почти во всех странах мира ассоциируется со страстными танцовщицами и гитаристами, исполняющими фламенко, однако даже в самой Испании часто забывают о том, что этот жанр был изгоем вплоть до 1920-х гг., когда стараниями выдающегося испанского композитора Мануэля де Фальи и гениального поэта Федерико Гарсиа Лорки это искусство не только было реабилитировано, но и вознесено на уровень высших достижений творческого духа человечества².

А ведь по своей сути фламенко представляет собой особую знаковую систему, культурный код, в котором музыкальная тема, ритм, характер танца и техника горлового пения (канте хондо) – все это подчинено задаче воплощения темы (или реализации мифа) о довлеющем над цыганами роке, о трагическом противостоянии судьбе и смерти. При этом подчеркну, что трагизм

¹ Op. cit. P. 332.

² Я имею в виду не только творчество двух этих великих испанцев: знаменитую «Любовь-колдунью» (Amor brujo) Фальи или циклы стихов и эссе Лорки (Poema del cante jondo), – а роль и последствия организованного ими в 1922 г. конкурса фламенко, после которого началось возрождение искусства фламенко и его восхождение с уровня кафешантанного исполнения (пошлой цыганщины, с которой боролся Лорка) до высокого уровня индивидуального творчества выдающихся гитаристов, танцовщиков и певцов, как правило, цыганского происхождения.

общеиспанского восприятия мира¹ – одна из доминант испанского мировосприятия вообще – во многом обусловлен и культурным кодом цыганского искусства, но не следует забывать, что такую степень трагизма поистине все-ленского масштаба искусство цыган обрело только здесь – за Пиренеями! Только здесь индивидуализм иберов пророс в общем-то повсеместно в коллективном творчестве цыган трагически-страстным песенным и музыкально-танцевальным жанром, суть которого в индивидуальном и всегда трагическом противоборстве высшим силам.

История появления цыган на Пиренейском полуострове окутана флером тайны, предположений и легенд. Большинство исследователей склоняется к тому, что массовое переселение цыган в Испанию произошло не раньше середины XV в., другие настаивают на 1410–1420-х гг., третьи ссылаются на точную, документированную дату пересечения ими испанской границы при короле Альфонсо V – 11 июня 1447 г.² Тогда в Барселону вошло значительное количество представителей племени *egipcianos* (египтян, ср.: *gipsy* – в англ.), или *bohemijs* (богемцев), как тогда называли в Испании цыган, под предводительством одного герцога («*duque*») и одного графа («*conde*»³). Первые этнонимы обозначения этого народа были заимствованы у французов: именно так они называли цыган; ясно, что этноним указывал на их происхождение – Египет или Богемия.

Египетская версия была тогда же подкреплена легендой о том, что это племя, проживая в Египте, не дало приюта странствующей Св. Марии, за что было проклято и обречено на вечное скитание. Богемский след указывает на путь цыганской эмиграции из Германии (Богемии) через Голландию (потому-то позже цыган прозвали *flamencos*, т. е. выходцы из Фландрии) и Францию на побережье Леванте. Впрочем, позже выяснилось, что эти «египтяне» пришли из так называемого Малого Египта – области Византии, – вытесняемые оттуда мусульманским нашествием. Цыгане довольно быстро распространились по Восточному побережью полуострова – от теперешней Каталонии до Андалусии, а часть двинулась в теперешнюю Португалию, и по легенде, дойдя до Геркулесовых столбов – Конца земли, они не захотели покидать сушу⁴. Так, после 30 лет скитаний по Европе (с 1417 г.) цыгане добрались до новой родины, и началась их испанская жизнь. Эмиграция цыган

¹ См. об этой квинтэссенции трагического мироощущения испанцев книгу выдающегося испанского философа и писателя М. де Унамуно «О трагическом чувстве жизни у людей и народов».

² Официальной целью их приезда было поклонения обретенным близ Сантьяго де Компостела мощам Св. Иакова; паломники были причудливо и богато одеты, их сопровождала многочисленная челядь, кони и повозки, однако паломничество затянулось сначала на год, потом его продлили еще на 6 лет, а потом цыган было уже не остановить.

³ Со времен Сервантеса и до сих пор власть в испанских цыганских таборах принадлежит не баронам, как в России, а графам (*conde*).

⁴ Хотя известно, что часть из них все же перебралась в Англию, однако позже многие вернулись в Испанию.

удивительно символична: их путь лежал через всю Евразию, от океана до океана; выходцы с востока Индостана прошли десятки тысяч километров. Минувя Персию, они разделились на два потока – в Византию и Сирию, затем европейский поток¹ опять разделился: один вдоль Каспия двинулся в Россию, а другой – вдоль Черного моря к Валахии, теперешней Румынии, а позже этот поток растекается по всей Европе.

Кочевая жизнь не мешала им в каждой стране существовать автономно в заданных новой культурной традицией обстоятельствах, они охотно принимали господствующую веру: соглашаясь на обрезание у мусульман, крещение – у христиан, – но верили по-настоящему лишь в свои приметы и влияющие на их судьбу добрые и злые силы. Цыганские суеверия и предрассудки носят системный характер, представляя собой «знаки судьбы», которым цыгане безоговорочно верят. В Испании цыгане – страстные католики и такие же страстные приверженцы верований в темные силы, порчу и заговоры; лечатся они только своими снадобьями, пророчат себе и другим судьбу, занимаются ремеслами, связанными с огнем и металлами (они отменные кузнецы и ювелиры), ну и, конечно, коневодством² и выездкой лошадей. К сожалению, цыгане и по сей день пользуются дурной славой мошенников и воров, но и другой заслуженной славой – лучших мастеров исполнения фламенко.

По всей вероятности, верования и культура цыган – это продолжение их культурного опыта, приобретенного в Индии. Большинство исследователей и в России и за рубежом склоняются к версии их происхождения из одной из индийских каст (низших, по-видимому): либо кузнецов, либо музыкантов и танцоров при дворах знати, либо прорицателей. Уже в XIX в. среди главных доводов, подкрепляющих эту версию, было не только сходство генотипа цыган и северо-восточных жителей Индостана, но и некоторые особенности уклада их жизни, рода занятий и навыков, их пищевые пристрастия (острые соусы и рис, обилие фруктов и овощей), а сегодня близость цыганского языка к санскриту и одному из индийских говоров считается доказанной. Версий причин их исхода из Индостана множество, причем даже начало исхода варьируется: с первого десятилетия нашей эры до XV в. Русские цыганологи Е. Друци и А. Геслер считают цыган потомками индийской касты «дом», она по сей день существует в Индии – это полукочевая низшая каста, занимающаяся кузнечным делом, ремеслами, пением и танцами. Исследователи полагают, что миграция цыган началась в X в. через Иран, Афганистан и Армению, причем часть отправилась в Палестину и далее в Египет, а часть в Византию, откуда их массовый исход начался с мусульманским завоеванием в 1417 г.

¹ Документировано их появление в Европе в 1417 г., а в Баварии они были в 1433 г.

² До сих пор цыгане поражают своей способностью лечить больной скот, а также с помощью снадобий или хитрости придавать ему товарные кондиции при продаже: существует масса анекдотов по поводу способности цыган продать больную, старую или хромую лошадь, осла или недойную корову.

Современный испанский этноним, обозначающий этот этнос – gitano, по-видимому, греческого происхождения (от «Zingano», ср: cigano – в португал. или цыган в русск.). Однако в языке испанских цыган – «кало́» (caló или zincalé) – достаточно много наименований цыган: zincaló, caló, caloró, pindoró и др., а вот цыганское слово gom / gomá, которым называют себя русские цыгане, у испанских означает просто «мужчина или женатый мужчина». До сих пор для обозначения цыган используется и историзм – flamenco, который помимо обозначения выходца из Фландрии, приобрел в XVI в. еще и оценочное значение – «прохвост», «мошенник»¹, которое и по сей день сохранилось в испанском языке.

Появление цыган в Испании поначалу никак не озаботило местные власти, однако уже в 1449 г. в законодательном акте «Pragmática de Medina del Campo» короли Испании, вдохновленные архиепископом Хименесом де Сиснеросом, заявляют следующее: «...вы переезжаете с места на место издавна, уже много лет, не занимаясь ни ремеслом, ни какой другой работой, кроме попрошайничества, бродяжничества и воровства, обманывая, ворожа и гадая, и занимаясь другими нечестными и недолжными делами». И далее предписываются следующие меры борьбы с цыганами, упорно не желающими вести оседлый образ жизни и заниматься сельским хозяйством:

«Цыганам (egipcios) и чужестранным лудильщикам² в течение 60-ти дней после указа предписано осесть на месте и служить там господам, которые будут обеспечивать их всем необходимым, а не бродяжничать по королевству, либо по истечению этих шестидесяти дней покинуть Испанию, а за неисполнение сего они на первый раз наказываются сотней розог и пожизненным изгнанием, если же будут пойманы во второй раз – обрезанием ушей и тюремным заключением в кандалах сроком на 60 дней с последующим выдворением»³.

Эти документы приводит профессор Мария Хосе Льоренс в первом в Испании кратком «Цыганском словаре» (1991), дополненном социо- и этнокультурными комментариями и образчиками цыганского фольклора. Во введении она же цитирует и более жесткие «Прагматики» (королевские указы) короля Карла V, созданные в 1528 и 1534 гг. – во времена абсолютизации королевской власти в Испании. На основании этих документов нарушение закона в третий раз каралось пожизненным заключением, а в 1537 г. наказание цыган за бродяжничество и отсутствие работы (или службы у господина) каралось 6 годами королевских галер и последующим изгнанием. В 1611 г. король Филипп II приказал цыганам заниматься только земледелием, запретив

¹ Именно так воспринимали испанцы в XVI в. наводнивших их страну вороватых управленцев из Фландрии.

² С первых лет пребывания в Испании и по сей день цыгане занимаются лужением кастрюль и сковородок и другими жестяными работами.

³ Эти примечательные документы цит. по кн.: *Льоренс М.Х.* Diccionario gitano. Madrid, 1991. P. 55–56.

им продажу чего бы то ни было, а при перепродаже на ярмарках и в городах следовало проверять принадлежность продаваемой упряжи и других товаров продавцу-цыгану, в противном случае изымать товары и заключать вора в тюрьму. Век спустя, в 1717 г., Филипп V дал месяц на регистрацию всех цыган и принадлежащего им скота и оружия, предписав им проживание в 41 городе Испании. Помимо черты оседлости, им предписывалось не иметь лошадей (только ослов и мулов) и никакого огнестрельного оружия, за нарушение – 8 лет галер для мужчин, розги и изгнание – для женщин, а также не заниматься работой по металлу и торговлей (наказание за это – 6 лет галер или 200 розог для женщин).

И только при просвещенном монархе Карле III статус расы-изгоя существенно меняется: в «Прагматике» от 19 сентября 1783 г. цыгане не называются проклятыми и им разрешен любой род занятий, под запретом остается лишь использование цыганского языка и ношение цыганской одежды. Если же они продолжают бродяжничать в своей одежде, даже под предлогом поездки на ярмарку или рынок, местным властям предписывалось клеймить им спины каленым железом, а в случае повторного нарушения закона – карать смертной казнью (эти наказания не касались лиц, не достигших 16 лет).

Что касается запрещения цыганского языка – это требование представляется вполне понятным и обоснованным: мало ли о чем договорятся цыгане на непонятном языке, да и принцип «одна страна – один язык» в то время способствовал укреплению централизованного национального государства. А вот смысл запрета на одежду становится понятен из воспоминаний иностранных путешественников: и французы, и русские восхищенно описывают роскошные формы цыганок, не скрываемые расстегнутыми блузами, лишь подчеркнутые шнурованными корсажами и короткими, подхваченными у пояса подолами юбок, а у старых цыганок юбки были столь широки, что под ними можно было скрыть как украденное, так и оружие, для этой же цели служили короткие шаровары («bombachos») у мужчин. Помимо яркости цвета одежды, огромного количества лент и украшений у женщин, в прошлые века их наряды отличало пристрастие цыганских мужчин к галунам, пышной отделкой тесьмой и неисчислимым пуговицам и пуговкам, которые пришивались и на куртку, и на брюки, и на краги или лосины – и, конечно, обязательно низкая шляпа с полями. Кстати, многие эти элементы сохранились и сейчас в народном костюме андалузца-шеголя, делая неповторимым облик типичного *señorito andaluz*.

Итак, уклад цыганской жизни в Испании можно считать устоявшимся к концу XVIII – началу XIX в. Преимущественная зона расселения цыган – Андалусия и восточное побережье Испании от Каталонии до Мурсии. Как правило, жили они в лачугах на окраинах, только в Гранаде заселили пригород Сакро Монте (знаменитые пещеры, в которых раньше были кузницы, превращенные сейчас в туристические объекты), а в Севилье значительная

их часть проживала в районе Триана. Мужчины в основном занимались кузнечным и ювелирным делом, коневодством и выездкой лошадей, женщины – плетением из соломы, торговлей и ворожкой, ну и, конечно, многие пробавляются воровством. Искусство тогда не было родом деятельности: пение и танцы – всего лишь отдых от работы, способ выражения радости в праздники и скорби на похоронах. Собственно фламенко зарождается как танец семейный: после работы в кузнице мужчины, а чаще их жены, танцевали под ритм, отбиваемый каблуками или обрубками тростника (имитируя стук молотов), а чаще отбивали ритм танца руками по столу или хлопками ладоней; никаких гитар в большинстве цыганских семей не было.

Любимым инструментом цыган гитара стала, конечно, в Испании, а уж потом разошлась по миру. По преданию гитара (от греч. *cithara*, от шумеро-вавилонск. киннора) была завезена в Испанию из Рима уже во II в. н. э. (первое ее изображение нашли на барельефе в Мериде), с X в. подобных изображений стало довольно много, а вот в XIII в. на прекрасных миниатюрах к знаменитым «Кантикам Святой Марии» короля Альфонса X Мудрого их уже множество¹. Средневековые певцы (хуглары) сопровождают свое пение гитарным аккомпанементом, гитара становится популярным инструментом при дворах знати, а вот народным инструментом она стала гораздо позже как раз благодаря цыганам.

В XIX в. испанская гитара стала пятиструнной, в XVIII в. – шестиструнной, а современный вид она обрела в XX в. в руках испанского мастера Антонио Торреса. Кстати, в цыганском языке гитара называется не *guitarra*, а *sonanta*.

В XIX в. вся Европа покорена испанскими цыганами, вдохновившими французов П. Мериме и Бизе на создание бессмертных шедевров о цыганке Кармен. Ее образ, пение и танец цыган стали восприниматься как воплощение безудержной страсти, вольнолюбия, не терпящего ограничений и законов. Цыгане же вкладывали в свой танец и пение иной смысл.

Чтобы понять это, нам не обойтись без обращения к теме фламенко – искусству цыган Андалусии. Тема эта заслуживает специального исследования, однако несколько кратких замечаний сделать необходимо. Это искусство возникло как результат сплава нескольких этнических элементов и культурных традиций и с самого начала – как протестная культура преследуемых и притесняемых народов. Вот какие источники фламенко выделяет известный испанский фламенколог Риккардо Молина: «Панорама музыкальной анархии и различных течений: восточные напевы, семитские и византийские

¹ Причем они представлены двумя типами гитар, ставших родителями современной испанской гитары: это гитары латинские – сложной формы, сужающиеся кверху, похожие на современные, а играли на них пальцами, и гитары мавританские или арабские – овальные, на которых играли с помощью плектра (медиатора). Звук у гитары латинской – более мягкий и мелодичный, а у арабской – пронзительно резкий, о чем пишет Хуан Руис в художественном шедевре XIV в. «Книге благой любви».

литургии, призывы муэдзинов, обработанные песни от Зирйаба, индийские и персидские мелодии, иракские песни от Арифа из Багдада и Омара из Басры – все это активно сосуществовало во взаимном и непрерывном взаимодействии. До XV в. арабо-андалузская музыкальная культура, которая содержала указанное созвездие течений, господствовала на юге Иберийского полуострова»¹.

В Андалусии фламенко долгое время оставалось тайным (герметичным) искусством, его традиции сохраняли в цыганских семьях, и местом исполнения первых песен и танцев фламенко были кузницы, где после работы под такт кузнечных молотов пели и танцевали эти исполненные драматизма и тоски мелодии. Живописные наряды современных танцовщиц фламенко – платья с длинными шлейфами и оборками – тоже родом из кузниц, где хозяйки подбирали у пояса свои фартуки и юбки, чтобы было удобнее танцевать, отсюда и «домашнее» название этого роскошного наряда – *bata*, халат (в виде фартука).

Страдание, боль, редко радость, чаще темная тоска – все есть в этих песнях, а танец – это всегда воплощенное драматическое противоборство с судьбой и смертью. Магия звуков и жестов для испанца неотделима от понятия *duende* – дуэнде, таинственной силы, которая вдохновляет и раскрывает душу исполнителя и произведения. Ф. Гарсиа Лорка в своем докладе «Теория и игра дуэнде», прочитанной в Гаване в 1930 г., сказал о ней: «Эти мрачные звуки – тайна, корни, вросшие в топь, про которую мы все знаем, о которой мы ничего не ведаем, но из которой приходит к нам главное в искусстве... Так вот, дуэнде – это мощь, а не труд, борьба – а не мысль. Помню, один старый мастер гитарист говорил: “Дуэнде не в горле, он поднимается изнутри, от самых подошв”»².

С наибольшей силой магия дуэнде проявляется в канте хондо – глубинном, горловом пении, которое Лорка называл древним андалузским пением. В своей лекции «Канте хондо» (1922) он попытался раскрыть коренные отличия природы фламенко и канте хондо: «Сущность отличия канте хондо от канте фламенко состоит в том, что канте хондо восходит к древнейшим музыкальным системам Индии, первообразцам пения, а фламенко, его позднее эхо, определено и окончательно сложилось в восемнадцатом веке.

¹ Цит. по: *Эль Монте Анди*. Тайны забытых легенд. Тула, 2003. С. 28. Эта замечательная книга об истории фламенко содержит много фактов, фотографий и воспоминаний самых известных исполнителей фламенко. Необходимо заметить, что упомянутый автором книги Зирйаб (черная птица) – это прозвище Абу аль Хасан Али (789–857), известного багдадского музыканта и поэта, которому выдающийся исторический деятель – эмир Кордовы Абд ар Рахман II – поручил распространять персидскую музыку в его мусульманских владениях в Андалусии.

² *García Lorca F. Prosa. Poesía. Teatro*. Moscú, 1979. P. 48.

Канте хондо – таинственный отсвет первовремен, канте фламенко – искусство почти современное и сильно уступающее по глубине чувства. Духовный колорит и местный колорит – вот в чем их коренное отличие»¹.

Язык танца и жеста, темная магия горлового пения чрезвычайно важны для понимания того, как сформировалась картина мира цыган, их национального сознания. Но существует и язык повседневного общения цыган, также обладающий ярко выраженной спецификой. Цыганский язык с XVI в. остается языком семейного общения, активно пополняет жаргоны маргиналов и преступников; запрещенный властями, он становится герметичным, языковым кодом для посвященных.

Подчеркну, что сегодняшние испанские цыгане – по-прежнему билингвы, хотя испанские исследователи настаивают на том, что на языке калó в чистом виде сегодня не говорит ни один цыган, и речь может идти скорее об использовании лексических и морфо-грамматических элементов цыганского языка, укоренившихся в среде андалузского диалекта испанского языка и многочисленных испанских жаргонов. Лексика калó и некоторые словообразовательные форманты, действительно, богато представлены в испанской разговорно-фамильярной речи, но особенно ярко в воровских и молодежных жаргонах, начиная с древнейших *jermanías* и заканчивая молодежными *pasota* и *cheli*.

Более пятисот лет цыганский язык, преследуемый и запрещаемый властями, развивается во взаимодействии и под ощутимым влиянием испанского (кастильского) языка. Влияние испанского проявляется не только на лексическом уровне, но и на морфо-грамматическом: из кастильского языка были заимствованы цыганским продуктивные суффиксы и словообразовательные модели; спряжение глаголов в цыганском калó схоже с испанским (отмечу, что все глаголы заканчиваются на -аг, т. е. относятся к 1 спряжению). Даже фонологический и фонетический уровни калó обнаруживают черты сходства с испанскими².

Рассмотрим, например, как в калó работают испанские продуктивные модели словообразования от существительного: заимствованное из испанского слово «alta» (с измененным значением: у цыган испанское прилагательное «высокий» стало означать «башню» или «высокое окно») по испанской модели формирует производное «altana» (храм) и глагол «altanar» (женить, венчать), а далее, в соответствии с испанскими нормами, образуются причастия «altanaá / altanaó» (замужняя / женатый), произношение и написание которых отражает фонетические особенности андалузского диалекта – выпадение интервокального [d].

¹ Гарсиа Лорка Ф. Избр. произведения. Т. 1. М., 1986. С. 374.

² Исследование черт сходства языка цыган с испанским или другими языками (включая многочисленные лексические заимствования), а также этимологии цыганских слов не входило в задачи данной публикации и должно содержание специального исследования, однако нам показалось целесообразным продемонстрировать некоторые характерные словообразовательные модели, свидетельствующие о тесном взаимодействии языка цыган с кастильским.

Сложное слово «раñисарí» (водка) образовано путем словосложения цыганских основ по испанской модели: «раñí» – вода и «сарé» – пылающая. Ср. с испанским «aguardiente»: agua + ardiente.

Интересным случаем использования не только словообразовательной модели, но и заимствованного иноязычного форманта -moto является цыганское слово jolilimotó от цыганского слова jolili (земля) по модели испанского terremoto – землетрясение¹.

Довольно большая группа сложных слов построена по индоевропейской модели со словом «половина»; в калó – это основа «pas» (стяжение от «раque»). Например: от «muló» (мертвый) – «pasmuló» (полумертвый), также образованы «полночь» – pasrachí, «полуостров» – pasbeschí. Интересно, что эта модель используется и для номинации «мачехи», полу-матери – pasdaí (от daí- – мать), в отличие, например, от испанской модели madrastra с прибавлением суффикса -astro/a, со значением «ненастоящий».

Имя, обозначающее деятеля, как правило, образуется с помощью суффикса / флексии -ó: «libanó» (писарь) от глагола «libanar» (писать), при этом любопытно, что производное слово «liniarista» (изготовитель ликера) от «liniarí»(ликер) образовано по продуктивной испанской модели с суффиксом -ista.

Употребительный путь создания отрицательных форм в цыганском – префикс in-: «muleta» – мертвый и «inmuleta» – бессмертный.

Приведу пример адаптации испанской лексемы путем метафорического переосмысления: слово «árbol» (дерево) в цыганском языке приобрело значение «тело». Отмечу, что этим же путем пошли испанские молодежные жаргоны: слово «tronco» (ствол) обозначает в жаргонах пасота (pasota) и чели (cheli) и «тело», и «человек», а его усеченная форма «tron» соответствует русскому жаргонному «чел».

Любопытные случаи адаптации испанских слов с помощью продуктивных цыганских суффиксов часто похожи на детскую игру (или воровской жаргон), в результате которой создается свой код или тайный язык, криминальный жаргон. Например, образованные от «saludar» (здороваться, приветствовать) глаголы «saludisar» и «saludisarar» или глагол «andivelar» от «andar» (ходить, бродить). Характерны и частотны случаи, подобные созданию местоимения «асоí» вместо «aquí, acá», а также трансформация лексемы с использованием метатезы: «grito» (крик) вместо «trigo» (пшеница) или каламбурного перевертыша типа «trensa» (коса) вместо «prensa» (пресса).

Испанские исследователи утверждают, что языком цыган сегодня не владеет никто, что он «растворился» в андалузском диалекте (хотя точнее было бы сказать, что этот диалект использует язык цыган) и что сегодня можно говорить об искусственно реконструируемом на основе цыганской лексики цыганском эсперанто, непонятном даже цыганам других стран. Однако, учиты-

¹ Любопытно, как и когда появилось в цыганском заимствование из русского *isba*, означающее у цыган «спальню», или «альков».

вая современные тенденции к национальной самоидентификации этносов Испании, я думаю, что цыганский калó в будущем не растворится в жаргонах, андалузском диалекте или литературном испанском языке. Ведь язык – это не просто легко сменяемая надстройка, а неотъемлемая часть сознания социума, воплощающая его представления о мире, опосредованные и данные нам в языковой форме.

Выдающийся испанский философ Мигель де Унамуно, баск, писавший по-испански, в работе «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» отметил, что «всякий культурный язык имплицитно несет в себе некую философию. Действительно, язык – это потенциальная философия»¹. И далее: «Каждый из нас мыслит, исходя – сознательно или бессознательно, вольно или невольно – из того, что мыслили другие люди, те, что жили до него. И те, что его окружают... Мышление покоится на предрассудках, а предрассудки содержатся в языке». А далее Унамуно повторяет вслед за О.В. Холмсом вывод о том, что «раса, кровь духа – это язык»².

Особенности мышления испанских цыган, их предрассудки достаточно ярко проявились в их языке – крови их национального духа.

Итак, начнем с базового ряда понятий и рассмотрим, как именуются цыганские боги. Справедливый высший Бог «Debel» и его варианты Ondebel / Ostedel происходят от санскритского слова, есть у этого бога и мать, тоже богиня – «Debla». В отличие от «своего», христианский Бог называется цыганами Teblequeró / Terebideró / Vatimují. Формант Те, указывая на божественное происхождение, сохраняется в номинациях и Христа и Девы Марии, соответственно Tebleque и Tematea, он используется и в других обозначениях христианских священнослужителей: telaré (аббат) и telloré (священник). В цыганской номинации христианского Бога – Teblequeró – чрезвычайно интересен формант (суффикс) -гó, обозначающий деятеля (ср. brequenegó – защитник, bendogó – лодочник, bizaugó – должник). Таким образом, в цыганском обозначении христианского Бога заложено значение «сотворивший Христа» – Tebleque по-цыгански.

Практически все слова, называющие в калó темные силы зла, однокоренные, и этот единый корень также санскритского происхождения «beng» – одно из имен нечистого. Этот корень находим во всех лексемах, называющих дьявола: bengogó / bengogó / benguí и сил (духов) зла – bengués chirés, а также дракона (змея) – bengué и василиска – bengojí. В уже упомянутой мною работе М. Льюренс, ссылаясь на другого исследователя – Миклошича, пишет о том, что корень этот происходит от санскритского «bhesa» – «лягушка», а символика образа, по его предположению, связана с мифом о змее.

Однако этот корень мы видим и в глаголе benguebar (обжигать, опалить); таким образом, основной и объединяющей семьей в этих обозначениях яв-

¹ Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. М., 1996. С. 284.

² Там же. С. 285.

ляется сема «пламени, жара и огня». Отмечу, что среди неевропейских цыган есть огнепоклонники, да и у испанских цыган отношение к огню исполнено мистики. Ведь совсем не случайно один из основных видов их деятельности – кузнечное дело – также связан с огнем.

Чтобы убедиться в этом, рассмотрим большую группу производных от основы *jach* – «железо, сталь, чугун». Слово *jacharero* означает «кузнец», однако значительно большее количество производных от *jach* лексем связано с семами «жара», «огня» и «страсти»¹: «*jacha*» – жар, «*jachar*» – ошпаривать, накалять докрасна, «*jacharar*» – обжигать, жечь, «*jacharao*» – горящий, обгоревший и... влюбленный, «*jacharé*» – горение, зной, жжение и... страдания заключенного, «*jacharó*» – согрев, специальная лексема «*jacharí*» обозначает страстную пылкую женщину, и, наконец, слово «*jachirén*» – шумное веселье, гулянку. В этих словах заключено так много сути цыганской жизни, что совсем не удивительно еще одна ассоциация (непривычная для нас), которая реализована в значении слова «*jachivar / jachiver*» – рассвет, который у цыган ассоциативно связан с теплом восходящего солнца. Слово-концепт *jach*, без сомнения, один из важнейших концептов цыганской культуры.

Как тут не вспомнить кульминацию балета «Любовь-колдунья» («*Amor brujo*») Мануэля де Фальи – знаменитый и так часто исполняемый «Танец огня». Загораживающая, мистическая, обладающая магической силой музыка. А в исполнении труппы выдающегося танцора фламенко² Антонио Гаде-са этот танец в одноименном фильме-балете Карлоса Сауры похож на ритуальный танец, где каждое движение, каждый жест исполнен мистического смысла и обжигающей страсти.

Закрытый, тайный, цыганский мир обладает своей топонимией и антропонимиком – сводом имен; кстати, сегодня цыганские имена входят в моду не только в Андалусии. Цыганские имена, действительно, необыкновенно звучны и необычны, хотя в словарях калó часто цыганское имя представлено как аналог испанского. Это не вызывает сомнений в тех случаях, когда речь идет об имени, образованном по аналогии с общероманским, например: *Ñuntivé* (исп. *Julio*), по-цыгански слово так же, обозначает месяц июль, или *Manfariel* (исп. *Ángel*) употребляется и как нарицательное – «ангел»; или именах, ассимилирующих испанские имена вроде *Bachano* (исп. *Sebastián*) или *Inoscá* (исп. *Ignacio*). Однако еще предстоит доказать справедливость суждения об аналогичности имен *Simprofíe* – исп. *José*, *Gerinel* – исп. *Miguel*, *Adonay* – исп. *Manuel*, *Quidico* – исп. *Casimiro*, *Atronense* – исп. *Antonio*. Интересно, что уменьшительные имена в цыганском языке также могут иметь

¹ В отличие от русского и общеевропейского ассоциативного ряда: железная воля, твердый как сталь / железо, – европейская железная леди отличается негибкой волей и сильным характером, а отнюдь не горячей страстью «раскаленной цыганки».

² В Испании таких исполнителей традиционно называют *bailaor*, от исп. *bailador* – танцор; отмечу, что цыгане называют испанским словом вора, с этим значением литературное испанское слово перекочевало в жаргоны.

другую основу. Например, Jardany (Juan по-испански) и Barsalí – (Juanito). Среди женских имен больше тех, что происходят от имен нарицательных, например: Ciba – Чудо, Golipén – Здоровье, Osán – Солнце.

Названия испанских и европейских городов на калó – тоже код, недоступный непосвященным. Рассмотрев названия некоторых испанских городов, можно убедиться в том, что часть из них в калó представляет более поздние топонимы-дублиеты. Например: Adalí и Madrilatí – Мадрид; или Bajarí и Varnojina – Барселона; Chante и Chaute – Сеута; существуют даже три названия Севильи – Serna, Uliya и Safocoro. На фоне этих достаточно древних названий близость топонима Llundun к оригинальному английскому названию Лондона, по-видимому, свидетельствует об относительной «молодости» цыганского топонима.

Андалусия называется у цыган Pinacenda, а название Кастилии довольно близко к испанскому – Castumba; что касается Испании, то наиболее распространенный топоним для обозначения страны – Sesé, соответственно, испанец называется sersén, seyogé или jenjen. Можно предположить, что это звукоподражательные названия страны и ее жителей, говорящих с поразившими цыган шипящими «s» и гортанной «j», но в специальной литературе я пока таких заключений не встречала.

Интересна, на мой взгляд, группа слов, производных от топонима Bordagia – Иудея; понятно, что слова bordajú/í обозначают иудея обоих полов, однако словом bordaja цыгане называют и мавра, а bordelé/í – христианка или христианку вообще.

Цыганский язык неотделим от манеры речевого поведения его носителей и того, что для любого испанца куда важнее слова – жеста. Гордая поступь, картинные позы, исполненные врожденного изящества жесты, грация и темперамент свойственны и мужчинам и женщинам, как в обычном поведении, так и в танце, где язык жеста доведен до совершенства. А острословие¹, доверительность и желание показать свою близость и расположенность к собеседнику, а в случае необходимости завоевать его доверие и получить из этого определенную выгоду для себя – черта умелых торговцев, гадалок, ну и, конечно, мошенников.

Займствования из калó, по мнению испанских и зарубежных лингвистов, составляют от 20% до 85% испанских молодежных и воровских жаргонов, кроме того в словарях – как толковых испанских, так и двуязычных – большое количество подобных займствований сопровождается пометами «андалусизм». Однако многочисленные займствования из цыганского языка принесли в разговорный кастильский помимо просторечий, жаргонизмов и вульгаризмов, что чаще всего отмечают лингвисты, нечто, как мне кажется, куда более важное – иную тональность, ту самую доверительность, интим-

¹ Даже одно из значений слова gitano – цыган в современном испанском языке – «острослов, шутник».

ность и *домашность*, а также остроту, *garbo* (особое изящество стиля и яркость), которые так ценят испанцы в андалузцах. Суровость и сдержанность испанского (кастильского) языка, качества, которые испанские филологи традиционно считают доминирующими, даже в ораторской речи сегодня дополняются присущими андалузскому диалекту лингвистическими особенностями (во многом обусловленными цыганским влиянием). Андалусизмы (цыганизмы) используются СМИ для «оживления» речи, сокращения дистанции между говорящим и слушающими, достижения столь важной для успешной коммуникации доверительности.

В самом деле, нельзя представить разговорный испанский, в том числе и семейный, для «внутреннего» пользования, без уютного слова *calcos* (обувь, чувяки), доверительного *chaval/a* (парень, деваха), выразительных *chalado / chalaó* (чокнутый, сбрендивший), *chola* (башка), *chiringai/to* (апельсинка), *chera* (горб), или употребляемого даже академиками слова *pelma* (зануда). От испанских студентов я слышала слово *chiscón* (забегаловка – о скверной столовой); не уверена, впрочем, знают ли они о том, что произошло оно от цыганского глагола *chiscar* (плевать), значение которого очень точно характеризует качество предлагаемой заведением еды (вроде нашей «тошнилочки»). Большинство испанцев даже не подозревают, что они ежедневно используют и слышат столько цыганизмов, а не жаргонных, по мнению пуристов, слов.

Так и в Андалусии и в Арагоне употребляют как свое исконное цыганское слово *lacha* (стыд, срам, нахальство), а в мужском роде это слово *lacho* «пересекло» океан, обозначая сегодня в Перу и Чили «любовника» и «пижона», тогда как цыганское *lachó* значило просто «добрый и пригожий». А как жителю Мадрида обойтись без цыганской интерпретации *fogo* как столицы, ведь выражение *ser del fogo* – «быть столичным жителем» – употребляется абсолютным большинством мадридцев. Цыганское слово *sandunga* в испанском языке реализовало оба свои значения: в иберийском варианте – для обозначения привлекательности и пикантности, а в латиноамериканских вариантах испанского языка, как и в цыганском, оно значит «шумное веселье», «празднество»¹. Может быть, составителям наших словарей пора наконец сопроводить подобные слова пометой цыг. (цыганизм), а не просто *арго*, или, в лучшем случае, *андалусизм*.

Действительно, цыганский языковой и общекультурный адстрат лег на богатейший субстрат испанской культурной почвы, что привело не только к дальнейшему развитию андалузского диалекта и завершению формирования того, что теперь принято называть культурной специфичностью этого региона. Цыганская традиция проросла в иберийской цивилизационной модели

¹ Слово «проросло» в национальных вариантах дериватами: прилагательным – *sandunguero* – прелестный, привлекательный (в пиренейском испанском) и любящий повеселиться (в Латинской Америке) и глаголом *sandunguear* – веселиться, праздновать – в нескольких латиноамериканских вариантах испанского.

особым взглядом на мир, а иберийская мифологема дополнилась новой мифологией.

Андалусия благодаря цыганам превратилась в сознании иностранцев в легендарную область, подобную древней Тартессии, где под знойным небом среди апельсиновых рощ смуглые красавицы и красавцы под страстные переливы гитары непрерывно поют, танцуют, шутят и веселятся. Мир фиесты, которая всегда с тобой или где-то там, без тебя, – эта мифологема Испании стала возможна и была в своем окончательном виде создана европейцами только после завершения цыганской экспансии. А фламенко сегодня стало почти религией, ее адептов и в Испании и по всему миру привлекают чудо импровизации, в которой жизнь, любовь и смерть ранят звуками и жестами; драматический накал страсти, самоотдача до исступления, спонтанность и подлинность чувств – словом, все то, что почти невообразимо в наш прагматичный и технократический век.

Сведения об авторе:

Юлия Леонардовна Оболенская,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Julia L. Obolensky,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

К.И. Долотин, В.В. Красных

**Экспериментальные исследования дискурса:
анализ информационных характеристик
и психолингвистическое портретирование**

Аннотация: В статье анализируется дискурс участников телепередачи «Закрытый показ», посвященной обсуждению кинофильма «Гадкие лебеди». В фокусе внимания находятся информационные характеристики дискурса и психолингвистическое портретирование участников дискуссии.

Abstract: Discourse of the TV-show «Zakrytyy pokaz» participants is analyzed in the given article. Discourse information characteristics and psycholinguistic mapping of the discussion participants are in focus.

Часть II.

**Анализ коммуникативного поведения говорящих
с точки зрения единства текста**

Аннотация: В данной части статьи представлены некоторые основные принципы комплексного анализа коммуникативного поведения участников общения, позволяющие – через порождаемый ими текст – выявлять наличие / отсутствие у коммуникантов единой установки на осуществление совместной деятельности.

Abstract: Some basic principles of complex analysis of communicative behavior are presented in this part of the article. The analysis in question allows to reveal – through the prism of the text being produced – existence / absence of psychological setting for joint / common activity.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, совместная деятельность, единство текста

Key words: communicative behavior, joint / common activity, text unity

Данная часть статьи посвящена некоторым основным принципам комплексного анализа коммуникативного поведения участников общения. В данном случае в фокусе внимания находится наличие / отсутствие у коммуникантов единой установки на осуществление совместной деятельности, что проявляется на уровне строения порождаемого ими текста. Такого рода анализ может быть как

самодостаточным (если его целью является выявление указанной установки или ее отсутствия), так и первым шагом на пути психолингвистического портретирования участников коммуникации с точки зрения выявления и описания их психоэмоционального состояния в момент речи.

Особо следует оговорить, что предлагаемая методика предназначена в первую очередь для анализа спонтанного коммуникативного поведения в нестандартной (прежде всего) ситуации общения (например, при необходимости быстрого решения возникшей проблемы, при возникающем / возникшем конфликте участников коммуникации, при резком и неожиданном изменении условий коммуникации и под.). Соответственно, необходимо сделать несколько оговорок, касающихся анализируемого материала, в качестве которого в данном случае мы взяли запись телевизионной передачи «Закрытый показ», посвященной обсуждению фильма Константина Лопушанского «Гадкие лебеди».

Первое. Совершенно очевидно, что любая дискуссия в рамках телевизионного ток-шоу является в той или иной степени подготовленной, в силу чего поведение ее участников трудно признать однозначно спонтанным, поскольку каждый из коммуникантов имеет, как минимум, общее представление о том, о чем пойдет речь, и, соответственно, в большей или меньшей степени готовится к выступлению. Помимо этого существует сценарий телепередачи, в котором каждому из участников предписана некоторая роль (единомышленник / оппонент, союзник / противник, «эксперт», «жертва» и под.). Конечно, степень «прописанности» роли может быть различной, и в ток-шоу, подобных анализируемому, участникам не раздаются тексты, которые они должны озвучить, но общая канва, безусловно, известна (как минимум, ведущему, а возможно, и всем выступающим) заранее: кто будет выступать «за», кто «против», кто с доброжелательной критикой, кто с резкими замечаниями, кто с экспертной оценкой со стороны, кто с комментариями изнутри и под.

Второе. Поскольку существуют сценарий и ведущий-модератор, следующий таковому, то совершенно очевидно, что именно последний во многом предопределяет степень участия в общении того или иного участника, провоцирует или, наоборот, смягчает остроту дискуссии, корректирует «в нужном направлении» поведение конкретного отдельного коммуниканта, всех коммуникантов и ход обсуждения в целом. Все это, разумеется, снижает уровень спонтанности общения и, следовательно, ограничивает естественные проявления психоэмоционального состояния участников общения, что также затрудняет их психолингвистическое портретирование, некоторым (а подчас и весьма определенным) образом «смазывая» картину.

Третье. Идеальной для психолингвистического портретирования психоэмоционального состояния коммуникантов представляется ситуация, когда эксперт, осуществляющий таковое, имеет возможность непосредственного наблюдения за коммуникативным поведением участников в процессе общения «здесь и сейчас» и впоследствии (при анализе записи такового) может в

случае необходимости апеллировать к своим первоначальным впечатлениям и к своим записям / пометам / комментариям, сделанным, что называется, по ходу развития коммуникации. Однако повторим, что это именно идеальная ситуация, в которой эксперт оказывается достаточно редко.

Четвертое. Для того чтобы сделать адекватные и релевантные выводы о психоэмоциональном состоянии коммуникантов, необходимо проследить их коммуникативное поведение на протяжении всего анализируемого фрагмента коммуникации. Запись телевизионной передачи со всей очевидностью такой возможности не дает: телевизионная картинка фокусируется на том или ином участнике, игнорируя остальных, в соответствии с законами жанра, со сценарием, с предпочтениями и общим видением режиссера и под. Следовательно, визуальное наблюдение за всеми коммуникантами на протяжении всей дискуссии по меньшей мере затруднено или просто оказывается невозможным: часть из них находится вне кадра вообще либо показывается со спины или же с такого ракурса, что фиксировать их мимику, жесты и другие невербальные средства общения не представляется технически выполнимым.

Пятое. Существует такая вещь, как монтаж, который еще никто не отрицал. Кроме того, при записи передачи, как правило, есть возможность перезаписать какой-то ее фрагмент. Следовательно, в любом случае мы имеем не фиксацию реального спонтанного общения в том виде, как оно проходило на самом деле, а ту его «презентацию», которая в большей или меньшей степени соответствует «представлениям о...» и предпочтениям авторов передачи.

Соображений против использования записи различных материалов из телеэфира можно привести еще множество. Почему же, имея в виду только что сказанное (и несказанное, но предполагаемое), мы тем не менее позволили себе взять в качестве материала анализа именно запись телепередачи? Дело в том, что в этой части статьи мы видим основную задачу не собственно в портретировании конкретных участников данного конкретного ток-шоу (в данном случае речь вообще может идти скорее о некоем «портретировании масок / персонажей», и только с очень большими оговорками – об анализе личностных эмоциональных проявлений реальных участников коммуникации), но в демонстрации некоторых основных принципов и возможностей комплексного анализа коммуникативного поведения, который может стать основой для дальнейшего психолингвистического портретирования психоэмоционального состояния коммуникантов.

В данной части статьи мы фокусируем внимание на том, как с точки зрения строения порождаемого текста, с учетом пара- и экстралингвистических параметров, можно рассматривать установку участников дискуссии на осуществление совместной деятельности.

Как уже говорилось, конкретным материалом послужил один из выпусков телепередачи «Закрытый показ», точнее – фрагмент дискуссии до рекламной паузы; общее время звучания – 32 минуты 24 секунды.

В общей сложности фрагмент содержит – 80 реплик, произнесенных 14 основными участниками данного фрагмента (это сам ведущий, члены съемочной группы, кинокритики, психологи, режиссеры и др.). Некоторые реплики являются однословными высказываниями, некоторые носят развернутый характер (до 1 мин. у ведущего – при введении новой темы; до 2–3 минут у участников дискуссии). Можно сказать, что в основном обсуждение хорошо «срежиссировано», ибо почти все случаи «вхождения» небольшими репликами-ремарками в диалог ведущего с одним из участников или в чей-либо монолог не слишком многочисленны, в массе своей не носят полемического характера и, как правило, дистанцированы во времени (см. $t=05.23^1$; 08.19–25; 09.13–15; 10.53; 15.29; 19.25). Выстраиваемый текст позволяет утверждать, что практически все участники общения настроены на выслушивание собеседников и имеют установку на взаимодействие (что проявляется, в частности, в создании ряда единых микротекстов – см., напр., $t=10.28–11.22$). Вместе с тем нами отмечены несколько случаев одновременного участия в разговоре многих коммуникантов, когда установка на выслушивание собеседника «приглушается» (напр., $t=11.00$; 31.28–49). Приведем в качестве иллюстрации конкретные минифрагменты дискуссии²:

(1) р.9, $t=05$ мин. 19 сек. – р.13б, $t=05$ мин. 41 сек.

В фрагменте принимают участие 3 коммуниканта (2 основных, ведущих диалог, и автор одной реплики), а также аудитория (р.40 и после $t=05$ мин. 41 сек.). Общее звучание фрагмента – 22 секунды. Через 4 секунды после последней реплики данного фрагмента (р.13б) вступает новый участник, который резко меняет (микро)тему.

Реплика 9 является реакцией на предшествующее выступление одного из участников дискуссии, к которому она и обращена. При этом «перебивка» (р.10 и р.12) абсолютно не помешала диалогу между ведущим (р.9) и дан-

¹ $t=05.23$ – 05 минут 23 секунды.

² Принятые далее обозначения: р. – «реплика», р.10 – «реплика номер 10», t – «время звучания с начала записи / передачи», $t=05$ мин. 23 сек. – «звучит на 5-й минуте 23-й секунде с момента начала записи», А.Г. (и под.) – инициалы коммуниканта; НВКК – невербальные компоненты коммуникации. Отметим, что здесь мы не рассматриваем сколь-нибудь подробно звучащую сторону текста, так как в данном случае нам важно его строение. В силу этого мы не прибегаем к классическим способам транскрибирования текста (кстати, неспециалисту читать такие записи достаточно сложно), а используем минимальные пометы: многоточие для обозначения наименьшей воспринимаемой на слух паузы, одинарную косую линию – для паузы чуть дольше и двойную косую – для более длительной паузы; помимо этого, мы указываем на воспринимаемые на слух убыстрение / замедление темпа и на удлинение звучания гласного. В целом же мы по возможности старались соблюсти правила пунктуации и орфографии. Разумеется, подобная подача материала может вызвать многочисленные (и справедливые) нарекания со стороны специалистов в области звучащей речи, однако мы исходили из соображений удобства чтения текста теми, кто таковыми не являются. В данной части статьи представлены скорее рабочие (и далеко и все – *sic!*) «заметки на полях» скрипта, которые позволяют проводить анализ и делать некоторые выводы.

ным коммуникантом. Более того, р.12, являющаяся отправной точкой для развития новой (микро)темы, по сути повторяет р.10, но переадресовывает ее непосредственному собеседнику, на кого направлено внимание и ведущего, и аудитории в целом.

t	р.	Кт о	Что говорит	НВКК
19	9	А.Г .	Марк Анатольевич, а Вы... Вы уверены, что должны с той стороны сидеть?	общий план, аплодисменты, смех крупный план на актрису фильма, она слегка улыбается [противники и сторонники фильма сидят с разных сторон студии]
23	10	Д.Б .	Но он вложил? [свои деньги в фильм]	общий план, продолжается смех
25	11	М. З.	Нет, я...	
26	12	А.Г .	А, Вы вложили бы...	
27	13 а	М.З .	Нет, я с огромной симпатией отношусь вообще к своим коллегам из смежных искусств, поэтому я испытывал некие затруднения... Но мне-то все равно фильм нравится, и дорог режиссер... мне дор... Римма... она могла бы и в Голливуде сниматься...	крупный план М.З. крупный план А.Г., указательный палец левой руки на губах аплодисменты
40	–	???	О-о-о...	А.Г. широко улыбается
41	13 б	М.З .	Она могла...	актриса улыбается
	–	–	Много голосов. Неразборчиво	

В целом можно утверждать, что все участники данного фрагмента демонстрируют установку на осуществление совместной деятельности, что проявляется в порождении ими единого текста, даже при мгновенной смене (микро)темы обсуждения, спровоцированной (смене) до этого пассивным участником диалога. Не участвующие активно в диалоге коммуниканты следят за развитием разговора, непосредственно на него реагируя аплодисментами и смехом (в данном случае мы говорим именно об участниках дискуссии, а не об аудитории в студии; см. НВКК к р.9, 10, 13а).

(2) р.22а, t=08 мин. 19 сек. – р.22б, t=08 мин. 25 сек.

Реплики 22а и 22б, принадлежа одному коммуниканту, по сути являются единой репликой (поэтому имеют один порядковый номер), р.22а и р.22б разделены смехом ведущего и смехом и аплодисментами аудитории; р.22а начинается через 3 секунды после реплики другого участника и выражает непосредственную реакцию ее автора на предыдущее высказывание.

t	p.	Кто	Что говорит	НВКК
19	22 а	М.З.	Нет, я просто Вам скажу, что архаусное кино легче делать, чем... для проката....	крупный план М.З., скептически-презрительное (обычное) выражение лица
23	–	А.Г.	Ха-ха-ха...	громко, долго смеется
24	–	???	О-о-о...	смех, аплодисменты
25	22 б	М.З.	Легче намного.	смех, аплодисменты
	–	–	–	крупные планы М.С., Л.М., смеются продолжение аплодисментов

В целом можно сказать, что данный фрагмент, демонстрирующий неожиданное «вклинивание» одного из участников дискуссии в диалог между ведущим и другим коммуникантом, свидетельствует опять же о единой установке широкого круга приглашенных собеседников на совместную деятельность, поскольку реплика «со стороны» продолжает и развивает обсуждавшуюся до этого (микро)тему. Все коммуниканты вовлечены в совместную деятельность, реагируя на слова говорящего (см. НВКК к р.24, 25 и после нее).

(3) р.23а, t=09 мин. 00 сек. – р.25, t=09 мин. 15 сек.

Реплики 24а и 24б, как и в предыдущем случае, принадлежат одному коммуниканту, являясь по сути единой репликой; они «вклиниваются» в монологическое высказывание предыдущего коммуниканта, вызывая его реакцию (см. «да», с которого начинается реплика 23б, являющаяся по сути продолжением р.23а; в таблице представлена ее финальная часть, релевантная сейчас для нашего разговора). Реплика 25 принадлежит третьему участнику и является продолжением текста, порожденного первым участником. Все три реплики (23а-б, 24а-б и 25) входят в единый макротекст, начатый первым участником, но при этом каждая из них представляет отдельный микротекст, задаваемый собственной «атомарной» микротемой. Через 4 секунды после окончания последней реплики (р.25) ведущий несколько меняет тему, обращаясь к новому участнику дискуссии.

t	p.	Кто	Что говорит	НВКК
09	23 а	К.Л.	эти произведения дают возможность создать такое произведение. Если бы они не давали, к ним бы не обращались. Значит, есть какая-то загадка. Надо сказать, что сейчас снимается несколько фильмов... // вот я знаю, Федор Бондарчук же снимает... это явно будет фильм...	общий план; жесты К.Л.: ладони к себе ладони вверх крупный план М.С., улыбается крупный план А.Г., нейтрально-спокойное выражение лица крупный план К.Л., смотрит на М.С.
13	24 а	М.С.	Посмотрим...	крупный план М.С., улыбается, кивает скептически

14	23 б	К.Л.	да, рассчитанный на...	общий план
14	24 б	М.С.	Посмотрим...	
15	25	Д.Б.	Если Бондарчук снимет арт-хаус, то значит, действительно, пропадай моя телега...	крупный план Д.Б., улыбается, пожимает плечами, подбородок вперед, плечи подняты, быстро качает головой

В целом можно сказать, что данный фрагмент также свидетельствует о единой установке коммуникантов: даже порождая отдельные собственные микротексты, все участники данного фрагмента создают единый макротекст, ибо слышат друг друга и мгновенно реагируют на реплики собеседников.

(4) р.29, t=10 мин. 28 сек. – р.36г, t=11 мин. 22 сек.

В фрагменте принимают участие 4 коммуниканта; общее звучание данного фрагмента – 57 секунд (последняя реплика звучит 3 секунды).

Коммуниканты, имея установку на совместную деятельность (зд.: на дискуссию, предполагающую не только выражение собственного мнения, но и умение слушать и слышать других), строят единый текст (в данном случае – микротекст). Из него выбивается р.34 (ответ-несогласие на р.33а-б), которая разворачивает новую микротему, продолжающуюся в р.35. Однако при этом сами р.33а-б, по мнению их автора, продолжают микротему (а для нас и микротекст), заданный первым коммуникантом.

Первый коммуникант – основной автор порождаемого текста. Ему принадлежат реплики 29, 31а-б, 34, 36а-г общим звучанием около 45 секунд (из 57 секунд общего звучания фрагмента). По сути его развернутое высказывание – «импровизация на заданную тему». Заданность темы, во-первых, очевидна исходя из самого жанра телевизионного ток-шоу (о чем говорилось ранее). Во-вторых, она проявляется, в частности, в том, что коммуникант говорит кратко, «фактографично», практически без повторов (исключение – р.31б и р.36а, в которых дважды произносится «три»: в первом случае как исправление собственной «ошибки», во втором – как, вероятно, подтверждение данного исправления), без явных заминок (паузы свидетельствуют, если судить по тексту, скорее о попытке припомнить и облечь мысль «здесь и сейчас» в лучшую форму, а не «придумать» аргумент на ходу). Текст логически выстроен, коммуникант четко «ведет свою партию» и, даже отвлекаясь от темы, чтобы выразить несогласие, доводит свою мысль до логического конца – см. финальную реплику фрагмента (р.36г). Данные характеристики порожденного текста, думается, могут являться свидетельством того, что автор произносит явно подготовленный текст. Об импровизационности свидетельствуют апелляции к тому, что говорилось ранее в ходе дискуссии (р.31а), а также реакция коммуниканта на высказывания других участников разговора (р.31б, р.34 и НВКК к р.37а), т. е. он слышит собеседников.

Второй участник (ведущий) произносит 4 реплики (р.21, 33а-б, 35). При этом первая реплика (р.21) свидетельствует, как представляется, о его роли модератора, следующего заданному сценарию и в то же время слышащего участников дискуссии (см. начало реплики: «Да-да-да»). Реплики 33а и 33б по сути составляют единую реплику (ранее мы уже сталкивались с подобным) и свидетельствуют о том, что данный коммуникант полностью и активно включен в обсуждение: он следует за логикой разговора и стремится к тому, чтобы его услышали, отсюда и трижды повторенное название фильма, который он считает важным упомянуть. Он слышит ответ-несогласие и реагирует на него (р.35), но при этом продолжает следить за развитием дискуссии и одновременно с основным говорящим называет другой фильм, понимая по ходу разворачивания текста, что именно о нем идет речь в данном случае (см. НВКК к р.36а).

Третий активный участник коммуникации в данном фрагменте выступает автором предположительно двух реплик: одна – «подсказка» (р.32; авторство однозначно установить трудно, оно было определено по голосу, так как на экране представлен общий план) и вторая – одновременное с основным говорящим (первым коммуникантом) и ведущим (вторым коммуникантом) название конкретного фильма (см. НВКК к р.36а). Обе реплики свидетельствуют о включенности данного участника в совместную деятельность (хотя в определенные моменты дискуссии он демонстрирует «выпадение» из общего процесса – см. НВКК к р.36б; однако следует отметить, что в данном случае нет возможности делать однозначные выводы).

Четвертый участник произносит две реплики практически в самом конце фрагмента (р.37а-б). Интересно, что данный коммуникант реагирует в конце реплики 36б первого коммуниканта, предвосхищая, очевидно, имя режиссера, которое должно быть сейчас произнесено (не случайно первый коммуникант делает жест согласия – см. НВКК к р.37а). При этом четвертый коммуникант дает форму настоящего времени глагола («снимает», р.37а), вероятно имея в виду, что работа еще продолжается, а первый коммуникант утверждает ее завершение («фильм закончен», р.36в). Однако р.37в (вторая реплика четвертого участника) носит однозначно утвердительный характер. Правда, в данном случае трудно однозначно определить, было ли это эмоциональным подтверждением собственных слов, согласием с собеседником в целом или реакцией-утверждением на произнесенное собеседником имя режиссера. Но не в этом сейчас суть. Важно то, что как минимум первая реплика данного коммуниканта (р.37а) абсолютно вписывается в тот текст, который порождает говорящий – основной участник коммуникации данного фрагмента.

t	p.	Кто	Что говорит	НВКК
1 8	29	П.К.	Можно я напомню... по поводу как раз экранизаций Стругацких, два слова, да?	крупный план не участвующего в фрагменте участника, улыбается
2 1	30	А.Г.	Да-да-да. Я как раз хотел про эти страницы истории.	крупный план другого не участвующего в фрагменте участника
2 4	31 а	П.К.	Вот... снято... э... насколько я помню... а-а... пять фильмов. Два фильма, которые в общем являются по-своему классикой: это «Сталкер» и «Дни затмения» Сокурова... снятые по повести «За миллиард лет до конца света»... / и плюс фильм Константина Лопушанского. Это, естественно, арт-хаус и... / то, что сегодня сказали, это элитарное кино. Плюс сделаны две... а-а... коммерческие картины, очень плохие: «Дознание пилота Пиркса» и... / второй фильм... //	крупный план А.Г. крупный план П.К., обращается ко всей аудитории, движения из стороны в сторону головой, вращается на кресле общий план со спины П.К. крупный план К.Л. крупный план П.К.; убыстрение темпа, снижение громкости прежний темп и прежняя громкость общий план крупный план П.К., крутит головой в поисках «подсказки»
5 3	32	Д.Б.?	«Отель у погибшего альпиниста» и «Трудно быть богом».	общий план
5 4	31 б	П.К.	«Отель у погибшего альпиниста». Три, три даже.	П.К. показывает три пальца
5 6	33 а	А.Г.	И «Чародеи».	
1 1	–	–	Много голосов. Неразборчиво	крупный план Д.Б.
0 1	33 б	А.Г.	«Чародеи». «Чародеи» не забудьте.	крупный план А.Г.
0 2	34	П.К.	Нет, но «Чародеи» – это телевизионный фильм...	крупный план Д.Б.
0 3	35	А.Г.	Но все равно.	
0 3	36 а	П.К.	И немецкий фильм по-о-о... «Трудно быть богом» Тоже очень плохой, рассчитанный на массового зрителя. То есть три... три провальные картины...	Д.Б. и А.Г. одновременно называют фильм общий план, логическое ударение на «очень» крупный план П.К. логическое ударение на «провальные»
	–	–	Один из участников (Д.Б. – ?) не согласен.	
	36 б	П.К.	которые должны были... / иметь кассовый успех... возможно, какой-то кассо-	общий план. Д.Б. обращается к М.З. П.К. – горизонтальный жест отрица-

20			вый успех они имели, но о них сегодня никто не помнит. А помнят именно эти два фильма и будут помнить третий фильм, который сегодня сделан... и четвертый фильм...	ния ладонью вверх крупный план А.Г., кивает в согласие, взгляд на Д.Б. и М.З – ? крупный план П.К.
21	37а	К.Л.	Сейчас снимает Герман... сейчас снимает...	П.К. делает жест подтверждения в сторону К.Л.
21	36в	П.К.	и четвертый фильм закончен уже Германом,	крупный план К.Л.
21	37б	К.Л.	Да.	К.Л. кивает, улыбается
22	36г	П.К.	который тоже будет... арт-хаусным. Помоему... / все ясно.	общий план. П.К. жест: горизонтальные движения рук ладонями вверх на уровне груди-живота

Таким образом, в целом можно утверждать, что анализ данного фрагмента коммуникации также показал, что все активные участники общения имеют установку на осуществление совместной деятельности и строят единый текст (одним из аргументов в пользу данного утверждения является то, что в р.36а, произносимой первым коммуникантом, упоминается название фильма, которое одновременно с говорящим произносят еще два коммуниканта, что свидетельствует об их внимании и следовании за текстом, порождаемым в данный момент собеседником).

(5) р.42, t=15 мин. 25 сек. – р.44, t=15 мин. 31 сек.

Этот минифрагмент коммуникации длится всего 9 секунд (последняя реплика звучит 3 секунды), но он крайне важен, поскольку позволяет выявить и продемонстрировать включенность (как минимум части) участников коммуникации в общение.

Отметим, что это единственный случай «вклинивания» в чужой (подготовленный) текст на всем протяжении данного монологического выступления, которое длилось в общей сложности 2 минуты 44 секунды (минус 1 секунда на реплику ведущего – р.43). Делать выводы о включенности всех участников дискуссии трудно, поскольку на экране в основном крупные планы самого говорящего, ведущего (внимателен и серьезен, улыбается только в самом начале монолога) и изредка некоторых не участвующих в диалоге участников дискуссии (в рассматриваемом минифрагменте – только одного, который внимательно-сосредоточено слушает говорящего – см. НВКК к р.44).

t	р.	Кто	Что говорит	НВКК
2 5	42	Б.-Л.	И мы видим, что дети приспосабливаются к нему [к виртуальному миру] в массовом порядке... они уходят от книги... они уходят от классики	общий план
2 8				
2 9	43	А.Г.	Они от родителей уходят...	крупный план А.Г., очень серьезен
3 1	44	Б.-Л.	Они уходят прежде всего, конечно же, от родителей.	общий план крупный план К.Л., взгляд вниз вперед; потом на Б.-Л.

Для нас данный фрагмент также интересен тем, как участники диалога могут строить единый текст: если отвлечься от того, что мы имеем реплики разных коммуникантов, и написать произнесенное ими «в строчку», то мы увидим единый текст, как бы созданный одним автором. Это по сути одно из свидетельств того, что коммуниканты осуществляют совместную деятельность.

(6) р.48, t=19 мин. 00 сек. – р.51, t=19 мин. 29 сек.

Общее звучание минифрагмента – 39 секунд (последняя реплика звучит 10 сек.). В нем принимают участие два коммуниканта. При этом второй участник диалога, насколько позволяет судить запись, является активным участником всей дискуссии как таковой: из 80 реплик всего фрагмента 9 принадлежат именно ему (2 из них под вопросом: определяются только по голосу, так как визуальный ряд не позволяет провести однозначную идентификацию говорящего). Из данных 9 реплик только одна представляет собой развернутое (вероятно, подготовленное) высказывание, звучащее 44 секунды, остальные являются репликами-реакциями на слова других коммуникантов (как и в рассматриваемом случае).

Данный минифрагмент также демонстрирует установку коммуникантов на общение: они вступают в диалог, порождая отдельный (параллельный) микро-текст. Стоит отметить, что они настолько понимают друг друга, что даже мена субъектно-объектных отношений в упоминаемом ими произведении (ср. р.48 и р.49а, 50) не препятствует их обсуждению того, что они считают главным. Визуальный ряд (см. НВКК к р.48, 49) свидетельствует о том, что и не участвующие активно в диалоге коммуниканты следят за дискуссией, т. е. также вовлечены в совместную деятельность (см. НВКК к р.48 и 49б).

t	р.	Кто	Что говорит	НВКК
1 9 2 4	48	А.А.	Другой мастер... Рей Бредбери... подарил нам в разных вариантах рассказ «Вельт» или... «Детская комната», где де... где дети... // так или иначе отдают родителей львам. Здесь... другая картина. Здесь все равно есть оптимизм. И он существует.	убыстрение темпа; жест-бокал: ладони вверх и разведены, запястья сближены; смотрит на аудиторию крупный план А.Г., улыбается крупный план К.Л., кивает общий план А.А., правая рука ладонью вверх, мелкие движения вверх-вниз
2 5	49 а	Д.Б.	Родители отдали детей, да?	
2 6	50	А.А.	Родители...	
2 7	49 б	Д.Б.	Большой оптимизм...	крупный план Е.Ф., улыбается
2 9	51	А.А.	Дим, большой... И, наконец, самое главное. Главная сегодня драма – это драма поиска толерантности между детьми и родителями.	общий план; А.А. правая рука в щепотку, движения сверху-вниз, смотрит вниз вправо смотрит вправо, правая рука вверх-вниз, сжата в кулак

Данный минифрагмент так же, как и рассмотренные ранее, демонстрирует общую установку практически всех (как минимум – большинства) коммуникантов на осуществление совместной деятельности.

Нельзя не отметить, что указанная установка реализуется и в тех минифрагментах, когда участники дискуссии одновременно вступают в общение, когда, как уже говорилось, несколько «приглушается» установка на выслушивание собеседников. Такого рода случаи уже частично оговаривались в данной части статьи (см. примеры 1 и 4). Приведем еще один пример, который наглядно демонстрирует общую вовлеченность практически всех участников дискуссии в совместную деятельность (при этом четыре коммуниканта очень активно и эмоционально проявляют себя в обсуждении).

t	р.	Кто	Что говорит	НВКК
30	70 б	АлА т	Дети у нас, я скажу, чудные. Я очень много с ними встречаюсь, с разными возрастами. Чудные, замечательные дети. Просто на поверхность... а.../ вышла информация о каких-то ужасных детях. А о хоро-	крупный план АлАт, улыбается, широко раскрыты глаза, брови вверх, подбородок вперед, корпус вперед, расслаблен, крупный план К.Л., серьезен общий план сбоку крупный план АлАт, жест понимание (большая амплитуда) широкий круговой жест левой рукой

54			<p>ших мы почти не говорим. А чего о них говорить? Неинтересно же. Нормальный ребенок. Чего о нем говорить? Это скучно. Мы живем в мире... потребления жареной информации, когда человечество перепутало</p> <p>счастье и удовольствие.</p> <p>То есть они все время хотят потреблять удовольствие. А вот понятие счастья, оно просто исчезло и растворилось.</p> <p>Но хотим мы того или не хотим, мы... а... / мы все равно умрем.</p> <p>Не человечество, а мы как... а... / персоны. И дети все равно придут на наше место. Поэтому эти... // бессмысленные споры, хороши они или плохи... // от Ассири-Вавилонии, от Древней Иудеи до сегодняшнего дня, они будут продолжаться и продолжаться. Они умнее нас, / они лучше нас, / они добрее нас. И с этим надо смириться</p>	<p>небольшое убыстрение</p> <p>раскрытые руки в стороны крупный план А.Г., сдержанно улыбается</p> <p>крупный план АлАт, смотрит по сторонам, но немного вниз чесет левой рукой за ухом, наклонил голову влево и немного вниз, но лицо вперед, смотрит вниз влево общий план сбоку, выпрямился убыстрение, жест: по горизонтали накрывает несколько вещей ладонью вниз крупный план, открытые глаза, обращение к ауд., жест: попеременные вертикальные движения руками с раскрытыми пальцами на уровне плеч крупный план А.Г. серьезен общий план, жестикация на уровне плеча крупный план Е.Ф., серьезна, грустна крупный план АлАт, общий план сбоку жесты в сторону собеседников, круговые вертикальные движения, убыстрение уверенные круговые вертикальные жесты от себя, фиксирующие тезисы</p>
54	71a	А.Г.	Вы знаете, в чем...	крупный план А.Г., правая рука у подбородка
55	70б	АлАт	и помогать им.	крупный план В.В., голова наклонена вправо, прищурился, улыбка с опущенными уголками рта (несогласие, неприятие, отторжение)
56 31	71б	А.Г.	<p>Да, в чем проблема, почему делает этот вечный разговор об отцах и детях сегодня все-таки актуальным. И свидетельством тому все-таки фильм Константина Лопушанского. Хотя бы потому, что дети... могут быть армией завоевателей только в том случае, если мир, который они будут завоевывать, продолжит свое существование. В чем у меня лично есть огромные сомнения. И когда Вы говорите,</p> <p>что дети умнее нас, добрее нас, они</p>	<p>крупный план АлАт, открыт крупный план А.Г., почесывает правую щеку</p> <p>общий план, крупный план Л.М., подался вперед</p> <p>крупный план А.Г., почесывает щеку</p> <p>указательный палец в сторону АлАт крупный план АлАт, грустно смотрит вправо крупный план А.Г.</p> <p>жест на себя</p>

			придут за нами, они все сделают, в этом есть некое пораженчество, ну... вот с моей точки зрения, которое говорит: «Ребят, ну мы натворили все, что могли. Пусть теперь дети расхлебывают». Вот только что	Широко развел руки в стороны и вниз
28	72а	АлА т	Да ничего мы не натворили! Мне не стыдно за то, что мы натворили.	быстро, эмоционально, высокий тембр крупный план актрисы, смотрит вниз вправо; потом на АлАт, серьезна
30	73а	А.Г.	Погодите, но вот только что...	общий план
30	72б	АлА т	А Вы цитируете сенатора Катона-младшего, который писал: «Гибнет мир... / и мы тому виной».	крупный план АлАт, быстро, «обиженно» отрыг; «пишет», вертикальные жесты
35	73б	А.Г.	Смотрите...	крупный план А.Г.
35	72в	АлА т	Ну что это? Две с половиной тысячи лет назад!..	быстро, эмоционально, «обиженно». разводит руки широко в стороны
	–	–	Общий хор голосов	Д.Б. с другого края дивана, очень эмоционально, и П.К., сидящий рядом скрестив руки на груди, «набрасываются» на говорящего
45	74	Д.Б.	Но империя-то погибла.	смотрит на АлАт, потом в телефон
45	75 а	П.К.	Но Римская-то империя погибла...	АлАт и П.К. сидят рядом, говорят на повышенных тонах
	72 г 76	АлА т	Две тыщи лет!.. ну и погибла	очень эмоционален, высокий тембр
	75 б	П.К.	Ну погибла, да.	
	77	АлА т	Пришла другая!..	
	75 в	П.К.	Империя погибла. Пришли варвары...	
49 32 21	78	А.Г.	[неразборчиво] Специальная комиссия при ООН опубликовала доклад о том, что через 24 уже года... на Земле сложится такая ситуация, при которой треть населения Земли должно будет умереть, потому что ресурсов не хватит. Мы создали некоторое толерантное общество, которое совершенно точно было охарактеризовано как общество потребления не благодати и не счастья, а удовольствий. И вот как в этом мире... /// как в этом мире, да?... сконцентрировать усилия	крупный план АлАт, хитро смотрит на А.Г.

			и бороться... в том числе и за детей, вот об этом мы и поговорим сразу после рекламы с вашего позволения.	
--	--	--	---	--

В заключение еще раз подчеркнем, что на рассмотренном материале трудно сделать однозначный вывод о степени вовлеченности всех коммуникантов в совместную деятельность на протяжении всего фрагмента (о причинах говорилось в начале данной части статьи), однако анализ отдельных (мини)фрагментов с участием нескольких участников дискуссии, включая и общую реакцию на некоторые реплики, позволяет говорить о том, что, поскольку коммуниканты строят единый макротекст, единая установка на взаимодействие прослеживается практически у всех коммуникантов практически на протяжении всего фрагмента.

Таким образом, со всеми оговорками, представленными ранее, представляется тем не менее возможным заключить следующее. По строению текста, по степени включенности в процесс его порождения участников коммуникации мы можем делать выводы о наличии / отсутствии у коммуникантов единой установки на осуществление совместной деятельности. И, как уже говорилось, такого рода анализ, касающийся самой общей характеристики порождаемого текста и коммуникативного поведения говорящих, может явиться первым шагом на пути к психолингвистическому портретированию непосредственных участников коммуникации.

Сведения об авторах:

Константин Иванович Долотин,
 докт. филол. наук
 ст. научн. сотрудник
 кафедра китайской филологии
 ИСАА при МГУ имени М.В. Ломоносова

Konstantin Dolotin,
 Doctor of Philology
 Senior Researcher
 Department of Chinese Philology
 Institute of Asian and African Studies
 Lomonosov Moscow State University

Виктория Владимировна Красных,
 докт. филол. наук
 профессор
 филологический факультет
 МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria Krasnykh,
 Doctor of Philology
 Professor
 Philological Faculty
 Lomonosov Moscow State University

В.В. Сорокина

Проза XXI века: из опыта прочтения

Аннотация: Анализируя современную прозу, автор определяет главные ее тенденции, касающиеся формы и содержания. В центре внимания роман, – так как именно этому жанру отдают предпочтение прозаики начала XXI века, – исследованный с точки зрения традиции и в свете тех изменений, которые в целом были характерны для литературы конца XX – начала XXI века. Современная проза рассматривается в соотношении с эстетическими принципами, доминирующими в конце XX века (постмодернизм), в связи с формальными новшествами привнесенными в жанр романа.

Ключевые слова: современная проза, лирическая проза, роман, «романная свобода», реализм, модернизм, авангардизм, постмодернизм, сюжетостроение, автор и герой, специфика нарратива, С. Гандлевский, Е. Гришковец, М. Бутов, З. Прилепин, С. Минаев, П. Санаев, М. Шишкин, В. Кунин, Е. Водолазкин, И. Макьюэн, Т. Парсонс, П. Мейл, Дж. Барнс, Я. Вишневский, Б. Шлинк, М. Вальзер, Ф. Бегбедер, Л. Малерба, Г. Кох, Д. Кинг, Э. Лу, М. Варгас Льюса

Abstract: The analysis of the modern european literature concerns with the attempt to find out common features in west european and Russian prose of the beginning of the XXI c. Both literatures had many typological signs in the past, both have national peculiarities. At the same time it is evident that after postmodernistic experiment both literatures tend to classic tradition and especial interest to the image of the main personage and the narrative, construction of a plot. The prose became more lyrical and psychologic and turned to a mass reader.

Key words: contemporary prose, lyrical prose, novel, «novelistic freedom», realism, modernism, the avant-garde, postmodernism, construction of plot, the author and the character, specificity of narrative, S. Gandlevsky, Ye. Grishkovets, M. Butov, Z. Prilepin, S. Minaev, P. Sanaev, M. Shishkin, V. Kunin, Ye. Vodolazkin, I. McEwan, T. Parsons, P. Mayle, J. Barnes, J. Wiśniewski, B. Schlink, M. Walser, F. Beigbeder, L. Malerba, G. Koch, L. King, E. Loe, M. Vargas Llosa

Произведения европейской литературы начала XXI в. в силу прежде всего временного фактора не могут претендовать на историко-литературоведческий анализ – они принадлежат сфере интересов критики (т. е. являются частью современного литературного процесса). Однако, наблюдая за мозаикой

имен и форм, разобраться в которых еще не пришло время, можно попытаться сделать некоторые наблюдения общего характера.

Первое, что бросается в глаза, – чрезвычайное распространение именно больших эпических форм. Они кажутся не столь экспериментальными и вызывающими, как прежде. Наблюдается возвращение прозы к традиции, что в некоторой степени может быть объяснено реакцией писателей на изменившееся читательское сознание, ищущее не замысловатой техники, а доступного и увлекательного сюжета. При этом, хотя проза сегодня и стала менее изощренной технически, вкуса к экспериментированию, к поиску новых средств художественной выразительности она отнюдь не утратила.

Несомненно, на этот процесс оказало значительное влияние и расширение границ общения русской и западной литературы, культурный взаимообмен 1980–1990-х гг. и усиление западноевропейской тенденции к реалистическому письму в 1970–1980-е гг. как очевидному последствию кризиса постмодернизма. В этом движении очевидна ведущая роль эпических жанров как наиболее гибких и исторически (в отличие от лирики и драмы) лишенных более или менее строгих канонов. Уже к концу XX в. стало ясно, что среди всех эпических жанров роман оказался наиболее авторитетным и подвижным. Форма его приобрела новые модификации, практически размывающие его привычные классические черты.

Традиционно в современном литературоведении роман представляется как большая эпическая форма, предполагающая множественность сюжетных линий, изображение человека в сложностях жизненного процесса, охватывающего судьбы ряда действующих лиц в их становлении и развитии. Кроме того, обычно отмечают свободу и изменчивость этой литературной формы, призванные отражать образ современного героя. Являясь наследником античной и средневековой эпической литературы, ориентированной на изображение коллективного сознания, роман, начиная с эпохи Возрождения, стремится к изображению индивидуального сознания. «Отдельный человек не выступает более как представитель определенной группы людей; он обретает свою личную судьбу и индивидуальное сознание. Но в то же время отдельный человек непосредственно связан теперь не с ограниченным коллективом, но с жизнью целого общества или даже всего человечества. А это, в свою очередь, приводит к тому, что становится возможным и необходимым художественное освоение общественной жизни сквозь призму индивидуальной судьбы «частного» человека»¹, – пишет литературовед В. Кожин.

Эта мысль развивается в теоретическом труде В. Хализева: «Роман как жанр, склонный к синтетичности, резко отличен от иных, ему предшествовавших, являвшихся “специализированными” и действовавших на неких локальных “участках” художественного постижения мира. Он (как никто другой) оказался способным сблизить литературу с жизнью в ее многопланово-

¹ Кожин В. Роман // Литературная энциклопедия понятий и терминов. М., 2001. С. 890.

сти и сложности, противоречивости и богатстве. Романная свобода освоения мира не имеет границ»¹.

«Романная свобода», позволявшая писателям пользоваться этой формой на протяжении веков, в XX в. претерпела сильные потрясения, испытав воздействие со стороны кинематографа и массовой литературы, так же как изобразительное искусство в свое время – от фотографии. Художественный вымысел, рассказ истории и, как следствие, сюжет – основа традиционного романа – подверглись серьезному натиску, а в отдельных случаях («новый роман») были практически полностью уничтожены.

Такая тенденция уже была заложена в существовании двух типов романов, на что еще в начале XX в. указывал Б. Грифцов². К первому типу принадлежат романы, основанные на внешнем действии (приключенческие, детективные), ко второму – основанные на внутреннем действии (психологические). В них изображается макромир и микромир соответственно. Очевидно, что второй тип романа вырос из первого: приключения и путешествия создали странствующего героя, который, в свою очередь, отправился странствовать в поисках самого себя, своей экзистенциальной сущности, в поисках истины, прошлого, увлекая за собой читателя в лабиринты памяти, снов, фантазий.

В литературном процессе XX в. эти два типа романа развиваются параллельно. Очевидно, что так называемые «внешние» романы стремятся к сохранению традиционной романной формы и содержания (что и наблюдается в литературе условно реалистической). Романы «внутренние», менее заинтересованные в сохранении формальных жанровых признаков, неизбежно на протяжении всего XX в. будут экспериментировать с формой и содержанием, что изменит этот тип эпической литературы до неузнаваемости, превратит роман просто в постмодернистский «текст». А что потом?

К началу XXI в. на развитие европейской литературы оказали влияния факторы, без учета которых трудно представить дальнейшие пути ее развития. Закончившийся в 1980-х гг. постмодернистский эксперимент в западной ее части лишь подстегнул Восток к освоению этой опыта. Восточноевропейская и русская литературы после нескольких лет отчужденного от Запада состояния спешили примерить на себя эти экспериментальные одежды.

Рубеж XX–XXI вв. обнаружил явное сближение путей развития русской и западной литератур, которые большую часть XX в. представляли собой два ярко выраженных направления европейской литературы. Имея общие исторические корни и развиваясь в одном направлении вплоть до начала XX в., эти две составляющие европейской литературы пережили длительный процесс расхождения, чтобы к концу века обрести общие признаки.

В XX в. западная литература прошла через модернизм, экзистенциализм эпохи авангардизма, с одной стороны, психологического и интеллектуального

¹ Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999. С. 330.

² Грифцов Б.А. Теория романа. М., 1927.

реализма эпохи реализма, с другой. Русская литература сразу же после символизма Серебряного века прошла через Набокова, Булгакова, литературу эмиграции 1920–1980-х гг., с одной стороны; с другой, обогатилась социалистическим, а также интеллектуальным и психологическим реализмом. Все это вместе взятое привело к развитию некоей формы «модернизированного реализма», нашедшей воплощение, как в русской, так и в западной литературе.

Подобного рода наблюдения стали следствием анализа произведений, опубликованных в XXI в. и уже получивших различные формы признания: национальные премии, номинации, читательский спрос, экранизации. Среди них книги как русских писателей – С. Гандлевского, Е. Гришковца, М. Бутова, З. Прилепина, С. Минаева, П. Санаева, М. Шишкина, В. Кунина, Е. Водолазкина, так и западных – англичан И. Макьюэна, Т. Парсонса, П. Мейла, Дж. Барнса, поляка Я. Вишневого, немцев Б. Шлинка, М. Вальзера, француза Ф. Бегбедера, итальянца Л. Малерба, голландца Г. Коха, американца Д. Кинга, норвежца Э. Лу, перуанца М. Варгас Льюса. В произведениях этих писателей можно наблюдать формирование признаков современной прозы как по типу создаваемых в них образов героев и связанной с ними авторской позиции и идеологической направленности, так и по формальным составляющим.

Начнем с формы как наиболее бросающегося в глаза элемента. Если говорить о более или менее традиционном построении прозаического текста, то в большинстве случаев это оказывается именно так. Однако что есть «традиционная форма»? Истории литературы известны разнообразные художественные построения, способы повествования, смена точек зрения, включение всевозможных внесюжетных элементов, изменения последовательности изображения событий, пространственно-временных экспериментов. В этом смысле форма анализируемых произведений традиционна: приемы, выбираемые писателями, не выходят за рамки уже хорошо известных. Интерес, скорее, представляет не новизна приемов художественной формы, а их сочетаемость и мотивированность использования. Наблюдается откровенная «вторичность» формальных приемов, унаследованная от постмодернизма, который (в отличие от модернизма) всегда демонстрировал свое лояльное отношение к классическому наследию.

Один из самых устойчивых в классической литературе приемов – хронологическое построение сюжета – у выбранных писателей не очень популярен. Он встречается в романах Т. Парсонса «Муж и жена» (2002), Д. Кинга «Дневник киллера» (2003), П. Мейла «Хороший год» (2004), С. Минаева «Dухless» (2006). Все эти произведения объединяет намерение авторов воспроизвести последовательность изображаемых событий частной жизни героев в течение, как правило, не значительного по продолжительности, но важного для авторов и их героев периода жизни. Стилистически они пред-

ставляют интимные дневниковые записи, помогающие героям разобраться в себе, и написаны они чаще всего от первого лица.

В романе «Муж и жена» главный герой Гарри Сильвер пытается найти баланс эмоций, времени и жизненных сил между сыном, новой семьей и стареющей матерью. Схожая ситуация и у Иана Бриджеса, героя романа Д. Кинга. Характер его работы требует абсолютного хладнокровия, и его заказчики делают все, чтобы уберечь его от каких-либо привязанностей. Мать, наоборот, пытается устроить его личную жизнь, выяснить, есть ли у Иана подруга. Герой одинок, к концу романа он остается и без работы, и любимая девушка оказывается в реанимации, и жизненные проблемы не разрешены. Только в романе П. Мейла рассказ ведет автор, и это вполне объяснимо: герою Максусу Скиннеру, не очень удачливому клерку, не нужно бороться с эмоциями и совмещать несовместимое, раскрытие его внутреннего мира не требует больших усилий. После вынужденного увольнения он становится виноделом, так как получил по завещанию дяди недвижимость в Провансе. Даже внезапное появление взрослой дочери, о существовании которой он и не подозревал, не создает эмоционального напряжения и необходимости разбираться в своем внутреннем мире. В соответствии с выбранной повествовательной формой в этих произведениях представлена одна точка зрения, один рассказчик, и, как отмечалось, таких «однолинейных» художественных форм не много. Все другие романы, даже сохраняющие форму дневника и одного рассказчика, тем не менее избегают последовательного изображения событий, пользуясь различного рода ухищрениями. В книгах также можно встретить соединение хронологического повествования и рассказа от первого лица.

Другое дело повествователь: тут наблюдается большее разнообразие. Подавляющее число авторов стремится к многомерности изображения жизни, поэтому обращаются к двум и более точкам зрения, создавая объемную картину мира. В этом случае хронологическая последовательность происходящего практически невозможна. В романах Я. Вишневого «Одиночество в сети» (2001) и М. Шишкина «Письмовник» (2010), на первый взгляд, используется один из самых распространенных приемов двухуровневого повествования – «роман в письмах», но оказывается, что и здесь можно поэкспериментировать с формой. Герои Я. Вишневого выстраивают свои отношения в виртуальном пространстве (Интернете), поначалу не будучи даже знакомыми, а персонажи М. Шишкина вообще живут в разные времена, и их «переписка» – дело рук уже самого автора, совмещающего разные эпохи и также представляющего их истории в виртуальном мире. Постепенно становится ясно, что Сашенька живет примерно в 1960-х, а Володя участвует в войне 1900 г. с Китаем и погибает в первом же бою.

Получается, что жанр «романа в письмах», на протяжении нескольких веков бывший столь популярным в европейской литературе, теперь меньше востребован, зато приобрел новые нюансы формы.

Из первых наблюдений над романной формой начала века уже становится ясно, что основное внимание авторов будет сосредоточено на усилении роли повествователя, придании ему многомерности. Подавляющее количество выбранных произведений обнаруживает устойчивую ориентацию на различные комбинации повествования от первого лица. Этот рассказчик – субъект изображения, достаточно объективированный и связанный с определенной социально-культурной и языковой средой, с позиций которой он и представляет других персонажей.

Наиболее часто встречающийся вариант – это один рассказчик на протяжении всего текста. Такое встречается в книгах Е. Гришковца «Рубашка» (2004), М. Бутова «Мобильник» (2006), С. Минаева «Духless» (2006), П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» (2007), Т. Парсонса «Муж и жена», Б. Шлинка «Возвращение» (2006), Г. Коха «Ужин» (2009), Ф. Бегбедера «Французский роман» (2011), Дж. Барнса «Предчувствие конца» (2011), Д. Кинга «Дневник киллера», Э. Лу «Допплер» (2004), М. Варгаса Льюса «Похождения скверной девчонки» (2006). Как видно, и русские и западные писатели здесь практически едины. Во всех этих случаях функция повествования прикреплена к персонажу, соединяя в себе формальный и художественный приемы. Персонаж как бы превращается в автора, а в случае с романом Ф. Бегбедера еще и приобретает внешность и биографию самого автора-создателя, сочинившего роман «в уме, без ручки, с закрытыми глазами»¹ и находящегося в том же пространстве и времени, что и сюжет.

К тому же типу повествования примыкает субъект повествования от третьего лица. Здесь, так же как и в случае с хронологически выстроенным сюжетом, примеров не много: «Санька» (2006) З. Прилепина, «На основании статьи...» (2010) В. Кунина, «Хороший год» П. Мейла, «Биография любви» (2001) М. Вальзера.

Обязательное для «романа в письмах» наличие двух повествователей может встретиться и в других повествовательных формах. Роман Л. Малерба «Римские призраки» (2006) построен на переключке двух первых лиц – мужа и жены. Каждый изображает одни и те же события своими глазами. Третьего тут не дано, и читателю приходится выбирать между двумя «правдами».

Еще реже встречается соединение авторского повествования от третьего лица с прямым голосом, как правило, центрального персонажа, рассказывающего свою историю или комментирующего происходящее. Такую структуру произведения выбрали И. Макьюэн в «Искуплении» (2001) и Е. Водолазкин в «Лавре» (2013). У Макьюэна в эпилоге знаменитая писательница рассказывает подлинные истории своих героев, которые в трех частях уже

¹ Бегбедер Ф. Французский роман. СПб.: Азбука-Классика, 2013. С. 11.

прочитанного читателем романа заканчиваются иначе. Е. Водолазкин наполняет текст романа развернутыми монологами героя, обращенными к умершей возлюбленной, в которых он сообщает ей о событиях своей жизни.

Усложнение построения сюжета введением нескольких повествователей дополняется также членением сюжета на дробные элементы (отдельные рассказы, письма), объединенные, например, образом рассказчика, как в случае с книгой П. Санаева «Похороните меня за плинтусом», состоящей из отдельных историй из жизни маленького мальчика, или исключительно авторской идеей, как у М. Шишкина в «Письмовнике».

Помимо внимательного отношения к выбору субъекта повествования современные авторы наследуют и классические формы внесюжетных элементов.

Здесь вообще трудно представить какие-либо новшества. Наоборот, внесюжетные элементы произведений используются писателями обширно и традиционно.

Подавляющее большинство западных книг снабжено посвящениями и (или) эпитафиями – исключение составляют романы М. Вальзера «Биография любви» и Д. Кинга «Дневник киллера». Среди русских книг посвящения и эпитафии встречаются значительно реже. Тем более обращает на себя внимание использование внесюжетных элементов в построении книги С. Минаева «Dухless, или Повесть о ненастоящем человеке» и Е. Водолазкина «Лавр, неисторический роман» – они буквально ими насыщены. Указанная отсылка к «Повести о настоящем человеке» придает произведению обобщающий характер. Автор, как и Б. Полевой, несомненно «попал в нерв поколения», что проявилось в исключительной популярности каждой из книг среди молодежного читателя своего времени. Травестирование советской литературы продолжается и в тексте этого романа («Они сражались за розницу»¹).

Кроме того, автор использует названия и эпитафии к каждой главе на русском и английском языках, цитаты из Интернета, модных журналов, мультфильмов, произведений Э. Лимонова, объявлений, бухгалтерских смет, слоганов. Активную роль в тексте С. Минаева играют различные заимствования, в том числе вкрапления в русский текст слов и выражений, переданных латиницей (the telki, ZIMA-2); иноязычные слова, передающие реалии чужого быта («аутсорсить», «И это очень демедж брэнда и может вызывать у консьюмер нехороший филинг. Окей? »²; «Вообще, WHAT THE HELL IS GOING ON?»³

В романе Е. Водолазкина используются абсолютно те же приемы – меняется только объект изображения. Писатель не воссоздает современный культурный контекст, как С. Минаев, а, наоборот, имитирует (ведь роман «неисторический»!) некий условный контекст. Этим объясняется и деление структуры произведения на «Пролегомену», «Книгу познания», «Книгу от-

¹ Минаев С. Dухless, или Повесть о ненастоящем человеке. М.: Астрель, 2012. С. 139.

² Там же. С. 48.

³ Там же. С. 82

речения», «Книгу пути», «Книгу покоя», буквенное обозначение номеров глав, использование архаичной лексики¹.

Большое внимание уделяется усложнению повествовательной структуры всякого рода вставными конструкциями. Среди них на первом месте письма (открытки, записки). Без них не обошелся ни один автор, а иные вообще сделали этот прием основным. Предыстории, сны, видения, вставные рассказы, сноски, документы, внутренние монологи по-прежнему в арсенале средств художественной изобразительности.

Выстраивая сложные повествовательные конструкции, писатели прежде всего работают над созданием образа повествователя, который порой совпадает и с образом главного героя, но, что важнее, выстраивается образ самого создателя, который чаще всего представляется как личность образованная, впитавшая обширный культурный контекст разных эпох. Цитирование, ссылки на литературные авторитеты становятся важным средством создания образа. Здесь очевидно преимущество российских авторов, обращающихся как к отечественной литературе и истории, так и к европейскому и мировому опыту.

В романе С. Гандлевского «[Нрзб.]» (2001) при воссоздании писательской среды вполне мотивировано обращение к произведениям Стерна, Дефо, Байрона, Фолкнера, Т. Манна, Гёте, Лессинга, Дж. Лондона, Л. Шестова, М. Цветаевой. У С. Минаева совершенно иной идеологический и историко-культурный контекст, соответствующий времени, – Б. Полевой, Уэльбек, Булгаков, Г. Миллер, Эллис, Дитрих, Мураками, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, группа «Битлз».

Среди западных писателей выделяется, несомненно, Ф. Бегбедер, сумевший сделать ссылки, аллюзии, цитирования, пародирования одними из главных средств создания образа героя-рассказчика. «Французский роман» изобилует отсылками к «Королю Лиру», Бодлеру, Ронсару, «Великому Гетсби», «Воспитанию чувств», Лимонову, «Анне Карениной». В данном случае речь идет уже о средстве создания образа главного героя, ставящего себя выше навязываемого ему общества. Автор обращается не только к литературным образам, но и к классическим композиционным приемам: полемике с читателем, цитированию протоколов допросов, графическим изображениям, поясняющим словесные описания. Одно из таких изображений автор называет «Картографией встречи» его родителей, проживавших в юности на виллах в Гетари. В этом принявший условия игры читатель, конечно, угадывает трагестирование приемов Л. Стерна.

Современная проза демонстрирует разнообразие языковых характеристик, обусловленных индивидуальностью автора, его приверженностью к тому или иному литературному направлению, отношению к литературной традиции,

¹ «Неделя имат семь дний и прообразует житие человеческое: а̄-й день рождения детища, в-й день юноша, г-й день совершен муж, д-й день средовечие, э-й день седина, е-й день старость, з-й день скончание» (*Водолазкин Е. Лавр. М.: АСТ, 2013. С. 86*).

склонностью к языковому эксперименту. Общей чертой, объединяющей произведения, созданные в русле разных художественных направлений, является стремление их авторов погрузить читателя в стихию живой речи, что порой выражается в примитивизации языка и, как следствие, примитивизации картины мира.

Наиболее последовательно сохраняется склонность к нагнетанию натуралистических деталей у русских писателей. Тут и нецензурная лексика, и детализация насилия в романе З. Прилепина «Санька»: «Он кромсал и дробил крыс, ударял их пяткой тяжелого сапога по головам, оглушая, – и снова орудовал лопаткой, расчлняя с хэканьем мерзкие тушки, иногда сипло ругаясь»¹; описание физиологических процессов у Е. Водолазкина в «Лавре»: «Арсений забросил ее ногу себе на плечо и правой рукой попытался войти в лоно. Рука вроде бы не проходила, но пальцы ощутили младенца. Темя. Шею. Плечи»². У С. Гандлевского в романе «[Нрзб.]» нередко можно встретить подобные фразы: «Босиком по колкому мартовскому снегу Криворотов забежал за угол, улыбнулся на опаленный солнцем сугроб и принялся, облегченно подрагивая, сверлить его струей в полутора метрах от себя»³. Всего этого, и особенно нецензурной лексики, вполне можно было бы избежать, если бы писатели не стремились ориентироваться на массовую аудиторию. На русской прозе начала века все еще сказывается неподцензурная стихия позднего постмодернизма, когда именно язык стал сферой выражения авторских намерений.

И только в романе И. Макьюэна «Искупление» натуралистические подробности используются как полноценный художественный прием, усиливающий глубину потрясений героини, вынужденной пройти через ужасы военного госпиталя ради высокой цели искупления своей давней вины. «И повсюду висел специфический спертый запах – смесь вязкого кисловатого запаха свежей крови, вони грязной одежды и пота, солярки, дезинфицирующих средств, медицинского спирта, а поверх всего – смрад гангренозной плоти»⁴. Здесь художественный прием напрямую связан с авторской идеей и ее раскрытием, поэтому, скорее, потрясает яркостью впечатления, чем глубиной отвращения. Сцены, изображающие ужасы войны, в этом романе обслуживают не пацифистские настроения, а работают исключительно на создание образа страдающей героини, в детстве совершившей нечестный поступок, а теперь за него вынужденно расплачивающейся. В этой связи особенно трогательна ее забота об изувеченном французском юноше, которого она пытается обнадежить: «Брайони не собиралась совсем снимать повязку, но, когда она ее ослабила, тяжелая стерильная прокладка соскользнула вместе с подложенным под нее окровавленным тампоном. У Люка недоставало части черепа. Голова была обрита во-

¹ Прилепин З. Санька. М.: Астрель, 2012. С. 210.

² Водолазкин Е. Лавр. С. 96.

³ Гандлевский С. Проза. М.: Астрель, 2012. С. 225.

⁴ Макьюэн И. Искупление. М.: ЭКСМО; СПб.: Домино, 2011. С. 428.

круг пролома, зиявшего от макушки до уха. Под зазубренными краями черепа виднелось губчатое розовое вещество – мозг»¹.

Приведенные примеры позволяют прийти к выводу, что большинство современных прозаических произведений обладает существенными признаками формальных жанровых схождений, что позволяет говорить о наметившейся общности в развитии современного европейского романа.

Очевидность формальной близости еще не может служить доказательством единства содержания. Однако несомненно, что в подавляющем своем большинстве эти произведения объединяет определенный тип субъективного повествования. Романы эти связаны авторским желанием показать современного человека, пытающегося разобраться в своих ощущениях, чтобы найти самого себя. Для этого писатели чаще всего обращаются к истокам, лежащим в детстве героев, воспоминаниям молодости, поискам не только своей сути, но и своих предков, порой даже имени родителей.

Красноречиво об этом свидетельствуют начала некоторых из них:

«Я проснулся утром и сразу подумал, что заболел. Не почувствовал, а именно подумал. Мысль была точно такой же, как когда просыпаешься в первый день каникул, которых ты так ждал...»²;

«В детстве я всегда проводил летние каникулы в Швейцарии, у бабушки и бабушки. Мама отводила меня на вокзал и усаживала в вагон; если мне везло, то я ехал без пересадки и через шесть часов выходил на перрон, где меня уже поджидал дед...»³;

«Я старше, чем мой прадед. Капитану Тибо де Шатенье было 37 лет, когда 25 сентября 1915 года в девять пятнадцать утра, во время второго сражения в Шампани, он погиб где-то между долиной речки Сюипп и опушкой Аргоннского леса»⁴;

«Мой прадед был в молодости членом “Народной воли”. Такова семейная легенда. И не исключено, что действительно – числился. Хотя, перекопав (когда пытался искать опору своему самостоянью в истории рода) множество всяких свидетельств и документов, я обнаружил, что имя его упоминается всего однажды...»⁵;

«Вот что я запомнил (в произвольной последовательности):

- лоснящаяся внутренняя сторона запястья;
- пар, который валит из мокрой раковины, куда со смехом отправили раскаленную сковородку...
- запертая дверь, а за ней – давно остывшая ванна.

¹ Там же. С.448.

² Гришковец Е. Рубашка. М.: Махаон, 2012. С. 5.

³ Шлинк Б. Возвращение. М.: Азбука, 2013. С. 5.

⁴ Бегбедер Ф. С. 7.

⁵ Бутов М. Свобода. М.: Астрель, 2011. С. 5.

Последнее, вообще говоря, я сам не видел, но память в конечном итоге сохраняет не только увиденное»⁶.

Расследование собственного прошлого предпринимается героями в непростые моменты своего существования. Память становится главным орудием обретения самого себя.

Герой романа Б. Шлинка «Возвращение» отправляется в обратный путь в компании одного из самых древних мифов об Одиссее. Объясняя необходимость в таком выдающемся проводнике, писатель отмечает: «Единственное, что остается неизблемым, связано с тем, что “Одиссея” представляет собой переработку древнего мифа о путешествии, приключениях и возвращении домой, происходящих вне времени и определенного пространства, – переработку в эпос, в историю, которая происходит уже в определенное время и в определенном месте. “Одиссея” создала формулы пространства и времени, без которых мы не имели бы истории и не рассказывали бы историй»².

Все начинается с того, что немецкий мальчик Петер Дебауер, у которого отец пропал без вести, каждое лето проводит у швейцарских бабушки с дедушкой, занимающихся литературным редактированием. Среди ненужных гранок, данных мальчику для занятий в школе, он находит отрывки романа неизвестного автора. В нем речь идет о бежавшем в Германию из русского плен солдате. Зачитываясь гомеровской «Одиссеей» и романом безымянного автора, молодой человек постепенно начинает распутывать клубок таинственных случайностей, связанных с судьбой его не то пропавшего без вести, не то погибшего на войне отца. Роман, в основу которого заложены поиски героем самого себя, начинает приобретать элементы детективного повествования, чем и удерживает внимание читателя. Писатель явно рассчитывает на самую широкую читательскую аудиторию, которая может состоять и из поклонников острого сюжета, и из любителей психологического анализа.

Роман русского писателя З. Прилепина «Санькя», кажется, на первый взгляд мало имеет общего с немецкой книгой: воспоминания, связанные с бабушкой и дедушкой, в обоих случаях наполненные сентиментальным очарованием детства; обращение к широкому читателю, выражающееся, правда, по-другому – в отступлении от литературной нормы и эпатировании насилия. Во всем другом общего мало: один герой – юрист средних лет, вполне устроенный в этой жизни; другой – член радикальной организации, не устроенный ни в каком смысле. Но в обоих случаях герои проходят через поиски самого себя, стремление разобраться в том, что происходит в их жизни, вокруг них. Эти стремления реализуются как в осмысленном (в случае с Петером), так и в неосознанном (в случае с Сашей Тишиным) поиске отца. Герой Б. Шлинка буквально отправляется в далекое путешествие – в Америку, где, по его сведениям, тот преподает в университете, а Саша тянется к знако-

⁶ Барнс Дж. Предчувствие конца. М.: Эксмо, 2012. С. 3.

² Шлинка Б. С. 247–248.

мому умершего отца Безлетову, несмотря на принципиальные идеологические с ним расхождения. «Саша перебирал себя, тасовал осколки зеркала. Удивиться или огорчиться было почти нечему. Нет, просто нечему. С тех пор как повзрослел, к армейскому возрасту – все стало очевидным. Неразрешимых вопросов больше не возникало. Бог есть. Без отца плохо. Мать добра и дорога. Родина одна»¹. Оба героя обращаются к своим истокам в поисках поддержки в трудные минуты своей жизни.

В трудной жизненной ситуации оказался и Фредерик Бегбедер, герой «Французского романа»: его задержала полиция за употребление кокаина в общественном месте. После того как прокурор продлевает его заключение еще на сутки и молодой человек становится вынужденным свидетелем бесчеловечных условий содержания людей «в самом сердце Парижа», страх и негодование приводят его к переосмыслению своей собственной жизни. В результате после непродолжительного заключения герой выходит на свободу не только автором романа, но другим человеком, обретшим утраченное детство. «Эта повесть – не слепок с реальности, а рассказ о моем детстве – таком, каким я его увидел и на ощупь воссоздал. У каждого свои воспоминания. Но отныне это заново сотворенное детство, эта реконструкция прошлого, и есть моя единственная правда»².

Одни герои обращаются к детству, чтобы обрести себя и найти смысл в том, что с ними происходит. Другие, наоборот, разбираются в настоящем, чтобы обрести свое детство, а вместе с ним и чувство сопричастности большой семье. У третьих есть и большая семья, и яркое, насыщенное событиями и друзьями детство, но вся жизнь перевертывается из-за любви. Об этом книги Е. Гришковца, М. Варгаса Льоса. В них страстное чувство героев определяет их жизнь, отвлекает от намеченных планов. Таким образом, рассказ об этом чувстве становится путем к освобождению от него.

В романе «Похождения скверной девчонки» мальчик Рикардо из хорошей семьи жил в перуанской столице, мечтал о Париже и был влюблен в красавицу-чилийку Лили с соседней улицы. Он часто представлял себе их вдвоем на французских бульварах и сотни раз признавался Лили в любви – без ответа. А потом вдруг выяснилось, что Лили вовсе никакая не чилийка, а самая обыкновенная перуанка: дочь кухарки выдавала себя за девушку из другой страны, чтобы затесаться в круг хороших и богатых мальчиков вроде Рикардо. Ее ложью будет пронизан весь роман – и вся жизнь главного героя.

Действие романа занимает полвека – именно столько длится любовь скромного романтика к веселой авантюристке. Рикардо хочет простого счастья. Лили, в свою очередь, нужна жизнь, полная приключений: она меняет имена, паспорта и любовников. А Рикардо тем временем сменил только место жительства – наконец переехал в Париж и работает переводчиком-син-

¹ Прилепин З. С. 109.

² Бегбедер Ф. С. 209.

хронистом в ЮНЕСКО. Повествование ведется от первого лица и представляет собой искренний рассказ о большом чувстве на фоне коротких и четких зарисовок истории второй половины XX в. Здесь и революция на Кубе, и Лондон 1970-х гг., и Париж 1960-х, и признания в любви к русскому языку и литературе.

Повесть «Рубашка» Е. Гришковца – произведение камерное. Всего один день из жизни молодого архитектора, приехавшего в Москву из провинциального города, и его друга детства, прилетевшего так не кстати. Герой влюблен в девушку, имени которой даже не знает, но эта влюбленность мешает ему жить и работать. Он мечется по городу, замечает за собой слезку, вспоминает странные сны о спасении разведчиков на корабле. Любовь завладела им, и герой пытается от нее избавиться: «Этой ночью я понял, что любовь не может быть ни счастливой, ни несчастной. Она невыносима в любом случае. Я лежал на полу и понимал, что не понимаю, ЧЕГО Я ХОЧУ?!!»¹

Все эти герои живут в разных странах, занимаются разными профессиями: среди них писатели, журналист, бывшие клерки, учителя, киллер, юрист, активист радикальной организации, монах, компьютерщик. У них есть друзья: Андрюха из «Свободы» и Пудис из «Мобильника» М. Бутова, Адриан из «Предчувствия конца» Дж. Барнса, Вадим из «Dухless» С. Минаева. Их любят: Барбара из «Возвращения» Б. Шлинка, Устина из «Лавра» Е. Водолазкина, «она» из «Одиночества в сети» Я. Вишневого, Аделаида из «Дневника киллера» Д. Кинга. В детстве и зрелости с ними были их братья: Серж из «Ужина» Г. Коха, Шарль из «Французского романа» Ф. Бегбедера. Внешне все они люди не одинокие: имеются и родители, и жены, и у некоторых дети, но их объединяет потребность остаться наедине с собою и разобраться в своей жизни. Этим и определяется высокая степень субъективности этой прозы.

Не всегда авторы изображают героя в развитии, чем сужают возможности романной формы. Да и усложнение структуры повествования нередко компенсирует бедность событийной стороны произведений. Некоторые произведения вполне можно назвать повестями (как «Мобильник» и называется самим автором), но и «Рубашка» вполне соответствует этому определению, не говоря уже о «Саньке», «Похороните меня за плинтусом». Не похожа на роман и книга воспоминаний Дж. Барнса «Предчувствие конца». «Римские призраки» Л. Малерба скорее новелла с психологически заостренными интонациями семейного полураспада.

Так или иначе, все эти произведения вполне могли бы претендовать на название лирической прозы, где центральное место занимает не сюжет, а изображение переживаний, мыслей, осмысление прожитого.

В современной прозе намечается развитие процессов, обычно свойственных лирике, когда возникает такое единство автора и героя, что зачастую они вообще сливаются, приобретая не только черты общей биографии, как у Б.

¹ Гришковец Е. С. 113.

Шлинка, П. Мейла, З. Прилепина, Т. Парсонса, Э. Лу, Дж. Барнса, М. Варгаса Льоса, П. Санаева, но и имя, как у Ф. Бегбедера.

Традиционно в эпосе и драме была четкая грань между субъектом и объектом. Первым с этого пути свернули романтики, придав романтической прозе явные черты лиризма. Далее появилась лирическая проза М. Пруста, Дж. Джойса, И. Бунина, К. Паустовского, А. де Сент-Экзюпери, П. Лене, Ф. Фюмана, З. Ленца, в произведениях которых смысловым центром стало сознание героя, воссоздаваемое через цепь душевных переживаний и мыслей, но главное – преломление мира в индивидуальном сознании. Отсюда и усложненный характер передачи явлений и фактов действительности, да и сама действительность приобретает свойства воспоминаний, ощущений.

Все эти признаки – без исключения – налицо и в анализируемых произведениях, что явно свидетельствует об отходе современной европейской литературы от эксперимента элитарного искусства и острой сюжетности массовой литературы и о возрастании ее интереса к одной из традиционных форм – лирической прозе.

Литература

- Барнс Дж.* Предчувствие конца. М.: Эксмо, 2012.
- Бегбедер Ф.* Французский роман. СПб.: Азбука-Классика, 2013.
- Бутов М.* Свобода. М.: Астрель, 2011.
- Водолазкин Е.* Лавр. М.: АСТ, 2013.
- Гандлевский С.* Проза. М.: Астрель, 2012.
- Гришкова Е.* Рубашка. М.: Махаон, 2012.
- Макьюэн И.* Искупление. М.: ЭКСМО; СПб.: Домино, 2011.
- Минаев С.* Духless, или Повесть о ненастоящем человеке. М.: Астрель, 2012.
- Прилепин З.* Санька. М.: Астрель, 2012.
- Шлинка Б.* Возвращение. М.: Азбука, 2013.

Сведения об авторе:

Вера Владимировна Сорокина,
докт. филол. наук
ст. научн. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Vera V. Sorokina,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Е.А. Певак

Алексей Толстой и декаданс

Аннотация: В статье дореволюционное творчество Алексея Толстого рассматривается в контексте тех тенденций, которые доминировали в литературной жизни России 1910-х гг. Акцент сделан на изменениях в «жанровой политике», которые были характерны для творчества русских прозаиков, преодолевающих влияние эстетики символизма и предпринимающих попытку соединить достижения символистского искусства с традициями отечественного реализма, в частности в реализации тезиса об акмеистическом – «вершинном» – романе.

Ключевые слова: Алексей Толстой, декаданс, символизм, акмеизм / адамизм, неореализм, импрессионизм и реализм, журнал «Аполлон», искусство и идеология, эстетическая полемика 1910-х гг.

Abstract: The author examines the pre-revolutionary works of Aleksei Tolstoy in the context of the trends that dominated in the literary life of the Russia of the 1910s. Emphasis is placed on changes in the «genre politics» that were characterized the works of Russian prose writers, overcoming the influence of aesthetics of symbolism and making an attempt to combine the achievements of symbolistic art with the traditions of Russian realism, in particular in the realization of the thesis of acmeists of the «vershinnyi» («apical») novel.

Key words: Alexei Tolstoy, decadence, symbolism, acmeism / adamism, neorealism, impressionism and realism, the journal «Apollon», art and ideology, the aesthetic polemic of 1910s

У Алексея Толстого счастливая литературная судьба. Провинциал, переселившись в Петербург, он скоро оказался в гуще литературной жизни северной столицы, и так же скоро отказался от «амплуа» робкого ученика и стал полноправным участником разного рода писательских начинаний: печатался в литературно-художественных альманахах издательства «Шиповник» и в тех, что готовились «Новым журналом для всех», в сборниках, тематических или приуроченных к случаю. Первые литературные опусы Толстого соседствовали с произведениями признанных мастеров, а среди них были как писатели модернистского лагеря, так и реалисты новой волны – Б. Зайцев и Е. Чириков, В. Муйжель и М. Арцыбашев. Подобное «смешение стилей» ха-

рактенно для нового этапа в истории русской литературы, когда, пережив эпоху титанической борьбы с наследниками традиций шестидесятников, писатели нового поколения стали законодателями мод и, за редкими исключениями, контролировали большинство популярных периодических и временных изданий. Можно было, не опасаясь подвоха, предоставлять часть книжно-журнального пространства оппонентам. Впрочем, такой же политики придерживались издатели-«традиционалисты», потому и «Русская мысль» сочла возможным привлечь к работе В. Брюсова, а сам предводитель московских символистов принял предложение сотрудничать с журналом, имеющим устойчивую репутацию «солидного» печатного органа. Разумеется, литературная полемика не угасла вовсе, и выпады в адрес «декадентов» по-прежнему встречались на страницах «прогрессивных» газет и журналов, да и сами «декаденты» не оставались в долгу перед своими противниками. Но при всем том в литературном мире воцарилась достаточно благодушная атмосфера, и молодым дарованиям проще было делать первые шаги на избранном поприще. Однако Алексею Толстому, оказавшись он в рядах первооткрывателей нового литературного материка, вряд ли и в этом случае пришлось испытать «горечь поражений и утрат», ибо наряду с писательским был у него не менее ценный дар – способность балансировать на грани дозволенного и недозволенного, так, чтобы, не ущемляя своих «авторских прав», не вызывать резкой неприязни ни у читателей, ни у критиков.

Вспоминая ссоры и споры, частые в богемной среде, к которой, несомненно, принадлежал молодой Толстой, можно, пожалуй, указать лишь на один весьма курьезный эпизод, когда он оказался в эпицентре скандала, затеянного писательскими женами, и навлек на себя гнев сурового Сологуба¹. Примерно так же дело обстояло с критическими отзывами на первые сборники Толстого. Крайне резкая по тону заметка «литературного хулигана» Анатолия Бурнакина, нововременского критика, – скорее, исключение. К тому же всерьез принимать выпады этого «изгоя» в литературном сообществе против Толстого, выставившего дворян, как казалось критику, в виде «привилегированных тунеядцев», не стоит. Но в заметке Бурнакина есть, наряду с грубостью (толстовское «бытописание» он приравнивает к «ассенизации»), одно интересное замечание. Толстой, утверждает Бурнакин, создает свои «пасквили», желая «потрафить» «инстинктам рынка и толпы»: «Новоявленный “бытописатель” прекрасно учел момент, оттого и преуспевает. И первая книга его рассказов и его роман “Две жизни” откровенно направлены в сторону самого грубого “потрафления”. Какую страницу ни раскроете, сплошь глумление и отрицание, везде о подлом и грязном, о пошлом и низком. Не только

¹ Достаточно подробное описание этой скандальной истории, поводом к которой послужил отрезанный обезьяний хвост, есть в воспоминаниях Г. Чулкова. См. кн.: *Чулков Г. Годы странствий*. М., 1999. С. 175.

нет ни одного светлого лица, но и сам автор неряшлив и нестеснителен»¹. В том, что касается «потрафления» низким вкусам толпы, Бурнакин знал толк, но в прозорливости ему не откажешь. Толстой и в самом деле автор «конъюнктурный», не пророк, не теург – беллетрист, один из многих, появившихся на исходе первого десятилетия XX в. Но и у него, конечно же, был выбор, и Толстой его сделал: «бесчинствующему» авангарду предпочел аристократический модерн.

Оплотом литературного аристократизма стал в те годы «Аполлон», наследовавший, с одной стороны, традиции мирискусников, с другой – постепенно все более и более отторгающий от себя символизм с его «безднами». Было бы полной нелепостью утверждать, что Толстой III, – этот титул присвоил ему «третьезаветник» Дм. Философов, – сотрудничал с «Аполлоном» исходя из эстетических убеждений, да и едва ли они у него были. Но так уж случилось, что выработанный Толстым к этому времени стиль соответствовал эстетическим декларациям «постсимволистов», возглавивших «Аполлон». Можно сказать, что писатель «потрафлял», наверняка бессознательно, вкусам приятелей, посещавших редакцию «Аполлона» и прочие места, где вершились судьбы современного отечественного искусства. Не принципиальная, но вполне естественная для Толстого безыдейность – отличительный признак беллетристов, пренебрегших заветами символизма. Тот же Дм. Философов в рецензии на «Русскую Камену», сборник статей Б. Садовского, упрекал современную литературную молодежь в приверженности манерам «старых дев», «которые старательно душат свои платки, нюхают фиалки (выписанные из-за границы) и, как престарелые англичанки, всему говорят “шокинг”»², называя это «служением святому искусству». Но «стародевичество», этот особого рода «александринизм», – не единственный порок нового течения в современной литературе, «всех этих “стилизаторов”, “кларистов”, “сенсэристов”, считающих себя верными слугами “Аполлона”»³. О прочих грехах литературной молодежи Философов пишет в заметке «Пирог без начинки», где винит ее в разгильдяйском отношении к творчеству. Он признает, что уровень беллетристики в целом повысился, она стала технически более совершенной, но молодые писатели «почему-то убеждены, что иметь сознание, затрагивать какую-нибудь идейную проблему – значит впасть в ненавистную им “тенденцию”»⁴, а тенденции они предпочитают «игру» в литературу.

К Толстому упрек в пренебрежении тенденцией имеет самое непосредственное отношение. В заметке Философов дает оценку творчеству этого много обещавшего, но не оплатившего, по мнению строгого критика, предо-

¹ Бурнакин А. Литературные заметки. Беллетрист клеветы // Новое время. 1911. 27 мая (9 июня). №12645. С. 4.

² Философов Д. Отрыжка фиалками // Русское слово. 1911. 11 (24) января. №7. С. 2.

³ Там же. С. 2.

⁴ Философов Д. Пирог без начинки // Русское слово. 1911. 12 (25) мая. №108. С. 2.

ставленный ему серьезный кредит: «Он подкупил, что называется, “свежестью таланта”. Никакой вымученности, литературщины. Поет, как птица. Всегда найдет нужное слово. Живые образы. Зоркий глаз. Казалось, человек вышел из самой гущи жизни, принес откуда-то, с широкой Волги, запах степей и полей. И эту непосредственность соединил с хорошими литературными традициями. Словом, все данные, чтобы оказать начинающему писателю довольно серьезный кредит»¹. Однако опубликованный в альманахах «Шиповника» (книги 14 и 15, 1911) роман «Две жизни» показал, что и творчество Толстого – «пустышка», «пирог без начинки».

Ранние рассказы, повести и романы Толстого отчасти похожи на произведения «стилизаторов» и «кларистов», группировавшихся вокруг «Аполлона», но при этом имеют ряд отличительных особенностей, позволяющих сблизить Толстого с эстетическими тенденциями, тоже представленными в «Аполлоне», нашедшими выражение в творчестве «адамиста» С. Городецкого и поэтов, находящихся на «левом фланге акмеизма», – М. Зенкевича и В. Нарбута. С первым Толстого объединяет интерес к народной поэзии, причем, по мнению В. Брюсова, книга молодого Толстого «За синими реками» была более удачна, нежели опыты подобного рода, предпринятые маститыми авторами, такими как Вяч. Иванов и К. Бальмонт; и даже Городецкий, прославившийся своими перепевами языческих мифов, не идет с ним в сравнение. «Не столько знание народного быта, – пишет В. Брюсов, – всего того, что мы называем безобразным словом “фольклор”, но скорее какое-то бессознательное проникновение в стихию русского духа составляет своеобразие и очарование поэзии гр. Толстого». Потому и удачен результат – не подделка народной песни, «но ее пересоздание в условиях нашей “искусственной” поэзии»².

С Зенкевичем и Нарбутом Толстого объединяет «земляная простодушная подлинность», освещенная «наивной жестокостью». Эти черты обнаружил в творчестве писателя С. Ауслендер, один из тех молодых авторов, которых помянул недобрым словом в своей заметке «Отрывок фиалками» Философов: «преждевременная старость души» и «вялое ожесточение». К Толстому эпитеты «вялость» и «преждевременная старость» едва ли применимы, об этом, кстати, и пишет в рецензии на первую книгу «Повестей и рассказов» Ауслендер, увидевший в толстовском бытописании свежесть и новизну, «неожиданное освещение, которое придает автор знакомым персонажам и незамысловатым фабулам своих рассказов». Но и Толстому присущ своеобразный пассаизм, выразившийся не в «стилизациях», как в случае с Ауслендером или Садовским, а в сближении старозаветного быта с современностью. Писатель не переносится вместе со своими героями в прошлое; он воскрешает это прошлое, оставаясь в границах настоящего, а мотивиров-

¹ Там же. С. 2.

² Брюсов В. 1. Новые сборники стихов / II. Литература и искусство / В России и за границей // Русская мысль. 1911. №2. С. 233–234.

кой подобного симбиоза старины и новизны оказывается выбор в качестве места действия глубокой провинции, где, быть может, и в самом деле могли сохраниться реликтовые фигуры, подобные Мишуке Налымову или же упрямцу и гордецу Александру Вадимычу Волкову («Хромой барин»). Образ их жизни, нравы изучают вместе с автором персонажи, прибывшие совершенно из другого мира, где всюду стекло и бетон, по мостовым проносятся авто, а в будуарах кипят страсти, нимало не похожие на простодушные любовные муки провинциальных барышень, летящих, как мотыльки на погирель, на яркое сияние, которое излучают современные столичные франты. Сам принцип сопряжения разностильных эпох, противостоящих друг другу и намеренных друг друга поглотить, воспринимается как пародия на провозглашенный акмеистами, в скором времени подчинившими своему влиянию «Аполлон», тезис: новая литературная школа вбирает в себя бытописательную традицию старого реализма и усваивает новаторские приемы, выработанные символистами. Ясно прочерчена эта линия развития современного словесного искусства в статье М. Волошина, появившейся в «Аполлоне» еще в 1910 г. Косвенно ссылается на нее и сам Толстой в автобиографии. «Близостью к поэту и переводчику М. Волошину, – пишет он, – я обязан началом моей новеллистической работы. Летом 1909 года я слушал, как Волошин читал свои переводы из Анри де Ренье. Меня поразила чеканка образов. Символисты с их исканием формы и такие эстеты, как Ренье, дали мне начатки того, чего у меня тогда не было и без чего невозможно творчество: формы и техники»¹.

Волошин представляет творчество А. де Ренье как переход «от символизма к новому реализму», как «образец гармонического, стройного и последовательного превращения». Подобие этой гармонии Волошин находит в произведениях современных русских писателей – А. Белого, М. Кузмина, А. Ремизова и А. Толстого. Все они вступили на путь преодоления эстетики декаданса, влияние которой и обусловило враждебное отношение символистов к реалистической идее. С течением времени менялись принципы символистского искусства, как, впрочем, и реализма. Символисты научились воспринимать «все преходящее» как символ и получили наконец возможность сосредоточиться «на образах внешнего мира, под которыми уже не таилось никакого определенного точного смысла; но символизм придал всем конкретностям жизни особую прозрачность»². В свою очередь реализм, черты которого, по мнению Волошина, – «тщательная выписка деталей, нагромождение подробностей, желанье спрятать себя в обилии вещей», претерпел значительные изменения, а у истоков преобразований в реалистическом методе – импрессионизм, названный Волошиным «реалистическим индивидуализмом». Импрессионизм задал «тональность» неореализму: изображать

¹ Толстой А.Н. Избр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1950. С. 9.

² Волошин М. Анри де Ренье // Аполлон. 1910. №4. С. 27.

следует не явления мира, а полученное от них впечатление, и чем субъективнее оно будет передано, тем полнее выразится в нем и «Я» художника, и «мировая первооснова человеческого самосознания».

«Пройти сквозь строй культур и остаться навсегда живым»¹ – так можно определить задачу, поставленную перед современной литературой «жрецами» Аполлона. И вполне допустимо утверждать, что Толстой эту задачу посвоему решал, следуя по указанному пути, включая и ориентацию на анекдот, недооцененный реализмом XIX в. и призванный сыграть, как указал Волошин, особую роль в формировании неореализма. Анекдот – это прерывистость, внешняя несвязанность событий, и именно такие особенности толстовской прозы отмечает один из знатоков «анекдотической» манеры письма С. Ауслендер в уже упоминавшейся рецензии на первую книгу Толстого. В целом вошедшие в книгу повести и рассказы начинающего прозаика он оценивает положительно, а самым слабым считает «Сватовство», в котором Толстой отошел от привычной манеры: «<...> попытался не удовлетвориться одной портретной галереей, собранием любопытных эпизодов-анекдотов, лишь слабо связанных между собой постоянно рвущейся нитью центральной фабулы, как это было в других его рассказах. Лишив “Сватовство” всех очаровательных “ненужностей”, оголив остов фабулы, Толстой не сумел избежать трафаретности и претенциозной искусственности в замысле и полной неуклюжести, с срывами к мертвому фотографическому натурализму, в исполнении»². Однако то, что Ауслендер считает недостатком, М. Кузмин рассматривает как шаг вперед в процессе становления дарования Толстого. Он не раз, будучи постоянным «ведущим» рубрики в «Аполлоне» – «Заметки о русской беллетристике», обращался к анализу произведений Толстого. Рецензируя второй сборник прозы писателя, Кузмин с удовлетворением отметил, что Толстой «стремится все больше и больше от анекдота и живописной картинки к широкому повествованию»³, и подтверждает это выход в свет двух романов молодого прозаика. А вот жадность к анекдотическим случаям, «настоящего и прошлого времени», свойственная Толстому, приводит к тому, что писатель без всякого смущения помещает в рассказы, написанные на материале современной жизни, то, что когда-то услышал от дедушек и бабушек, потому так часто современность приобретает у него оттенок «архаический и не совсем правдоподобный». Кузмин все-таки находит логическое объяснение и для этой «странности», предположив, «что широкая натура автора лучше себя чувствует и имеет большее поле действия в этих рассказах о недавней старине

¹ Слова эти адресованы были анонимным рецензентом Е. Кузьминой-Караваевой, а поводом послужил изданный «Цехом Поэтов» сборник стихотворений поэтессы «Скифские черепки» (1912). См.: Гиперборей. 1912. №2. С. 28.

² Ауслендер С. Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы. Кн. Первая. Изд. «Шиповник». СПб., 1911 г. // Речь. 1910. 6 (19) декабря. №335(1573). С. 3.

³ Кузмин М. Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы. Кн. II. СПб. «Шиповник». 1912 // Аполлон. 1912. №3–4. С. 104.

или ее остатках в наши дни. Чисто петербургские туманные приключения и настроения, конечно, привлекают его меньше, и он их передает приблизительно так же, как экзотический для него Париж»¹. Положительную, в основном, оценку Кузмин дает роману «Хромой барин», рецензируя первый сборник Товарищества писателей (1912), и обращает внимание прежде всего на «большую цельность фабулы», но при этом не прощает автору отсутствия целесообразности в поступках персонажей – психологической мотивированности, хотя взятые по отдельности эпизоды «очень действенны и глубоко волнуют»².

Подобные упреки Толстому приходилось читать не только на страницах дружественного ему журнала, но и в рецензиях, написанных людьми, далекими от модернистских инноваций. Среди таких отзывов «литературные впечатления» А.Е. Редько, критика-дилетанта, публиковавшего свои статьи главным образом в «Русском богатстве». Анализируя тот же первый сборник Товарищества писателей, он делает акцент на стихийных началах творческого дарования Толстого, видя в нем «органического и стихийного преувеличителя». Характер создаваемых писателем образов зависит, по мнению рецензента, от «размаха» руки, а рука его ограничена «лишь случайностями вдохновения». Этим и объясняются некоторые промахи Толстого, приводящие читателя в состояние недоумения, но в «минуты возбужденного, страстного – если так можно выразиться – воображения для автора все возможно, все может казаться правдивым и приемлемым»³.

Этот «размах», свойственный не одному Толстому, отметил М. Кузмин, когда давал суммарную оценку беллетристике в обзоре «Художественная проза “Весов”». На первый план он помещает два романа: «Серебряный голубь» и «Огненный ангел», определивших направления, по которым в дальнейшем будет развиваться современная русская проза. Историческое повествование Брюсова привлекает его синтезом «стилизации» и современности, умелым сочетанием тайнописи и ясного, прозрачного стиля, но главное достоинство в том, что автор создал «широкую, яркую и полную картину немецкой жизни XVI века»⁴. Столь же знаменательным, хотя и принципиально иным явлением литературы Кузмин считает «Серебряного голубя», представляющего собой «широкую символично-реалистическую картину современной России». «Эпизодичность, длинноты, неоднократные падения, растерзанность, шарж» – все это есть в романе А. Белого, но эти недостатки забываются, потому что важнее всего то, что дает автор: «большое и острое

¹ Там же. С. 105.

² Кузмин М. Издательство товарищества писателей. Сборник I. СПб. 1912 г. // Аполлон. 1912. №3–4. С. 104.

³ Редько А.Е. Из литературных впечатлений. Издание т-ва писателей. Сб. первый. И. Бунин – Ночной разговор. С. Сергеев-Ценский – Медвежонок. Гр. А.Н. Толстой – Хромой барин (роман). И. Шмелев – Пугливая тишина // Русское богатство. 1912. №4. С. 134.

⁴ Кузмин М. Художественная проза «Весов» // Аполлон. 1910. №9. С. 39.

чувствование современной России». В том же направлении движутся, как указывает Кузмин, А. Ремизов, А. Толстой и – «в некоторых вещах» – М. Горький. В ранее опубликованной рецензии на «Альманах для всех. Кн. 1» Кузмин тоже обращал внимание на возродившийся у писателей интерес к крупным эпическим формам. Не рассказ и не новелла, а произведения, по форме более напоминающие роман, привлекают молодых авторов, так как этот жанр позволяет им дать «отражение современности не в распыленных осколках, как то было в чеховское и послечеховское безвременье, а в цельных, хотя бы и не больших зеркалах»¹. Зеркала эти, замечает Кузмин, часто бывают «кривыми» – это одна из характерных особенностей современных писателей, позаимствованная ими у Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Лескова. В этом случае «отражение» получается «пристрастным, со сгущенными тенями», но эта «кривизна» не мешает «видеть в “кривом зеркале” не кривую действительность». «А потребность ее увидеть, – продолжает критик, – не с тенденциозно-партийной точки зрения с.-д., но бытописательно и во всей широте – весьма настоятельна. Если бы мы не побоялись быть пророками, то сказали бы, что находимся на пороге нового бытового символично-реалистического романа»². В числе авторов, приближающих появление подобного рода произведений, Кузмин называет, наряду с А. Белым и А. Ремизовым, А. Толстого.

Вполне естественен ряд совпадений в критических выступлениях авторов, близких к «Аполлону»: и в предсказаниях, касающихся основных тенденций русской прозы, и в оценке творчества Толстого как писателя, развивающегося в русле этих тенденций. Но и если обратиться к работам авторов, враждовавших с «аполлонизмом», обнаружится почти тождественность оценок, с той разницей, что для модернистов старшего поколения отсутствие «бездн» – черта негативная, а для их «наследников» – позитивная. Вот, к примеру, обзор З. Гиппиус, напечатанный в «Русской мысли»: снова сближение Толстого с А. Ремизовым и А. Белым – и противопоставление, в основе которого та самая безыдейность, пустота (форма без содержания), отмеченная и единомышленником З. Гиппиус Дм. Философовым. «Весьма слабая индивидуальность и без всякого хаоса» – так характеризует критик Толстого, но тут же признает, что произведения его «художественнее ремизовских», а объединяет его с Ремизовым, разумеется, не общность содержания, но «только стиль, известная окраска его». Впрочем, подводя итоги, Гиппиус не исключает, что «голая» талантливость выведет в конечном итоге молодого автора на верный путь: «Если инстинкт устойчив, он, развиваясь, может дать и подобие содержания, и сделает произведения этого писателя гармоничными и цельными, приятно художественными»³. Но пока еще начинающий писа-

¹ Кузмин М. Альманах для всех. Кн. 1. СПб.: Новый журнал для всех... // Аполлон. 1910. №7. С. 43.

² Там же. С. 43–44.

³ Крайний А. I. Разочарования и предчувствия (1910 год) // Русская мысль. 1910. №12. С. 182.

тель, чьи произведения порой столь выдержанны и пленительны, неровен, падок на анекдоты, да к тому же иногда «нелепо “декадентит”»).

К слову сказать, термин «декадентство» в контексте рассуждений об акмеизме как эстетическом течении или отдельных его представителях произносили не только декаденты со стажем, отказавшиеся от грехов молодости, но и радикально настроенная литературная молодежь. Так, в одном из альманахов, издаваемых «Петербуржским глашатаем» под эгидой эгофутуристов, появилась статья В. Ховина, где перечислялись все грехи акмеистов. Решая вопрос, кем на самом деле они являются – реалистами или декадентами, Ховин вспоминает забавный эпизод, случившийся во Всероссийском литературном обществе во время чтения С. Городецким доклада об акмеизме. В прениях принял участие критик-марксист М. Неведомский, приветствовавший появление неореалистической школы, перечеркнувшей идеалы декаданса. Однако присутствовавший там же М. Зенкевич счел себя обиженным и гордо заявил в ответ на похвалы: «Мы декаденты». Этот «щекотливый» момент – декаданс или неорелизм – исследует Ховин, и находит имя для новых поэтов, «новых адамов с хитрецей», – «модернизированный Адам». Ни о декадентстве, ни о реализме в настоящем смысле этих слов говорить не приходится, утверждает Ховин, да и об эстетической платформе как таковой, потому что новые адамы и не торопятся совершать какие-либо открытия, а главная их цель – «приноравливаться к жизни». «Бессильные в своем творчестве, бессильные в создании ярких оригинальных форм, – пишет Ховин, – предпочли они пойти по линии наименьшего сопротивления: надели на себя личины, облачились в тогу новой идеологии и... снова оказались бессильными в попытке обрести себя в дебрях последней. “Духовную жажду” заменили они ремесленничеством, и здесь-то любопытное совпадение характера явления с сущностью случайного названия, совпадение ремесленничества с цехом...»¹.

Упрек в «конъюнктурности», сделанный Ховиным в адрес акмеистов, в духе тех претензий, которые предъявлялись Алексею Толстому и его единоверцам по литературному цеху. А помимо всего прочего есть в рассуждениях Ховина и указание на зависимость новой школы от символизма. Причем не только творчество Гумилева и Городецкого расценивается критиком как разработка все тех же мотивов символистской поэзии, но и стихи М. Зенкевича и Вл. Нарбута. «...Какой уж тут адамизм, какие звериные добродетели, когда человек весь во власти культурных наслоений, весь пропитан изощренностью символического восприятия мира», – пишет он по поводу книги Зенкевича «Дикая порфира». «Реалистом скверного толка» Ховин величает Вл. Нарбута, впрочем, и в некоторых стихах Зенкевича он обнаруживает черты того же «грубого натурализма», претворяемого в «художественную безвкусицу».

Эта и подобные ей отрицательные характеристики новой литературной школы позволяют обнаружить определенное сходство между столь различ-

¹ Ховин В. Модернизированный Адам // Небокопы. Эгофутуристы. VIII. СПб., 1913. С. 14.

ными, при поверхностном рассмотрении, опусами Толстого и произведениями тех его «соратников», которые реализовывали в своем творчестве принципы акмеизма-адамизма. А подтверждают эту мысль рецензии совершенно иного рода, публиковавшиеся в одном из опекаемых акмеистами печатном органе – в «Гиперборее». Показательны отзывы на стихотворные сборники С. Городецкого, М. Зенкевича, Вл. Нарбута, опубликованные в критическом отделе «Гиперборея». Пафос всех этих рецензий однотипен, как однотипны и найденные во всех трех поэтических сборниках достоинства. «Иву» С. Городецкого рецензент призывает ценить не столько как книгу стихов, сколько как отражение личности поэта. А душа у автора «сильная и страстная и вместе с тем по-славянски нежная, чистая и певучая»; он переживает «расцвет всех духовных и физических сил, который за последнее время начинают обозначать словом “акмеизм”». Конечно, символистское прошлое дает себя знать, и по форме стихи Городецкого напоминают поэзию предшествующего этапа его творчества – но, «бесспорно, Сергей Городецкий уже на пути к освобождению...»¹.

Восторженную оценку без всяких «но» рецензент дает первой книге М. Зенкевича («Дикая порфира»), важнейшее достоинство которой – «многообещающее адамистическое стремление называть каждую вещь по имени, словно лаская ее»². «Акмеистический реализм» и «буйное жизнеутверждение» придают особую силу стихам Вл. Нарбута. Поэт «с откровенностью, доходящей в неудачных местах до цинизма», изображает «мир вещей и мир людей как мир чудовищ одной породы, призванных славить бытие, в каких бы формах он ни выражалось»³.

Тенденцию «славить бытие» в любых его проявлениях можно отыскать прежде всего в одном из самых ярких, как представляется, дореволюционных произведений Толстого – «Приключениях Растегина». Большая часть повести – удивительно *живая* картина быта провинциального дворянства (не без оттенка фантазмагории) вопреки представлениям Растегина, который отправился в путешествие из Петербурга в провинцию, – чтобы дополнить «родословную» и старинную библиотеку стародворянским декором, истлевающим в полуразрушенных усадьбах, – как на кладбище, или в музей, в котором хранятся побитые молью экспонаты. С удивлением обнаруживает этот петербургский делец на дворянском «кладбище» налитые такой жизненной силой «экспонаты», что себя ощущает созданием эфемерным, и всякий раз, оказавшись в двусмысленной ситуации, хватается за бумажник, ибо никакого другого способа доказать, что он сам не фантом, а некая самостоятельная «человеческая единица», у него

¹ Б. П. [Гумилев Н.С.] Сергей Городецкий. Ива. Изд. Шиповник. СПб. 1913 // Гиперборей. 1912. №2. С. 25.

² Б. П. [Гумилев Н.С.] М. Зенкевич. «Дикая порфира». Изд. Цеха Поэтов. СПб. 1912 // Гиперборей. 1912. №2. С. 26.

³ Б. П. Владимир Нарбут. Аллилуйя. Стихи. Изд. Цеха Поэтов. СПб. 1912 // Гиперборей. 1912. №2. С. 27.

здесь нет. Комфортно расположившийся в современном мире стекла и бетона, проносящийся по улицам столицы в сверкающем авто как победитель, биржевой делец беспомощен, как младенец, когда попадает в дворянский мир, который, как выяснилось, не исчез, а живет себе в провинции, варварским способом соединяя старозаветный быт с экономическим модерном. Увиденные Растегинным дворянские «чудовища» действительно одной породы с «миром вещей». Только вещи эти не старые бабушкины роброны, сервизы и ветхая мебель прошлых веков, на охоту за которыми он отправился, чтобы сделать стильным свой петербургский дом. Здесь главное – существование прочной «корневой системы» быта, придающей уверенность дворянским «обломкам» уходящей эпохи. Созданный ими «стиль» невозможно вывезти в Петербург и сделать своим. Сам Растегин, погрузившись в этот мир, с удивлением осознает, что здесь он точно не «король», каким ощущал себя в Петербурге: «...здесь Александра Демьяновича могли просто выдернуть, как редьку, выбросить в канаву, не посмотрев ни на что. Здесь ему ставили на вид прежде всего породу, а порода была таким особым ощущением, когда породистый человек, просто ли сидя или занимаясь делом, пускай даже мошенническим, сознает, что от его низа в землю идут корни и что выдернуть и выкинуть, как редьку, – нельзя»¹.

Повторив сюжетную схему гоголевских «Мертвых душ», Толстой в то же время скорректировал тезис Гоголя о гибнущем поместном дворянстве. Причем обнаруженный им источник жизненных сил, позволяющих балансировать в течение по крайней мере сотни лет на грани между жизнью и смертью и так и не погибнуть, он находит не в недрах возрождающейся, как феникс из пепла, русской души, а в их земляной, нутряной субстанции, которой напрочь лишены нувориши, подобные герою повести. Современный Чичиков – Растегин – обречен на поражение, когда вступает в поединок с обитателями дышащих на ладан поместий, населенных гротесково обрисованными фигурами дам, девиц, прогрессистов, дельцов новой породы, стариков и «юношей» из угасающего дворянского сословия.

Если говорить о ситуативно декадентском наполнении ряда толстовских текстов, то сразу же стоит сказать и о том, *что* нивелирует и, по сути дела, сводит на нет этот элемент его прозы, – о жизнелюбии, которое в ряде его повестей воплощается в фигурах почти карикатурных, в других же, как, например, «Детство Никиты», максимально приближено к естественному течению жизни. Этот своеобразный протест против искусственности (правильнее было бы сказать, надуманности) бытия сродни тому, что можно найти в кузминской повести «Покойница в доме» (1912), открывающей охоту на идеологических химер символизма, перекочевавших из литературного мира в реальный.

Литература

¹ Толстой А.Н. Большие неприятности. Повести и рассказы. 1912–1916. М., 1988. С. 79.

Городецкий С. Жизнь неукротимая: Статьи, очерки, воспоминания. М.: Современник, 1984.

Гумилев Н.С. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Рассказы, очерки, литературно-критические и другие статьи, «Записки кавалериста». Вашингтон: Victor Kamkin, Inc., 1968.

Зенкевич М. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-пресс, 1994.

Кузмин М.А. Проза и эссеистика: В 3 т. Т. 3. Эссеистика. Критика. М.: Аграф, 2000.

Маковский С. Портреты современников: Портреты современников. На Парнасе «Серебряного века». Художественная критика. Стихи. М.: Аграф, 2000.

Нарбут В. Стихотворения. М.: Современник, 1990.

Очарованный странник: Аннотированный указатель содержания. М.: История и филология; Диалог – МГУ, 1997.

Толстой А.Н. Избр. соч.: В 6 т. М.: Советский писатель, 1950–1953.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
научн. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
Candidate of Philology
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

М.В. Фалдина

**Наречные интенсификаторы в практических пособиях
по русскому языку как иностранному:
о необходимости создания полиаспектного словаря
усилительных единиц**

Аннотация: В статье рассматриваются усилительные наречия как объект описания в теории и методике преподавания русского языка как иностранного. Анализируются учебные пособия по русскому языку для инофонов и лингводидактические словари функциональной направленности; определяются основные направления разработки полиаспектного учебного словаря интенсификаторов.

Abstract: The article examines intensifying adverbs as an object of theory and methods of teaching Russian as a foreign language. It analyses the Russian language-textbooks and tutorials for foreigners as well as functionally oriented linguodidactic dictionaries and determines the primary directions of designing a multiaspect academic dictionary of intensifying units.

Ключевые слова: наречные интенсификаторы, учебная лексикография, функционально-коммуникативная грамматика, учебные пособия РКИ, теория и методика обучения русскому языку как иностранному

Key words: intensifying adverbs, educational lexicography, functional-communicative grammar, texbooks and tutorials for Russian as a foreign language, theory and methods of teaching Russian as a foreign language

Долгое время в методике преподавания русского языка как иностранного изучению наречий уделялось недостаточно внимания. Так как эта часть речи не имеет форм словоизменения, считалось, что достаточно ввести набор наречных единиц без их последовательного системного описания. М.В. Всеволодова писала о том, что достаточно разработанная, синтаксически значимая классификация наречий фактически отсутствовала [Книга о грамматике]. Появление трудов по функционально-коммуникативной грамматике, в которых отмечалось, что сфера действия наречий намного шире, чем описано в традиционной грамматике, стала толчком для изменения сложившейся ситуации. Важным шагом в изучении и «освоении» наречий стала докторская диссертация Ф.И. Панкова, посвященная рассмотрению наречий с точки зре-

ния их функциональных характеристик [Панков]. Данная работа, являясь общим фундаментальным описанием системы адвербиальных единиц, инициировала разработку и детальное описание отдельных фрагментов этой системы с функционально-коммуникативной точки зрения, что является важным в том числе для практики преподавания русского языка как иностранного.

Одним из таких «фрагментов», которые нуждаются в разработке системного функционального описания, является зона усилительных наречий, или наречий с семантикой интенсивности. Наречия (и прилагательные, образованные от них путем синтаксической деривации) составляют ядро абсолютного субполя функционально-семантической категории интенсивности, т. е. являются основным средством выражения высокой степени по отношению к абстрактному образцу¹. Необходимость функционального описания усилительных наречий с целью их представления в иностранной аудитории определяется значимостью данной категории для носителей русского языка. Это отмечает, например, А. Вежбицкая, которая пишет о «высоком эмоциональном накале русской речи» [Вежбицкая, 33]. Кроме того, изучение наречных интенсификаторов представляет значительные сложности для иностранцев, овладевающих русским языком, так как эта зона характеризуется значительной степенью лексикализованности, т. е. затрудненностью или невозможностью описания четких правил выбора единицы для усиления заданного главного слова. В предисловии к «Словарю усилительных сочетаний» И.И. Убин описывает следующие словосочетания с интенсификаторами, представляющие трудности при переводе с одного языка на другой: английские эквиваленты русских выражений круглый дурак и гробовое молчание – *roundfool* и *coffinsilence* – не имеют никакого смысла, так же как и русский эквивалент сочетания *bonelazy* (ленивый до костей) [Убин, 5].

Положение наречных интенсификаторов в ядре функционально-семантической категории, а также важность категории для сознания русскоговорящих определяет достаточно высокое количество наречных лексем с усиленной семантикой, а также их внутреннее разнообразие. Так, в уже упомянутой работе Ф.И. Панкова выделяется 9 групп наречий меры и степени:

- 1) указатели абсолютной, максимальной степени величины признака;
- 2) указатели степени величины признака ниже максимальной;
- 3) наречия с количественно-оценочным значением средней степени признака;
- 4) наречия с количественно-оценочным значением малой степени признака;
- 5) наречия с количественно-оценочным значением высокой степени признака;
- 6) указатели нулевой степени отстояния двух величин признака;
- 7) указатели незначительной степени отстояния двух величин признака;
- 8) указатели значительной степени отстояния двух величин признака;

¹ Отметим также, что в рамках функционально-семантической категории интенсивности выделяется относительное субполе, основным средством выражения которого являются компаративы (морфологический уровень языковой системы).

9) указатели степени нарушения меры признака [Панков, 149–154].

В теоретической литературе представлены также другие варианты классификаций наречных интенсификаторов, основанные на разных параметрах и характеризующиеся большей или меньшей степенью детализации. В качестве примера более общей классификации можно отметить классификацию С.А. Григорьевой, представленную в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка». В данном случае выделяются три большие группы наречий: группа указателей на предельную / полную степень проявления признака (абсолютно, совершенно, полностью), группа наречий, обозначающих превышение «нужной степени» (чересчур, слишком), а также третья, достаточно неоднородная, группа наречий, не дифференцированных относительно предела и имеющих различные дополнительные оттенки значения (удивительно, неслыханно, безмерно) [АС, 747–748]. В целом, можно говорить о том, что в лингвистике (особенно в рамках функционально-коммуникативного подхода к описанию языка) изучению наречий, в частности наречий степени, уделяется все больше внимания. Рассмотрим, как отражается повышение интереса исследователей к наречиям «на практике», в лексических минимумах и пособиях для иностранцев, изучающих русский язык.

Несмотря на очевидную значимость семантики интенсивности, в лексических минимумах по РКИ наречия и прилагательные¹, являющиеся средствами ее выражения, представлены в сравнительно небольшом количестве. Так, в лексические минимумы для элементарного уровня входит только нейтральное наречие *очень*. В тематической группе «оценка» перечислены, в основном, прилагательные и наречия, выражающие качественную оценку (*хорошо, плохо, правильный*). В раздел «количество» входят только наречия *мало* и *много*, а также числительные. В разделе «этикет» интенсификатор *очень* присутствует в конструкциях *очень рад, очень приятно, очень жаль*. Регулярно используемые усилительные сочетания *большое спасибо, с большим удовольствием* не представлены [Лекс. минимум 1].

Лексический минимум базового уровня мало отличается от минимума для элементарного уровня в плане описания усилительных единиц. В разделе «оценка» добавляется выражение указания на норму: наряду с прилагательными *хороший, плохой* появляются прилагательные *обычный* и *обыкновенный*. Кроме того, в программный минимум базового уровня входит изучение степеней сравнения; таким образом, на базовом уровне изучается ядро относительного субполя в рамках категории «интенсивность» [Лекс. минимум 2].

Количество единиц, обязательных для изучения на I сертификационном уровне, существенно превышает объем лексических единиц предыдущих уровней.

¹ При анализе отражения интенсификаторов в учебниках, учебных пособиях и лексических минимумах по русскому языку как иностранному, наряду с наречиями меры и степени, будут также учитываться прилагательные, являющиеся синтаксическими дериватами от указанных наречий и выражающие ту же семантику.

В том числе возрастает и количество усилительных единиц. В указатель необходимых для изучения лексем входят единицы: *абсолютно, намного, совсем*. Таким образом, добавляются наречия, выражающие интенсивность через указание на предел, а также наречия, интенсифицирующие компаративы (*настолько*). Кроме того, добавляются единицы, обозначающие регулярность и постоянство: *постоянно, регулярно, каждый, ежедневно, ежегодно*.

К моменту завершения I сертификационного уровня учащиеся должны владеть основными (центральными) средствами выражения смыслов 'выше нормы, без отношения к пределу'; 'до предела', а также основным средством интенсификации сравнительной оценки (относительной интенсивности – компаративов). Не охваченными оказываются смыслы 'выше предела' и 'отсутствие предела': основные выразители этих смыслов – наречия *слишком / чрезмерно и безгранично / беспредельно* в лексические минимумы не входят [Лекс. минимум 3].

Специализированные лексические минимумы для филологов-магистрантов нацелены на максимально полное описание языковых средств, необходимых для обучения, а именно понимания и создания текстов литературоведческой [Программа 1] или лингвистической [Программа 2] направленности. В данных минимумах средства выражения категории «интенсивность» не представлены совершенно.

В соответствии со слабой представленностью в лексических минимумах наречия степени – и другие усилительные единицы практически не включены в учебные пособия по русскому языку как иностранному. Рассмотрим очередность ввода основных единиц, относящихся к ФСП «интенсивность», в наиболее востребованных учебниках для студентов разных уровней.

(1) Начальный уровень

В учебном пособии «Жили-были», интенсивном начальном курсе русского языка, слово *очень* вводится на 4-м уроке в предтекстовом задании: предлагается найти перевод нескольких слов в словаре. Количественная оппозиция *много – мало* вводится только на 10-м уроке. В 18-м уроке, также в качестве предтекстового задания, вводятся одновременно наречия *совсем и абсолютно*, причем между ними стоит знак равенства [Жили-были].

В пособии «Поехали!» уже во втором уроке вводится наречие *очень* в рамках этикетной формулы *очень приятно*. Количественная оппозиция *много – мало* вводится на 7-м уроке [Поехали!].

В учебном пособии для элементарного уровня «Дорога в Россию» в 5-м уроке вводится этикетная формула *очень приятно*, в 7-м уроке последовательно вводятся сочетания «очень + прилагательное» (*очень приятный*), «очень + глагол» (*очень нравится*) [Дорога в Россию].

Таким образом, наиболее полная картина наречий степени представлена в учебном пособии «Жили-были»; авторы других пособий ограничились пред-

ставлением только центральной единицы ФСП «интенсивность», которая входит в лексический минимум (наречия *очень*).

(2) Средний уровень

В качестве примера пособия для среднего уровня был рассмотрен учебник Ю.Г. Овсиенко. В данном пособии вводятся отрицательные местоимения-существительные и местоимения-прилагательные *никто, ничто, никакой, ничей* и описывается явление двойного отрицания в русском языке. При этом не делается указания на возникновение усилительной семантики в сочетаниях подобного рода. Одно из приложений, находящихся в конце пособия, посвящено описанию этикетных единиц. В разделе «Способы выражения благодарности» указаны следующие формы: *большое спасибо, огромное спасибо, очень благодарен, от всей души / от всего сердца благодарю*. Кроме того, в разных разделах представлены сочетания со словом *очень* типа *(очень) жаль, (очень) вам сочувствую* и т. п. Наличие отдельного раздела, посвященного этикетным клише, и включенность в этот раздел сочетаний типа *большое спасибо* является существенным преимуществом данного пособия. С другой стороны, спектр смыслов в рамках категории «интенсивность» представлен только не дифференцированным относительно предела обозначением степени «выше нормы», нет единиц, выражающих эту семантику через указание на достижение / преодоление предела [Овсиенко].

(3) Продвинутый уровень

Для студентов продвинутого этапа обучения создано достаточно большое количество специализированных учебных пособий по лексике и культуре речи, в которых подробно анализируются семантические и сочетаемостные различия между словами, близкими по значению.

Пособие по лексике русского языка под ред. Э.И. Амиантовой строится по принципу последовательного сопоставления и описания пар лексических единиц, различие которых может вызывать трудности у иностранных учащихся. Учащемуся предлагается самостоятельно сформулировать семантические и сочетаемостные различия между словами на основании языковых заданий-подсказок.

В данном пособии рассмотрены следующие пары слов, имеющих отношение к ФСП «интенсивность».

а) *Много – очень*. Из упражнений логически выводится информация о различиях в семантике единиц. В одном из заданий учащегося просят переформулировать фразы типа *он совсем не рад нашему приходу* так, чтобы получились конструкции типа *он очень рад нашему приходу*. С одной стороны, в данном упражнении учащийся должен сделать выбор между количественной семантикой слова *много* и усилительной *очень*, с другой, он знакомится с оп-

позицией *совсем не – очень*, правда, при этом не дается указания на различия в семантике этих наречий.

б) *Полностью – вполне*. Дается описание семантических различий единиц: «полностью указывает на высшую степень результативности действия, а вполне на такую, которая оценивается говорящим как приемлемая, достаточная».

в) *Вполне – совсем*. В данном разделе описаны следующие виды значения наречия *совсем*: «совсем указывает на: 1. Меру качества и усиливает, подчеркивает то, что выражено словом, при котором оно стоит. 2. На высокую степень результативности действия. 3. На то, что что-либо не повторится, не вернется в прежнее состояние (в значении “навсегда”, “безвозвратно”)». Кроме того, указано различие в сочетаемости наречий *вполне* и *совсем* со словами, имеющими при себе отрицание.

Таким образом, в пособии Э.И. Амиантовой присутствуют достаточно подробные описания различий в семантике и сочетаемости лексических единиц, в том числе нескольких наречий с семантикой интенсивности [Амиантова].

Пособие по лексике русского языка С.И. Дерягиной, Е.В. Мартыненко строится по сходному принципу. Рассматриваются небольшие группы слов. Для каждого из этих слов даются типичные контексты, затем описываются их семантические различия, понимание и усвоение которых проверяется последующими упражнениями. Из всех рассмотренных единиц отношение к ФСП «интенсивность» имеют следующие пары слов.

а) *Слезный – слезливый*. В пособии упомянуты контексты, в которых слово *слезный* имеет семантику интенсивности: *слезная жалоба, просьба*. Однако контексты сгруппированы на основании родовой принадлежности главного слова. Усилительные контексты не выделены в самостоятельную группу, нет информации о семантическом приращении данной единицы.

б) *Высокий – низкий, верхний – нижний*. При описании значений данных слов отмечено, что *высокий*, в числе прочих, может иметь значения «такой, который а) больше среднего уровня по количеству, б) лучше среднего уровня по качеству». И, соответственно, указано, что слово *низкий* может иметь противоположное значение того же типа. Этим описание пар *высокий – верхний, низкий – нижний* отличается от их описания в предыдущем пособии, где в качестве различительного признака были указаны только абсолютность / относительность выражаемых ими понятий. С другой стороны, указание на количественность не уточнено: возможность выражения этим прилагательным усилительного значения не выделена в отдельный пункт.

в) *Безграничный – неограниченный*. Данное пособие – единственное из проанализированных, в которое включается слово, выражающее интенсивность через указание на отсутствие предела. Дается следующее правило разграничения этих единиц: «Безграничный – 1) такой, который не имеет види-

мых границ (о пространстве, дали); 2) указывает на отсутствие каких-либо пределов (о большом количестве чего-либо). Неограниченный указывает на то, что никто не устанавливает пределов / границ для кого-, чего-либо» [Дерягина].

В главе о наречиях пособия «Культура русской речи» отмечается, что выбор правильного количественного наречия вызывает значительные затруднения у иностранцев. К количественным наречиям отнесены единицы: *очень, много, мало, немного, чуть-чуть, совсем, совершенно, абсолютно, чересчур, слишком, почти, достаточно, гораздо*. Далее приведена таблица сочетаемости указанных наречий с глаголами, существительными, прилагательными, наречиями. В случае, если наречие сочетается с представителями указанной части речи, приведены примеры. В данном пособии представлен самый полный список наречий интенсивности, однако приведены только частеречные ограничения на их сочетаемость без учета семантических требований [Будильцева].

Анализ пособий показал, что на начальном и среднем (базовом) уровнях наречия интенсивности практически не входят ни в лексические минимумы, ни в учебники. На продвинутом этапе их изучение является необходимым, но учебные пособия, системно представляющие данный материал, отсутствуют. Также можно отметить, что в пособиях по русскому языку как иностранному наречия интенсивности не выделяются в отдельную группу, а характеризуются как количественные наречия. Это противоречит задачам системного описания средств выражения определенной семантической категории, которое играет большую роль в преподавании русского языка как иностранного. Т.И. Вендина отмечает, что культурная семантика слова «прочитывается лишь при условии знания принципов семантической организации лексикона языка, когда во внимание принимается не одно слово, а весь массив слов, позволяющий проследить взаимодействие лексем в рамках так называемых морфосемантических полей» [Нефедова, 87]. В случае, если учащиеся знакомы с существенным количеством словосочетаний, в которых регулярно возникает семантика интенсивности, они могут делать выводы о языковых закономерностях и благодаря этому учатся прогнозировать возникновение этой семантики в других сочетаниях. Можно предложить два выхода из сложившегося положения: переработка существующих учебников и создание специализированных пособий, посвященных способам интенсификации в русском языке, либо разработка учебных словарей усилительных единиц. Если первое решение может вызывать ряд затруднений, в первую очередь из-за того, что учебные программы для иностранных учащихся разных уровней и так являются очень насыщенными, то составление словарей представляется достаточно перспективным.

Разумеется, идея создания функциональных словарей не нова. Лингвисты и лексикографы активно работают над формированием критериев, которые

должны быть описаны в рамках такого словаря, и созданием формата описания лексических единиц. Рассмотрим три примера существующих словарей, опирающихся на функциональные принципы описания слова.

Одним из словарей, имеющих целью максимально полно описать семантику и сочетаемость лексических единиц, является толково-комбинаторный словарь под редакцией И.А. Мельчука и А.К. Жолковского [ТКС]. Задачей словаря является полное описание языка в рамках модели «Смысл – Текст». Основная идея этой модели состоит в том, что синонимия языковых выражений происходит не только за счет лексических синонимов, но и за счет других средств языка. Чтобы максимально точно описать лексические средства, их семантику и меру их сходства, используется «язык семантических множителей» или элементарных смыслов, которые организованы определенным образом в рамках значения слова. Для описания сочетаемости слов друг с другом было выделено несколько десятков лексических параметров – типовых значений, которые выражаются при достаточно большом числе слов; однако в отличие от грамматического значения, при разных словах выражаются различными средствами, причем способ выражения зависит от того, при каком именно слове они выражаются. Среди лексических функций описываются и средства интенсификации: выделена лексическая функция Magn – ‘очень’, ‘в высшей степени’, в том числе ее комбинации с другими функциями, напр., Magn + Ver (‘такой, как следует’: вполне заслуженный), Antipon + Magn (‘антоним к хороший’: преступная агрессия) [ТКС, 37–43, 83].

Цель словаря, созданного в рамках данной модели, – исчерпывающее и формализованное отражение всех семантических и сочетаемостных соотношений данного слова с другими словами. Таким образом, словарь ориентирован не столько на понимание текстов, сколько на их построение, причем имеется в виду автоматическое построение текстов без участия человека (напр., машинный перевод). Несмотря на близость данной задачи целям создания словаря сочетаемости для иностранных учащихся, толково-комбинаторный словарь едва ли применим в учебных целях. Основной причиной этого является перенасыщенность словаря информацией, в том числе сложность системы помет. В учебных целях имеет смысл ограничить объект описания одним или несколькими близкими лексическими параметрами, упростить систему помет, толкование.

Ограничение объекта исследования описанием исключительно средств выражения семантики интенсивности было применено при создании словарей усилительных сочетаний И.И. Убиным [Убин] и И.И. Сущинским [Сущинский]. Рассмотрим данный тип словарей на примере «Словаря усилительных сочетаний русского и английского языков» И.И. Убина.

В качестве заглавных слов в словарь были включены в основном, существительные, прилагательные и глаголы. Критерием отбора единиц являлись: способность слова присоединять усилительные единицы, употреби-

тельность слова, его сочетательная активность. Основную часть заглавной статьи составляет алфавитный перечень слов-усилителей заглавного слова. Кроме того, в статью включены пометы разного рода: минимальная грамматическая, стилистическая информация, данные о смысловых ограничениях словосочетания и т. п. Также в словаре есть реверсивная часть, в которой заглавным словом является интенсификатор; в алфавитном порядке перечислены единицы, с которыми он сочетается.

Данный словарь является интересным лексикографическим опытом. Его несомненное преимущество заключается в том, что он ориентирован на выражение определенных смыслов в сочетаниях слов. При этом особенностью словаря является то, что он предлагает «не соответствия “словосочетание одного языка – словосочетание другого языка”, а соответствие “русская словарная статья, объединяющая все найденные усилительные сочетания заглавного слова, – словарная статья английского языка...”» [Убин, 6], что, несомненно, является существенным преимуществом в аспекте преподавания РКИ. В качестве недостатка данного словаря можно отметить то, что он является констатирующим, т. е. в нем просто перечислены возможные интенсификаторы при словах. В рамках функционального подхода к описанию языка следует выделить правила, закономерности сочетаемости единиц, описать интенсификаторы с точки зрения выражаемого ими значения, выделить смысловые группы среди заглавных слов и т. п.

Среди словарей, ориентированных непосредственно на задачи преподавания русского языка следует отметить «Словарь-справочник по русскому языку» под редакцией И.П. Слесаревой [Слесарева]. Словарь-справочник включает толкование более 1000 слов. При этом слова описаны не независимо друг от друга. В каждой словарной статье описано два, три или реже четыре слова. Даны толкования значений этих единиц, а также сопоставлены их лексико-семантические варианты (далее ЛСВ). Кроме того, описаны «синтагматические характеристики слов, их лексико-семантическая сочетаемость и конструктивные особенности». В целом данный словарь можно отнести к словарям идеографического типа, синонимическим словарям. От традиционных словарей синонимов его отличает то, что словарным входом являются не только синонимы, но и единицы, связанные между собой некоторыми смысловыми отношениями парасемического характера. Выбор единиц, включенных в словарь-справочник, обусловлен, систематическими ошибками, которые допускаются иностранными учащимися – носителями разных языков [Слесарева, 11–16].

В разделах, посвященных наречиям и прилагательным, И.П. Слесарева описывает следующие пары единиц, связанные с выражением семантики интенсивности: *безграничный / неограниченный, весь / целый, всегда / вечно, полностью / целиком, полностью / вполне, вполне / совсем*. Некоторые из единиц выражают значение интенсивности не в первом ЛСВ, а во втором или

третьем. При этом наличие / отсутствие этой семантики, а также ее тип может являться дифференциальным признаком для разграничения единиц. Например, *целый* (ЛСВ 3) – «в полном объеме, в полном составе; при указании на большое количество чего-л.». В словаре-справочнике указано, что единицы *весь* (есть только один ЛСВ) и ЛСВ 3 слова *целый* сближаются в значении «взятый в полном объеме, полном составе», но если *весь* обозначает полный, исчерпывающий охват чего-л., то *целый* подчеркивает чрезмерность чего-л.

В «Словаре-справочнике по русскому языку» отражены семантические и сочетаемостные различия между некоторыми наречиями и прилагательными, которые могут вызывать трудности у иностранных учащихся. Структура описания единиц, предложенная в этом словаре, достаточно логична и хорошо разработана. Последовательно перечисляются основные ЛСВ каждой из лексических единиц с достаточным количеством употреблений. При этом в словарную статью включены примеры разного уровня сложности. Так, для ЛСВ 3 слова *целый* даются следующие контексты: «Целый полк. Целая команда. В ходе исторического процесса с земли исчезали целые города, местонахождение некоторых из них до сих пор не установлено». Кроме того, контексты отчасти систематизированы, указаны семантические признаки единиц, с которыми регулярно сочетаются заглавные слова. Так, указано, что *целый* (ЛСВ 3) сочетается с существительными, обозначающими отрезки времени (*Целый час. Мы занимались этой темой целых два месяца*), а также с существительными, обозначающими меру длины, объема, веса и т. п. (*Целый литр. Масло у нас есть, я купила целый килограмм*).

После анализа ЛСВ всех слов ряда описываются семантические и сочетаемостные различия между ними и приводятся близкие контексты употребления. Так, при описании различий между словом *весь* и ЛСВ 3 *целый* даются следующие контексты с пояснениями: *Физическая лаборатория занимает весь первый этаж института* (полностью занимает этаж). – *Неужели одна лаборатория занимает целый этаж?* (говорящему кажется, что лаборатория занимает слишком много места).

Таким образом, описание единиц, предложенное И.П. Слесаревой, является достаточным и хорошо разработанным для практического использования в аудитории. Однако очевидно, что при создании словаря-справочника не ставилась задача исчерпывающего описания единиц с семантикой интенсивности. Наряду с наречиями и прилагательными, в словаре описаны и другие части речи. Это обусловило достаточно ограниченную представленность наречий и прилагательных с семантикой интенсивности.

Таким образом, среди существующих словарей не представлено пособия, в полной мере отвечающего задачам системного описания отдельного фрагмента языковой системы (усилительных единиц) и содержащего все типы помет, необходимых для преподавания русского языка в иностранной аудито-

рии, тогда как для практики преподавания русского языка как иностранного существенное значение имеют описания, охватывающие большой спектр единиц, объединенных на основании общности семантики.

Создание учебного словаря усилительных единиц позволит описать не только наречные интенсификаторы, составляющие ядро функционально-семантического поля и являющиеся базовыми средствами выражения различных оттенков интенсивности (достижение предела / его превышение и т. п.), но и периферийные средства интенсификации (единицы, в которых данная семантика выражается коннотативно или контекстуально). О необходимости такого расширения словника свидетельствует высказывание И.А. Стернина: «На продвинутом этапе студент-филолог должен усвоить как ядро значения слова, так и его периферию, что позволит ему свободно понимать и употреблять лексические единицы. Конечная цель обучения студента-филолога – формирование у него языковой компетенции, сопоставимой с языковой компетенцией носителей русского языка» [Стернин, 117].

Важно отметить, что речь идет о необходимости составления не просто констатирующего словаря, а именно учебного полиаспектного словаря усилительных единиц, в котором учебные единицы сопровождались бы несколькими типами релевантной лексикографической информации. Этот словарь должен отвечать методическим запросам, т. е. выступать, следуя метафоре Е.М. Кочневой и В.В. Морковкина, «исполнителем заказа», тогда как методика является собственно «заказчиком» [Кочнева, 64]. В таком словаре необходимо не просто перечислить сочетания слов, присутствующие в языке, но и представить определенные выводы о сочетании смыслов, по возможности объединить лексические единицы в группы по типу выражаемой ими семантики (как собственно интенсификаторы, так и главные слова). При этом следует опираться на последние и наиболее актуальные работы лингвистов, а также на классификации усилительных наречий, основанные на принципах функционально-коммуникативной грамматики. Создание такого словаря будет играть важную роль при формировании системного взгляда на язык, а также помогут при формировании вторичной языковой личности.

Литература

Амиантова: *Амиантова Э.И. и др.* Лексика русского языка: Сб. упражнений. М., 2004.

АС: *Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004.

Будильцева: *Будильцева М.Б. и др.* Культура русской речи. Учеб. пособие для иностранцев, изучающих русский язык. М., 2010.

Вежбицкая: *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.

Дерягина: *Дерягина С.И., Мартыненко Е.В.* Учебно-справочное пособие по лексике русского языка (Трудные случаи употребления семантически близких слов). М., 2006.

Дорога в Россию: *Антонова В.Е., Нахабина М.М.* Дорога в Россию: Учебник русского языка (элементарный уровень). СПб.; М., 2010.

Жили-были: *Миллер Л.В., Политова Л.В.* Жили-были. 28 уроков русского языка для начинающих: Учебник. СПб., 2011.

Книга о грамматике: Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / Под ред. А.В. Величко. М., 2009.

Кочнева: *Кочнева Е.М., Морковкин В.В.* Учебная лексикография и методика: характер взаимодействия // Русский язык за рубежом. М., 2003. №2.

Лекс. минимум 1: Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение / Под ред. А.В. Голубевой. М.; СПб., 2000.

Лекс. минимум 2: Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение / Под ред. А.В. Голубевой. М.; СПб., 2000.

Лекс. минимум 3: Лексический минимум по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. Общее владение / Под ред. А.В. Голубевой. М.; СПб., 2000.

Нефедова: *Нефедова Е.А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008.

Овсиенко: *Овсиенко Ю.Г.* Русский язык: Учебник. Кн. 2. Средний этап обучения. М., 2010.

Панков: *Панков Ф.И.* Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2008.

Поехали!: *Чернышов С.И.* Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. СПб., 2011.

Программа 1: Программа для иностранных магистрантов-литературоведов. Язык специальности / Отв. ред. Э.И. Амиантова. М., 2000.

Программа 2: Программа-справочник по русскому языку (научный стиль речи) для магистрантов-лингвистов, обучающихся на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова / Отв. ред. Ю.А. Туманова. М., 1998.

Слесарева: Словарь-справочник по русскому языку / Под ред. И.П. Слесаревой. М., 2011.

Стернин: Учебники и словари в системе обучения РКИ: Сб. статей / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1986 (см.: *Стернин И.А.* К разработке словаря лексической компетенции).

Сущинский: *Сущинский И.И.* Словарь усилительных сочетаний русского и немецкого языков. М., 1997.

ТКС: *Мельчук И.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.

Убин: *Убин И.И.* Словарь усилительных сочетаний. Англо-русский. Русско-английский. М., 2007.

Сведения об авторе:
Мария Васильевна Фалдина
аспирант филологического факультета,
кафедра дидактической лингвистики
и теории преподавания русского языка как иностранного
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Maria V. Faldina
Graduate student of the Philological Faculty
Department of Linguistics didactic
and theories of teaching Russian as a foreign language
Lomonosov Moscow State University
mashafald@gmail.com

Материалы и сообщения

**Продолжение публикации материалов
Международной славистической конференции
«Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии»**

Кр. Колева, Д.-Д. Атанасова

**Нови употреби на възвратни глаголи
в съвременния български книжовен език –
тенденция или ненормативност**

Анотация: В текста е анализирана засилващата се употреба в съвременния български език на възвратния безличен глагол случва се / случи се и дериватите му. Посочени са причината за явлението, новата синонимия, дискурсивните практики, тенденциите, границите между стандарта и субстандарта, свързан с нонсенса.

Ключови думи: съвременен български език, безличен възвратен глагол случва се / случи се, иновация, тенденции, ненормативност

Abstract: This text analyzed the usage of the frequently found neutral impersonal reflexive verb *sluchi se // sluchva se* ('to happen') and its derivatives in contemporary Bulgarian language. Apart from their normal use, which is mainly explained by means of the synonymic order in which the verb is dominant, these verbs are often found with (to a certain degree) irregular uses. Their appearance is due to the influence of English language (syntagms with 'to happen') and is typical for the journalistic style and political discourse. The influence of this innovation in other language styles (mainly the scientific) poses the question if this phenomenon is just a linguistic fashion or marks a tendency.

Key words: modern Bulgarian language, impersonal reflexive verb to happen, innovation, influence, trend, substandard

Изследването е направено на базата на лично събиран в продължение на над десет години емпиричен материал, регистриращ появата на нови употреби на често срещани възвратни глаголни лексеми в различните функционални стилове на книжовния български език. Периодът се характеризира с изключителна динамика на процесите в езика не само защото в края миналото столетие (и хилядолетие) – началото на новото те се ускоряват поради интензифицирането на центростремителните и центробежните сили, които го движат. За българския език това се отнася в още по-голяма степен, тъй като обществената среда, в която той функционира и която отразява, се променя рязко. Преходът от тоталитарна към демократична обществена система има специфично вербализиране, което започва от политическото говорене, намира благоприятна среда в медиите, повлиява езика на улицата главно в градската среда, смесва се със сленга на различни социални и възрастови групи и «се отваря» за влияние отвън, което е в синхрон с европеизацията и глобализацията на процесите в обществото.

Рефлексивните глаголи не са случаен обект за наблюдение. Тяхната специфична конотация очевидно генерира иновативните значения, като същевременно е благоприятна почва за изразяване на повече рефлексии спрямо обществените промени, отколкото са описани. Доколко обаче те са разбираеми за носителите на езика и са резултат от логиката на комуникативните процеси в социума и следователно подлежат на кодифициране или остават в зоната на субстандартата, където кореспондират с колоквиализацията в езика като важна характеристика на промените в информационното общество, е въпрос, който се разглежда тук в по-широк план. Смятаме, че адекватното му решение е в парадигмата на културната антропология, а допълнителен инструментариум предоставят социолингвистиката, езиковата контактология, езиковата мода и екологията на езика. Критерий за нормативност е официалната лексикографска практика.

В този текст представяме модела на анализ по темата върху най-честотния възвратен глагол и неговите деривати – случва се / случи се – ярък пример за лексикализацията на иновация, стимулирана от хиперезика – английския (*to happen*), която има лавинообразен и агресивен характер на разпространение и изтласква редица домашни синоними (наред с контекстовите), като става, бива, извършва се, осъществява се, намира се.

Екскерпирани са всички кодификационни и тълковни речници, като за тестване на наличието на тенденция се опираме на ресурси, включващи речниковия състав от средата на XX век до наши дни – достатъчен синхронен срез и за двете форми на езика. В анализа прилагаме концепцията на Карл Гутшмит за езиковата тенденция [Гутшмит 1998: 98].

Возвратният глагол случва се / случи се има нова конотация, получена в резултат на променената обществена среда. Тиражирането на този идиом в печатните медии (включително и в електронни издания, сайтове, блогове, со-

циални мрежи и пр.) го превръща от лексикализирано явление в тенденция [Колева 2009]. Факт е ежедневната делнична рубрика «Какво се случва» в националния радиоефир. Постепенно покрай безличното какво се случва зачестява употребата и на какво ми се случва. Паралелизмът в лексиката при говоренето / писането по обществени и по лични теми е симптоматичен. Той е огледало на процесите в постоталитарния преход, от които гражданското общество е дистанцирано. Описването на събития, които се планират, като резултат от случайното добива масов характер. Тази иновация все още не е санкционирана от кодификатора, въпреки отделни критични езиковедски публикации. Иновациите са постоянно явление в езиковата практика и са чест обект на изследване. Те са свързани с тенденцията към центробежност, характерна за всеки език. Някои от иновациите са продукт на интерференция, резултат от неизбежната глобализация в съвременната езиковата ситуация. Медийният дискурс има голямо влияние за навлизането на новите елементи, което в някои книжовни езици, между които е българският, се отчита и при кодификацията им [Станков 2002]. Има ли място в езика всяка иновация? Винаги ли тя е в съзвучие с конотативните му възможности. Този реторичен въпрос отнасяме към нови употреби на един от най-фреквентните (заради семантика им) глаголи във всеки език.

Активизирането на употребата на безличния глагол случи се // случва се в речта е от началото на века. Той се предпочита пред синонимите му става, бива, извършва се, среща се – независимо от нашата воля, случайно. Интересно е да се отбележи, че изследваният глагол не се среща като ключова дума в българската фразеология [Нанов, Нанова 2000]. Ако първоначално иновацията е по-ограничена и се среща само в медийния дискурс [Колева 2003] главно при буквален превод от английския на синтагми с *to happen*, напр. Какво ще се случи утре в България? Днес мнозина се питат Какво се случва? Защо се случва? Къде се случва? Глаголът е навлязъл дори в научния стил: Най-често вмъкването на звукове се случва при чужди думи.

Приемаме за безлични глаголи само двата лексикални разреда – ‘природни явления’ и ‘душевные състояния’. При тях не може да се посочи някаква същина като глаголно лице. Те са обособявани като «безлично спрежение». [Теодоров-Балан 1958; Андрейчин 1978] В останалите случаи, към които спада и изследваният глагол, става дума за функционална безличност, изразявана чрез средствата на синтаксиса (изключване на субекта, прибавяне на възвратна клитика и др.) и на морфологията (нулева флексия за лице и число). Само у Л. Андрейчин е посочен единствен пример за безлична употреба на този възвратен глагол: случи се, че... [Андрейчин 1978: 134].

За засилената употреба на случи се // случва се изобилие от примери има в медиите, в хода на парламентарните дебати, в реклами, в социалните мрежи и в разговорната реч. Лично събираният от нас повече от десет години корпус е много голям. Примерите в текста са представителна извадка според

нормите в социолингвистиката. Посочването на конкретния източник не е релевантно за целите на изследването, затова този тип информация тук липсва. Чести са примерите от типа на: Конферентният превод от Брюксел се случва в тази кабина. Виждате какво се случва с българите в Украйна. Те спомогнаха четенето на лекции в университетската библиотека да се случи. В бутилките се случва бавна ферментация. Към тях може да се добавят и съчетанията на глагола с кратките дателни форми на третоличните местоимения със значение ‘сполетява ме’ в изречения от типа Не искам да ми се случи (вм. да ме сполети) неприятна изненада. Извън контекста тези употреби на безличния глагол са приемливи, защото могат асоциативно да се свържат с обичайни за разговорния език изрази от типа на: Всичко се случва. Случва се и в най-добрите семейства. Голямо нещастие ни се случи.

Не е необходим обаче контекст, за да установим, че в някои изречения употребата на глагола е несъвместима със случайното, със случката ‘дребно събитие, станало – обикновено без да му се надяваме’ [Андрейчин 1973], тъй като дискурсът е обществено-политически: По много теми дебатът се случва в медиите. Изявлението на Тимошенко се случи, след като украинският парламент гласува днес за отстраняване на президента. Медиите тук ще се случат по интернет. От прокуратурата решават какво ще се случи. Какво не се случи на Консултативния съвет за национална сигурност. Какво ще се случи в неделя с БСП? Ако в тези примери откриваме конкуренция в семантичното поле или сигнали за модата в езика, смущение и недоумение предизвикват изречения от типа: Назначенията, които се случват в цялата държава. Този дебат ще се случи на 5 октомври. След това преписката се случи в МВР. Реклама за сирене, която се случва. В тях употребата на безличния глагол е в противоречие с логиката. Неуместна е синонимната редакция с високочестотния глагол става / стана или с бива, среща се / срещна се заради еднозначността им по отношение на ограничаващата семантика ‘независимо от нашата воля’, нарушена в примерите. Пресупозицията ‘известно, планирано, зависимо’ в тях е ясна чрез ключови за обществено-политическия дискурс думи, като: назначение, дебати, преписка, реклама и влиза в логическо противоречие със ‘случайното, независимото от волята ни’, което означава неправилно употребеният в тези изречения глагол. Те звучат изкуствено, а някои предизвикват нежелан комичен ефект.

Конструирането на такива синтагми може да се обясни с лексикалната интерференция при калкирането от английския: След доклада «Хътън» доверието в кабинета на Блеър се обърна и това се случи вчера (Би Би Си); Този ден ще се случи ‘ще дойде’ (реплика от американския сериал «The Bold and the Beautiful»); Много малка част от медалите се случват извън тази сцена (превод в ефир от олимпиадата в Сочи). Популярни личности мултиплицират употреби, като: Ще се случи социално напрежение. По начина, по който се

случват гласуванията в Народното събрание. Мисловни коридори, които пресичат това, което се е случвало в българската литература.

Все по-често срещаща се е необичайната употреба на глагола случи се // случва се и на дериватите му в изречения от типа: Вече всичко се случва онлайн. Любен Дилов ни помогна да случим този форум в 65-а аудитория на Софийския университет. Т.г. случването на наградите «Икар» се случва за 40-и път. Ще разберем защо и как сме се случили на този свят – как е станало сътворението на света. След това да се случат хората, които ще осъществят концепцията за архитектурата на града (София). Паметникът на Тодор Колев се случва в Шумен. Благодарна съм на шанса, че ми се случи Бургаският театър. Този форум може да се случва през бизнес, през интелигенция, през различни клубове, които помагат да се случват подобни каузи. Много ми се иска да ми се случат герои като на Джеръми Айрънс. Разрешавам на щастливите събития да се наредят на опашка, за да им се случат аз. Неслученият канон (заглавие на книга, автор М. Кирова). Случката «Култура» в Пловдив като кандидат за европейска столица на културата 2019. Известни журналисти и интелектуалци, висши държавни служители и политици тиражират ежедневно тези иновации в медиите. Посочените употреби не са нормативни. Те не са включени в речниците, не са коментирани и заслужават специално внимание поради голямата им фреквентност.

Как да обясним тази неправилна употреба. Ключът към отговора на въпроса е в смесването на два различни по функции възвратни глагола: личния глагол случва се (св.) // случвам се (несв.) и безличния случи /ми/ се (св.) // случва /ми/ се (несв.), образувани от обикновения глагол случва (св.) // случвам (несв.). Интересно е, че в повечето речници трите двойки глаголи са представени по различен начин.

Изследваният функционално безличен глагол има две разновидности и употреби:

1. Третоличен глагол + възвратно-лично местоимение се: случи се // случва се ‘става, бива, среща се – независимо от нашата воля’ [Младенов 1959: 236]. В най-новите тълковни речници е добавен глаголят извършва се [Буров 1994: 835]. В синонимните речници обаче той не фигурира. В тях глаголят бива е отбелязан като разговорен със синоним модалният глагол може, също разговорен [Нанов, Нанова 2000: 38].

2. Третоличен глагол само в ед. ч. + кратка дателна форма на третоличното местоимение (ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им) + възвратно-лично местоимение се: случи ми се // случва ми се ‘сполетява ме, става с мене, на мене’ [Буров 1994: 813].

Синонимните речници добавят глаголите: връхлита ме, постига ме и съчетанието идва ми до главата разг. [Нанов, Нанова 2000: 932] с вариант дохожда ми до (на) главата разг. [пак там: 562].

Единствено в тълковния Речник на съвременния български книжовен език има бележки, свързани с парадигмата и със стилистичната употреба на тази разновидност на глагола:

той има само сингуларна форма
лексемата е разговорна.

Ясна е зависимостта между семантиката (+ възможностите за синонимна замяна) и формата на думите. В семантичното поле на случайното 'появило се, възникнало без предварително обмисляне и организиране; непредвидено, неочаквано', към което принадлежат и производните от коментирания глаголи имена случай, случаен, случайност, sluка, наслука, най-маркирани са (функционално) безличните глаголи и най-ограничен е списъкът с техните значения и синонимите им. Макар разнообразният в езиково отношение материал да може да се класифицира по няколко начина, семантичният подход разкрива механизма на появата на некодифицираните употреби на функционално безличните глаголи в резултат на интерференцията между значенията на възвратно-личния и безличния глагол, чиято сфера на употреба се е разширила поради разговорния им характер, което се потвърждава в плана на изразяването чрез пълната парадигма от темпорални и модални форми и синтаксеми. Тази «разговорност» се поддържа от днешния медиен популистски език, който от една страна е в тон с модерния политически дискурс, а от друга е подчинен на комерсиалния интерес.

В събрания от нас корпус «случайни» се оказват различни неща, които са невъзможни без активно и планирано действие. Те се подреждат в няколко групи според честотата им на употреба.

Първата включва най-често срещаните примери, при които е възможна синонимна редакция на безличния глагол със стана // става и върши се, извърши се // извършва се, но ключовите думи и съчетания, голямата част от които спадат към официалната политическа лексика, не допускат случайното: Разширяването на Европа ще се случи. Скандалът, който се случи в СДС. Тази употреба се среща и в по-широк тематичен кръг: Ще видите една топка и какво се случва с нея. На колко хиляди години се случва появата на Марс? Изследваният глагол се употребява с това значение и в заглавия: Какво се случва в лявото пространство?

Втората много интересна употребата на случи (ми) се // случва (ми) се е вместо глагола има и по-рядко няма. Значението 'наличие / отсъствие' е ново и не е регистрирано: Добрата новина току-що се случи. В живота, който ми се е случвал, съм била убедена в едно. В някои случаи иновацията се дублира с обичайния за този контекст глагол: В България не се е случвало да има такава институция.

Третата по-голяма група употреби са със значение (не) се осъществява: Ще се случат ли тези решения след пленума на БСП? Обещанията не се случиха.

Четвъртата употреба на коментирания глагол, близка на предходната, е със значение състои се // състоява се: Протестът срещу войната в Сирия не се случи. Премиерата на «Идеалният мъж» се случи вчера в Народния театър.

Единичните употреби на функционално безличния глагол, които са характерни за възвратно-личния, имат следната семантика:

1) провеждам се: Дано конференцията не се случи както миналата година в Созопол.

2) произлизам: Кметът и полицаят всичко знаят и въпреки това нищо не се случва.

3) настъпвам: Наблюдаваме, докато неблагоприятните последици от присъединяването към Европейския съюз не се случат.

4) идвам / дойда: Този ден ще се случи.

5) появявам се: Не че не могат да се случат и нови употреби на тези глаголи.

6) падне (ми) се: Кой отбор не искаш да ти се случи в първенството?

7) получи се: Доста трудно се случват нещата у нас.

8) (не) успявам: Мандатът на «Коалиция за България» не се случи. Тази употреба се среща само в контекст, свързан със семантиката 'лице', индиректно присъстваща при сложното название.

Примерите от този тип иновация, които се увеличават, са свидетелство за деструктивни резултати, за непознаване на базисна категория, на която се опират класификациите на основните класове думи. Все по-често, за да се разбере смисълът на съобщението, е необходимо да се потърси контекстов синоним не само на глагола, но и на именната част, която има конкретно значение и не позволява конотация със случайното, напр.: Бизнесът очаква гаранционният фонд да се случи. Досега взрив в метрото на Москва не се беше случвал. Театърът, който иска да се случва тук и сега.

Нонсенс. Когато глаголът е граматически маркиран, той ограничава избора на съществителни, с които може да се свързва, за да не се получава нонсенс от типа: Обичам темите, които се случват на хората. Българите случват живота. Случи се Истанбул. Трети март не се е случил на 3.ІІІ., ами на 19.ІІ.

Нонсенс е налице при смесването на част от парадигмата на обикновения глагол (неличните форми) с парадигмата на възвратно-безличния. Така глаголният апелатив случване, образуван от несв. гл. случвам, се оказва до атрибутив, изразен със съществително, без да има семантична връзка със случайното. В част от примерите е възможна синонимна редакция с безлични глаголи: Ако се съди по случването на посетители през летния сезон... ('Имаше посетители през летния сезон'). Случването на самото битие на човека е почти изцяло техническо ('В живота се наблюдава превес на техниката'). Но в някои медийни изяви замяната със синонимни глаголи е невъзможна и те не постигат целта си на изказване: Въздухът да се насити с това случване. Първото и второто случване на текста на пиесата ми беше в Студент-

ския театър. Това е същински предмет на случване. Тези драстични примери са доказателство, че в езика не може всичко да се случва.

През периода на прехода от тоталитаризъм към демокрация във вербалната комуникация в публичната сфера процесите, които очертават тенденции могат да се разглеждат както в контекста на глобализацията, така и на фона на конвергентно-дивергентните явления в езика. Стимулиращ фактор е и езиковата мода. Естествено динамиката в социалния живот и съпътстващият своеобразен хаос влияят върху езика. Полето на граматичната рефлексивност е свързано с рефлексивността в социалната онтология, което е тема на друго изследване.

В посттоталитарния език има засилена некнижовна употреба на езикови факти от всички равнища, което е своеобразно огледало на хаоса в социалната среда и е резултат от занемаряването на езиковата култура. Субстандартът нерядко изгласква нормата. Превръщането на екзотиката в езика в средство за комуникация, без да я нарушава, е тенденция.

Новите употреби на разгледаните възвратни глаголи и производните им, чиято семантиката не е прозрачна, а в някои случаи е ексцесивна, не могат да бъдат приети. Причините за появата им трябва да се търсят в дефицитите в обществото, а не в модата в езика и в четвъртата власт.

Литература

Андрейчин Л. Основна българска граматика. София, 1978.

Андрейчин Л. и кол. Български тълковен речник. София, 1973.

Буров Ст. и кол. (съст.) Съвременен тълковен речник на българския език с приложения. Велико Търново, 1994.

Гутшимит К. Понятието тенденция в Пражката лингвистична школа и неговото значение за синхронното изучаване на славянските езици // *Slavica Pragensia ad tempora nostra*. Praha, 1998. С. 98.

Колева Кр. Какво «се случва» в медийния дискурс // *Властта на медиите*. Шумен, 2003. С. 287–302.

Колева Кр. Езикова мода или тенденция (нови употреби на възвратни глаголи в българската реч. // *Езиковедски изследвания в чест на чл.-кор. проф. д-р Тодор Бояджиев, проф. д-р Венче Попова и проф. Петър Пашов*. София, 2009. С. 146–157.

Младенов Ст. (ред.). Речник на съвременния български книжовен език. Т. III. София: БАН, 1959.

Нанов Л., Нанова А. Български синонимен речник. София, 2000.

Станков В. (отг. ред.). Нов правописен речник на български книжовен език. София, 2002.

Теодоров-Балан Ал. Нова българска граматика за всякого, дял I. Св. III. София, 1958.

Сведения за авторките:
Красимира Дочева Колева,

Факултет по хуманитарни науки
Катедра по български език
Шуменски университет «Епископ Константин Преславски»

Krasimira Koleva,
assist. Professor
Faculty of Humanities
Department of Bulgarian language
Konstantin Preslavsky University of Shumen

Десислава-Девора Гошева Атанасова,
Факултет по хуманитарни науки
Руска филология, Българска филология
Шуменски университет «Епископ Константин Преславски»

Desislava-Devora Atanasova,
Russian studies, Bulgarian studies, BA
Konstantin Preslavsky University of Shumen

Л. Писарек

Из истории лингвистической полонистики во Вроцлавском университете

Аннотация: Автор представил очерк истории и современного состояния языковедческой славистики во Вроцлавском университете, охарактеризовал основные направления лингвистических разысканий.

Ключевые слова: история языка, диалектология, ономастика, нормативная проблематика, проблемы так называемого открытого языкознания

Abstract: The author presented the survey of the history and current state of Slavic studies (linguistic) at the University of Wrocław, outlined the main directions of research in linguistics.

Key words: history of language, dialectology, onomastics, regulatory issues, the problem of so-called open-linguistics

1. Начало современной языковедческой славистики во Вроцлавском университете связано с созданием и деятельностью Института польской и славянской филологии в послевоенном Вроцлаве. Уже в ноябре 1945 г. приезжает во Вроцлав известный славист-языковед Станислав Роспонд, специалист в области славянской ономастики и истории языка, защитивший докторскую диссертацию в 1937 г. во Львовском университете Яна Казимира (Siciński 1997: 194–201). Профессор становится руководителем кафедры польского языка, а его первая лекция для студентов (ноябрь 1945) была посвящена роли польского языка в Силезии. Эту лекцию можно считать началом развития полонистики в польском университете во Вроцлаве. Затем в том же 1945/1946 учебном году на кафедре польского языка начинает работать диалектолог, этнограф и специалист по Силезии Станислав Бонк, также выпускник и аспирант Львовского университета. Научные интересы этих двух замечательных ученых, их педагогическая и исследовательская деятельность предопределили и значительно повлияли на дальнейшее развитие языковедческой полонистики во Вроцлавском университете.

2. Особое положение Силезии, до недавнего времени немецкоязычной¹, способствовало формированию основных направлений лингвистических исследований начального периода во Вроцлавском университете. Это 1. проблематика истории польского языка в Силезии (и не только); 2. диалектологические изыскания, т. е. изучение остатков польских говоров в этом регионе; 3. непосредственно связанная с ними ономастика, причем не только изучение региональных географических названий и собственных имен, но и их определенная полонизация, нормализация и кодификация.

Исторические изыскания уже в скором времени увенчались важными монографиями С. Роспонда: «Zabytki języka polskiego na Śląsku» (1948), «Dzieje polszczyzny śląskiej» (1959), – а также рядом его статей и вузовским учебником «Gramatyka historyczna języka polskiego» (1971). Историческая проблематика представлена также в работах других вроцлавских ученых. Так, в 1957 г. на кафедре был принят полонист и славист докт. Антоний Фурдаль, выпускник Ягеллонского университета (Краков). Его научные интересы были связаны с диалектологией и историей польского языка, равно как и славянских языков вообще. Этим проблемам были посвящены его монографии: «Mazowieckie dyspalatalizacje spółgłosek wargowych miękkich» (1955), «Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego» (1961), «O przyczynach zmian głosowych w języku polskim» (1964), «Wybór tekstów do historii języka polskiego» (1980) – последняя в соавторстве с его учеником Станиславом Боравским. Историческая проблематика явилась предметом исследования их учеников, например Стефана Речека («Podręczny słownik dawnej polszczyzny», cz. I–II, 1968), а также вроцлавских языковедов более молодого поколения, о чем ниже.

К заметным, значительным достижениям вроцлавских полонистов в области диалектологии относятся монографии С. Бонка, в которых ученый представил фиксацию остатков нижнесилезских народных говоров и общий взгляд на польскую речь в Силезии: «Gwary ludowe na Dolnym Śląsku» (1956), «Mowa polska na Śląsku» (1974). Ученики С. Бонка и С. Роспонда в своих работах продолжали изучение историко-диалектологических проблем на ономастическом материале.

3. Именно ономастика явилась той областью лингвистических изысканий вроцлавских полонистов, в которой были достигнуты бесспорные успехи. Значительность достижений позволяет говорить о так называемой вроцлавской школе ономастики (Łobodzińska 2007: 282–284). Благодаря исследованиям С. Роспонда появилась возможность восстановить, реконструировать исторические польские названия в Силезии. Результатом этой работы явился его двухтомный словарь «Słownik nazw geograficznych Polski zachodniej i północnej» (1951). В сфере интересов С. Роспонда были также проблемы славянской ономастики, представленные на широком славянском материале, например «Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geogra-

¹ До 1945 г. Нижняя Силезия (Вроцлав) находилась в составе Германии.

ficznych» (1957), «Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -ъsk» (1969), «Stratygrafia słowiańskich nazw miejscowych», cz. I–III (1974–1978), «Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -jъ» (1983) и др. Здесь необходимо подчеркнуть теоретическую значимость новой структурно-грамматической классификации славянских географических названий, разработанной профессором Роспондом. Его сотрудники и ученики (Богдан Сициньски, Франтишек Нецкуля, Богуслава Жабска, Малгожата Сулишова, Романа Лободзиньска, Люцина Томчак и др.), используя предложенную им структурно-грамматическую классификацию названий, занимались и занимаются исторической и современной топонимией и антропонимией, издают словари, стараются продолжить дело своего учителя. Назову здесь лишь монографические издания: Franciszek Nieckula – «Nazwy miejscowe z sufiksem -ov, -in na obszarze Wielkopolski i Małopolski» (1971); Małgorzata Suliszowa – «Staropolska fonetyka w świetle materiału onomastycznego do XIV wieku» (1976); Bogusława Żabska – «Nazwiska polskie typu dopełniaczowego», 1977; Romana Łobodzińska i Lucyna Tomczak – «Współczesne przezwiska polskie. Analiza formalna i znaczeniowa» (1988); Irena Seiffert-Nauka – «Dawny dialekt miejski Lwowa» (1993); Lucyna Tomczak – «Słownik odapelatywnych nazwisk Polaków» (2003). Продолжается работа (Р. Лободзиньска) над словарем силезских фамилий («Słownik nazwisk śląskich», t. I, A–F, 1967; t. II, G–K, 1973), которую начал еще проф. Роспонд. Подготовлены два следующих тома. Р. Лободзиньска продолжает редакторскую деятельность С. Роспонда, а затем Б. Сициньского в «Onomasica Slavogermanica» – научной серии, издаваемой с 1955 г. совместно с Лейпцигским университетом.

4. Этот первый период в развитии языковедческой полонистики Вроцлава, характеризующийся преобладанием ономастических исследований на историко-диалектном материале, ослабевает где-то около 1980–1990 гг. Постепенно начинается переход к более современной проблематике. Ученики Роспонда и Бонка (например, С. Речек, Ян Мёдэк и др.) обращаются к вопросам культуры языка, к нормативной проблематике и деятельности, необходимой в условиях Нижней Силезии и других западных территорий, после войны заселенных выходцами из разных регионов довоенной Польши, с собственными языковыми привычками и речевыми особенностями. Издаются тексты популярных газетных статей и телевизионных выступлений, до сих пор пользующихся большим успехом. Теоретическое осмысление наблюдений над состоянием польского языка и тенденций его развития были представлены в монографиях, например: J. Miodek – «Kultura języka w teorii i praktyce» (1983); Marian Bugajski – «Podstawowe zagadnienia lingwistyki normatywnej» (1989; расширенная версия – «Językoznawstwo normatywne», 1993). Нормализаторская деятельность Я. Мёдэка успешно продолжается и в наши дни. Он является одним из наиболее компетентных ученых по вопро-

сам культуры речи и правильности спорных языковых решений. Регулярно выходят его книги.

5. В Институте польской филологии, кроме представленных выше областей исследования, изучались и вопросы, относящиеся к морфологии польского языка (например: М. Bugajski – «Morfem nie we współczesnym języku polskim», 1983), лексикологии и фразеологии (например: J. Miodek – «Syntetyczne konstrukcje leksykalne w języku polskim», 1976; М. Bugajski – «Polska terminologia poligraficzna», 1977), к словообразованию (например: Jerzy Obara – «Teoretyczne problemy kalkowania», 1989) и синтаксису (J. Anusiewicz – «Konstrukcje analityczne we współczesnym języku polskim», 1978; Karin Musiołek – «Równoważnik zdania we współczesnym języku polskim», 1978). Использовались статистические методы при изучении современного языка (Irena Kamińska-Szmaj – «Różnice leksykalne między stylami funkcjonalnymi polszczyzny pisanej», 1990). Издавались новые словари, например: Janusz Anusiewicz, Jacek Stawiński – «Słownik polszczyzny potocznej» (1996); Anna Dąbrowska – «Słownik eufemizmów czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie» (1998); I. Kamińska-Szmaj (red.) – «Słownik wyrazów obcych» (2001).

6. Конец XX и начало XXI в. характеризуются обращением вроцлавских полонистов к новой, более широкой проблематике так называемого открытого языкознания (Włodzimierz Wysoczański – «Językoznawstwo otwarte na przełomie XX i XXI wieku», 2013), т. е. включением в сферу лингвистических исследований других гуманитарных сфер, близких к человеку как объекту изучения. Таким образом, появляются исследования в области широко понятой лингвокультурологии и лингвистической прагматики.

1) Совместно с лингвистами Люблинского университета (Jerzy Bartmiński) начиная с 1980-х гг. регулярно проводятся совместные симпозиумы, посвященные исследованиям связи языка и культуры, а также языковой картине мира. Материалы издаются в известной серии «Język a Kultura» (т. 1–23; Wrocław, 1988–2011), а симпозиумы носят международный характер. В 1994 г. вроцлавский инициатор этого проекта Януш Анусевич опубликовал монографию «Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki», в которой изложил теоретические и методологические основы этой области разысканий, которую назвал лингвокультурологией (lingwistyka kulturowa). Работы над этим исследовательским проектом, отраженные в названиях отдельных томов (например: основные понятия и проблемы, лексикальные и аксиологические проблемы, ценности в языке и культуре, язык политики и современная политическая культура, стереотип как предмет лингвистики, языковая картина мира и культура и т. д.), можно отнести к несомненным достижениям вроцлавских полонистов¹.

2) К лингвокультурологическим исследованиям близка тематика коммуниктивно-прагматического направления (язык пропаганды, разновидности публичных текстов, польские эвфемизмы, наблюдения над языком политики, нацио-

¹ После смерти Януша Анусевича проектом руководит проф. Анна Домбровска.

нальными стереотипами и т. п.). Отмечу лишь монографические издания (в этой области): А. Dąbrowska – «Eufemizmy współczesnego języka polskiego» (1994); I. Kamińska-Szmaj – «Judzi, zohydza, ze czci odziera. Język propagandy politycznej w prasie 1919–1923» (1994); Helena Sojka-Masztalerz – «Rusini czy Ukraińcy? Językowy obraz nacji ukraińskiej w prasie polskiej (1918– 39)» (2004); Agnieszka Dytman-Stasieńko – «Święto zawłaszczonych znaczeń. 1 Maja w PRL. Ideologia, rytuał, język» (2006); Małgorzata Dawidziak-Kładoczna – «Cherlacy z sercem oziębłym. Język pism i mów Józefa Piłsudskiego» (2005). К тому же, к этой области относится разработка вопросов, связанных с особенностями языкового публичного общения (коммуникации). Под редакцией И. Каминской-Шмай издаются сборники «Oblicza komunikacji», посвященные перспективам исследования текста, дискурса и коммуникации (Kraków, 2006); идеологии в словах и картинах (Wrocław, 2008); идеологии повседневности (Wrocław, 2009).

Можно еще указать на монографию Агнешки Либуры «Teoria przestrzeni mentalnych i integracji pojęciowej» (Wrocław, 2010), выполненной в духе когнитивизма.

7. Особое место в Институте польской филологии, начиная с 1977 г., занимает преподавание польского языка (и культуры) для иностранцев. Начинает развиваться прикладное языкознание, что было официально подтверждено переименованием сектора польского языка и литературы для иностранцев в сектор прикладного языкознания (Zakład Językoznawstwa Stosowanego, 1998). С 1980 г. занятия проводятся в двух направлениях: во-первых, обучение польскому языку иностранных студентов, получающих образование на разных факультетах Вроцлавского университета; и, во-вторых, в рамках летней школы, т. е. на краткосрочных курсах польского языка (2–4 недели) для иностранцев, желающих учиться польскому языку (в основном, заграничная полония). Важно, что развитие системы преподавания польского языка для иностранцев способствовало созданию соответствующих программ, учебников, а также осмыслению глоттодидактических проблем, что нашло место в ряде публикаций, например в учебниках: Waldemar Żarski – «Spotkania z Polską. Wybór tekstów z ćwiczeniami» (Wrocław, 1977); А. Dąbrowska, R. Lobodzińska – «Intensywny kurs języka polskiego dla cudzoziemców» (wyd. 2: Wrocław, 1983). Или же в материалах конференций, например: А. Dąbrowska (red.) – «Wrocławska dyskusja o języku polskim. Materiały z Międzynarodowej Konferencji Stowarzyszenia Bristol» (Wrocław, 2004); или в тематических сборниках, посвященных некоторым проблемам прикладной лингвистики, например: Roman Lewicki, Magdalena Białek, Anna Gackowska – «Kompetencja międzykulturowa w kształceniu nauczycieli języków obcych na potrzeby edukacji wczesnoszkolnej» (Wrocław, 2006).

Литература

Dobiesz U., Pasięka M. Nauczanie języka polskiego jako obcego na Uniwersytecie Wrocławskim po II Wojnie Światowej // *Przegląd Polonijny*. Rok XXVI. Kraków: Zakład Wydawniczy «Nomos», 2000. S. 103–108.

Lobodzińska R. Szkoła onomastyki // *Wrocławskie środowisko akademickie. Twórcy i ich uczniowie*. Wrocław: Ossolineum, 2007. S. 282–284.

Siciński B. Główne obszary badań językoznawczych // *Acta Universitatis Wratislaviensis* Nr 1946. *Prace literackie XXXV*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1997. S. 193–201.

Wysoczański W. Językoznawstwo otwarte na przełomie XX i XXI wieku. Wybrane dziedziny // *Wrocławskie Towarzystwo naukowe. Rozprawy Komisji Językowej XL*. Wrocław: Nakładem Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 2013. S. 3–38.

Сведения об авторе:

Лариса Писарек,
профессор
PhD
ординарный профессор
Института славянской филологии
Вроцлавского университета (Польша)
Larysa Pisarek,
Professor, PhD
Tenured Professor
Institute of Slavic Studies
University of Wrocław (Poland)
71-351-29-75; larysapisarek@gmail.com

*M.Ch. Ferro,
F. Romoli*

**Un *lexicon* slavo ecclesiastico-russo-italiano
dei termini religiosi e filosofico-teologici.
Presentazione del progetto e primi risultati,
con commento degli attributi del diavolo¹**

Аннотация: В статье представлен проект трехязычного лексикона (церковнославянский – русский – итальянский) религиозных и философско-богословских слов, в котором предполагается учесть лексикологический контекст.

Религиозная и философско-богословская лексика, используемая в современном русском языке, является производной от церковнославянского языка, содержащего много заимствований и калек с греческого и латыни. Эти слова могут быть правильно поняты и переведены, только если будут установлены их происхождение, семантика и особенности функционирования в тексте. Общие словари, как правило, не содержат сведений, позволяющих реконструировать контекст.

Прежде чем приступить к составлению трехязычного лексикона, авторы в предыдущих статьях проанализировали отдельные группы лексем; в частности, агиографическую лексику и прилагательные, характеризующие Отца, Сына, Святого Духа и Божию Матерь. В настоящей статье рассматриваются существительные и прилагательные, относящиеся к дьяволу.

Ключевые слова: религиозная и философско-богословская лексика, агиографическая лексика, церковнославянский – русский – итальянский

Abstract: The paper presents the project of a trilingual (Church Slavonic – Russian – Italian) lexicon of religious and philosophical-theological words, stemming from the observation of an editorial lack.

Religious and philosophical-theological terms used in modern Russian are derived from Church Slavonic, a language that contains many loans and calques from Greek and Latin. That's why these terms can be correctly understood and translated only through the reconstruction of their origins, semantics and use. General dictionaries often fail to provide satisfactory solutions, since they do not consider the question of correspondence or lack of correspondence in concepts and contexts of reference.

¹ M.C. Ferro è autrice del paragrafo 2.2, F. Romoli del paragrafo 2.1; la stesura dei paragrafi 1 e 3 è congiunta.

Aiming at compiling a trilingual lexicon, in previous articles the authors analyzed some groups of lexemes. In particular they analyzed some words belonging to agiographical vocabulary and some attributes referred to the three persons of Christian God and to the Mother of God. In the present article they examine nouns and attributes referred to the devil.

Key words: religious and philosophical-theological terms, agiographical vocabulary, Church Slavonic – Russian – Italian

1. Presentazione del progetto

1.1. Introduzione

Il lessico religioso e filosofico-teologico rappresenta un settore significativo del cosiddetto «lessico intellettuale»¹, che nella lingua letteraria russa prende il nome di «linguaggio della cultura» e definisce uno specifico stile funzionale². La lessicografia e la traduttologia moderne considerano con interesse tale settore lessicale, consapevoli sia del complesso percorso di sviluppo che ha portato alla sua formazione³, sia delle competenze in campo etimologico, filologico, teologico, storico e culturale che si rendono necessarie ai fini della sua corretta interpretazione⁴.

Il lessico religioso e filosofico-teologico russo, infatti, attinge il proprio nucleo originario dal paleoslavo (o slavo ecclesiastico antico), la prima lingua letteraria slava codificata nel IX sec. per la traduzione dal greco dei libri liturgici. Nell'area della Slavia orthodoxa, lo slavo ecclesiastico ha rivestito fino al XVII sec. un'importante funzione di coesione e mediazione a livello religioso e culturale. In ambito slavo orientale, tale lingua si è sviluppata da una parte nel segno di rinnovati legami con il mondo slavo meridionale e la tradizione greca, e dall'altra parte accogliendo, per il tramite delle terre rutene, le suggestioni culturali della scolastica occidentale e l'influenza linguistica del latino⁵. Il riferimento allo slavo ecclesiastico, e, in subordine, sia alla lingua greca, sulla quale lo slavo ecclesiastico si è modellato, sia alla lingua latina, dalla quale lo slavo ecclesiastico ha attinto vari elementi a partire dall'epoca barocca, appare dunque fondamentale per

¹ Si veda il progetto dell'Istituto del Lessico intellettuale europeo e Storia delle idee (ILIESI) del Consiglio Nazionale delle Ricerche, coordinato da T. Gregory e intitolato «Lessico intellettuale europeo» (www.iliesi.cnr.it).

² La riflessione sugli stili funzionali della lingua nasce sulla scia delle analisi strutturaliste, in seno alla corrente della linguistica 'sistemico-funzionale' [Halliday 1973, 1985], e analizza, insieme alle varietà diatopiche della lingua, quelle diafasiche e diamesiche. In Russia, la monografia [Vinokur, Šmelev 1968] può essere considerata la prima messa a punto sistematica dell'argomento (di poco precedenti i volumi [Zemskaja, Šmelev 1965, 1966a, 1966b] sui mutamenti della lingua russa nella prima metà del XX sec.). Nel panorama delle opere successive, ai fini della nostra indagine acquistano particolare rilievo i saggi di L. Krysin [1989a, 1989b, 1992], in particolare [Krysin 2001], dove trovano spazio alcune riflessioni sull'uso del lessico intellettuale russo in epoca moderna.

³ Sulla storia della lingua letteraria russa si possono consultare [Živov 1996; Uspenskij 2002].

⁴ [Garzaniti 2011].

⁵ [Živov 1996; Uspenskij 2002].

comprendere adeguatamente il lessico religioso e filosofico-teologico russo. Il *Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum* (LP), compilato da F. Miklosich nella seconda metà del XIX sec., ne rappresenta un chiaro esempio.

La comparsa, soprattutto negli ultimi quindici anni, di numerosi dizionari dei termini ecclesiastici redatti in lingua russa, fra i quali si ricordano, a titolo esemplificativo, lo *Slovar' pravoslavnoj cerkovnoj leksiki* di G.N. Skljarevskaja (2000) e lo *Slovar' trudnych slov iz bogosluženija* di O.A. Sedakova (2008), dimostra inoltre che la comprensione del lessico religioso e filosofico-teologico non è immediata neppure per il parlante russofono, recando ulteriore conferma del fatto che tale lessico costituisce un settore autonomo della lingua¹, che necessita di essere analizzato e studiato facendo ricorso a strumenti specifici.

È opportuno ricordare che la lingua ufficiale per la celebrazione della liturgia in Russia rimane ancora oggi lo slavo ecclesiastico, sebbene un numero sempre minore di fedeli sia in grado di comprenderlo. Il dibattito sull'introduzione della lingua russa nel culto e nella catechesi è iniziato nel XIX sec. e ha condotto nel 1876 alla pubblicazione della traduzione della Sacra Scrittura in lingua russa (Bibbia Sinodale), da impiegarsi a fini pastorali. Nella liturgia, invece, la lingua russa non è ammessa².

Nell'ambito della traduzione, soprattutto della traduzione verso le lingue europee occidentali³, la resa dei termini del lessico religioso e teologico-filosofico russo ripropone la nota questione della corrispondenza o della mancanza di corrispondenza dei significati nella lingua (e nella cultura) di partenza e in quella di arrivo. Non di rado, infatti, i singoli lemmi sono portatori di differenze non soltanto storico-culturali, ma anche dottrinali, legate alla diversa confessione cristiana. Si comprende allora come il ricorso ai soli vocabolari di lingua non sia sufficiente ai fini della traduzione (§ 1.2).

Sulla base di queste considerazioni, constatata l'assenza di un dizionario specifico in lingua italiana⁴, è nata l'idea di redigere un *lexicon* slavo ecclesiastico-russo-italiano dei termini religiosi e filosofico-teologici. A differenza degli stru-

¹ I linguisti russi hanno posto l'accento sul carattere peculiare del lessico religioso e filosofico-teologico russo e sulla conseguente necessità di trattarlo alla stregua di una varietà funzionale autonoma della lingua letteraria russa dopo la fine del periodo sovietico, a partire dagli anni Novanta del XX sec. [Kazatkin, Krysin, Živov 1995: 175]. In anni più recenti, si sono occupati dell'argomento O.N. Emel'janova (2000), K.A. Timofeev (2001) e A.Ju. Musorin (2011).

² Per una più approfondita disamina dell'argomento si rimanda a Garzaniti 2002.

³ Dalla seconda metà del XX sec., per le lingue latina, francese, tedesca, inglese, e polacca sono stati approntati dizionari bilingui specialistici, da e/o verso la lingua russa. Si considerino, a titolo di esempio, ChS, DAR, DER, KBS, KSChL, SRL, SRVL. Pur nella varietà di approccio metodologico, la presenza di tali lemmari conferma quanto si qui osservato a proposito delle specificità del lessico religioso e filosofico-teologico russo e della necessità di dotarsi di mezzi appropriati per la sua traduzione.

⁴ L'interesse per la traduzione dal russo all'italiano del lessico intellettuale e culturale è dimostrata anche dall'esistenza di altri due progetti scientifici già avviati: il già citato «Lessico intellettuale europeo» (cf. nota 1) e il «Lessico multilingue dei beni culturali» (LCB) promosso dall'Università degli Studi di Firenze in collaborazione con istituzioni locali ed estere [Garzaniti, Farina 2013].

menti già realizzati per altre lingue antiche e moderne, il progetto si propone la redazione di un dizionario trilingue, che consideri e dia conto dell'evoluzione dei singoli lemmi dalle origini ai giorni nostri, in ragione del particolare processo di formazione e sviluppo del lessico religioso e filosofico-teologico russo cui si accennava sopra. La diffusione di questo lessico ben oltre i confini della letteratura specializzata, anche in testi di ampia divulgazione (cataloghi di mostre, guide turistiche, ecc.), lascia immaginare che l'ambito di utilizzo di uno strumento siffatto non resti relegato a pochi settori scientifici particolari, ma possa spaziare ben oltre i loro confini, per essere di utilità a tutti coloro che a diverso titolo si occupano di traduzione di opere che attingono a questo linguaggio.

1.2. Selezione e raccolta dei lemmi e selezione dei materiali di controllo⁵

La prima fase del lavoro prevede da un lato la raccolta dei lemmi, da effettuarsi sulla base di un corpus definito di fonti, secondo sezioni tematiche predeterminate (§ 1.4), e dall'altro lato la selezione dei materiali di controllo. Nella fase preparatoria che stiamo conducendo, i termini del lessico religioso e filosofico-teologico sono stati attinti sia da una selezione di opere del medioevo slavo orientale, rappresentative di diverse forme letterarie (agiografia, innografia, omiletica, letteratura di direzione spirituale, epistolografia, trattatistica e annalistica) e di diverse epoche, sia da una selezione di fonti religiose contemporanee (di carattere liturgico e teologico-filosofico) di area russa (le fonti sono state di volta in volta precisate, cf. [Ferro 2012; Ferro, Romoli 2013, 2014] e § 1.5). Si prevede, tuttavia, di lavorare sistematicamente su un corpus predefinito di fonti, che includerà, fra gli altri, i materiali della Biblioteka Literaturny Drevnej Rusi (14 vv., Sank Peterburg 1997–2006), i quali, essendo accessibili anche online (<http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070>), presentano il vantaggio di essere facilmente interrogabili.

I dizionari finora adottati come materiali di controllo includono, oltre ad alcuni vocabolari etimologici (REW, VELI), a un vocabolario della lingua greca (GEL) e un vocabolario della lingua latina (LIIL), i più autorevoli vocabolari del paleoslavo (LP, SJaS, SS), dello slavo ecclesiastico (PCS, RC, StR), dello slavo ecclesiastico di redazione slava orientale (MSD, SCR, SD, SIR) e della lingua russa moderna (BSS, BTS, MAS, NS, ROS, SAR, SIS, TSR-O, TSR-U, TSŽV), i più diffusi vocabolari russo-italiano e/o italiano-russo (GDRI, RIIR), alcuni vocabolari della lingua italiana (LC, VT), i più importanti fra i lessici specialistici del linguaggio religioso a oggi esistenti (ChS, DAR, DER, KBS, KSChL, SB, SPC, SRL, SRVL), alcuni dizionari di teologia biblica e alcune enciclopedie bibliche (BEB, EAA, ET, GELS, VTB). Nell'ambito della lingua russa moderna, inoltre, si prevede la consultazione del Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (www.ruscorpora.ru).

⁵ I dizionari consultati come materiali di controllo sono indicati dalle abbreviazioni dei rispettivi titoli (cf. «Dizionari» nella bibliografia finale).

1.3. Metodologia

I termini saranno studiati quanto a etimologia, significato ed evoluzione semantica a partire dalle fonti del medioevo slavo orientale e dalle fonti religiose contemporanee di area russa (§ 1.2). Si studierà, in particolare, la forma paleo-slava, slava ecclesiastica di redazione slava orientale e russa moderna di ogni singolo lemma. In una fase successiva, il lavoro di ricerca potrà estendersi alle fonti del medioevo slavo meridionale, al fine di verificare eventuali oscillazioni semantiche e variazioni nel contesto di uso dei singoli termini. In una fase ulteriore, l'analisi potrà considerare, in prospettiva comparatistica, i traduttori dei singoli lemmi nelle lingue europee moderne, per impostare le basi di un lexicon che sia utilizzabile anche nell'ambito della traduzione verso lingue diverse dall'italiano.

Al fine di individuare traduttori italiani che preservino il significato originario e le accezioni specifiche di ogni singolo lemma nel contesto linguistico e culturale di arrivo, si consulteranno sia vocabolari della lingua italiana, sia dizionari ed enciclopedie bibliche, laddove ciò si renda necessario per mettere in luce differenze dottrinali esistenti fra la tradizione ortodossa e la tradizione cattolica. Si verificherà, inoltre, la ricorrenza dei singoli termini nelle traduzioni in lingua italiana di testi liturgici della Chiesa ortodossa, e, quando opportuno, se ne terrà conto.

1.4. Organizzazione del materiale

Il lemmi saranno raccolti nel lexicon seguendo l'ordine alfabetico. Nelle fasi di realizzazione dei materiali preparatori, tuttavia, si analizzeranno gruppi di lessemi individuati sulla base di un criterio tematico. In particolare, si contempleranno le seguenti sezioni tematiche:

- 1 – concetti fondamentali della fede, della teologia e della morale;
- 2 – appellativi e attributi di Dio;
- 3 – appellativi e attributi della Madre di Dio;
- 4 – appellativi e attributi delle gerarchie celesti;
- 5 – appellativi e attributi del diavolo e dei demoni;
- 6 – appellativi e attributi dei personaggi biblici;
- 7 – appellativi e attributi della gerarchia monastica ed ecclesiastica;
- 8 – epiteti di santità;
- 9 – sacramenti;
- 10 – calendario liturgico;
- 11 – forme ed elementi della liturgia;
- 12 – oggetti e paramenti sacri;
- 13 – tipi iconografici e loro attributi;
- 14 – tecnica iconografica;
- 15 – architettura monastica ed ecclesiastica.

I materiali via via approntati saranno riproposti, seguendo l'ordine alfabetico, sulla piattaforma elettronica del Centro studi sull'Europa centrale e balcanica (<http://cesecom.fupress.com>), in uno spazio dedicato della sezione «Lexicon».

1.5. Primi risultati

Al fine di verificare la realizzabilità del progetto e per saggiarne i risultati e le potenzialità, si è deciso di procedere all'analisi di piccoli gruppi di lessemi appartenenti ad alcuni degli ambiti semantici fra quelli soprindicati (§ 1.4). In particolare, è stata analizzata e commentata in via preliminare una serie di lemmi del lessico agiografico¹ (§ 1.4, sezione tematica nr. 8), quindi una selezione di attributi riferiti al Dio cristiano nelle tre ipostasi del Padre, Figlio e Spirito Santo² (§ 1.4, sezione tematica nr. 2), e una selezione di appellativi e attributi della Madre di Dio³ (§ 1.4, sezione tematica nr. 3). I termini specificamente agiografici sono stati desunti da un corpus di opere agiografiche della tradizione slava orientale redatte fra il XII e il XVII sec.⁴; nel caso degli attributi di Dio, si è attinto a un corpus di opere appartenenti alla medesima tradizione e al medesimo arco temporale, rappresentative però, oltre che della letteratura agiografica, anche della letteratura omiletica, di direzione spirituale e dell'innografia⁵; nel caso degli appellativi e degli attributi della Madre di Dio, invece, i lemmi sono stati ricavati prevalentemente dai Velikie Minei Četii (Grandi Menee di lettura)⁶ e dalla Stepennaja kniga (Libro dei gradi)⁷. Il lavoro di commento e analisi, sempre finalizzato all'individuazione di traduttori italiani aderenti al significato originario dei singoli lemmi e adeguati a preservarne le accezioni specifiche nel contesto linguistico e culturale di arrivo, è stato condotto in particolare sui seguenti sostantivi, sintagmi nominali e aggettivi:

1 – Lemmi del lessico agiografico:

pl.sl.	sl.eccl.or.	ru.
подви́гъ	подви́гъ	подви́г
правѣднѣ	правѣднѣи	праведный
прѣподобнѣ	прѣподобнѣи	преподобный
–	юродивѣи	юродивый

2 – Attributi del Dio cristiano:

pl.sl.	sl.eccl.or.	ru.
--------	-------------	-----

¹ [Ferro 2012].

² [Ferro, Romoli 2013].

³ [Ferro, Romoli 2014].

⁴ [Ferro 2012: 135].

⁵ [Ferro, Romoli 2013: 245–246].

⁶ [VMČ 1868, 1870, 1901].

⁷ [Kniga stepennaja 1908, 1913].

всѣдръжителъ	всѣдръжителъ / въ- сѣдръжателъ	всѣдержитель
женихъ бесъмрътънь	женихъ бесъмрътнь- ныи	женихъ бессмертный
женихъ небесънь	женихъ небесъныи	женихъ небесный
ѣдиnorodънь	едиnorodъныи	едиnorodный
ѣдиночадънь	единочадыи	–
сръдцевѣдъць	сръдцевѣдъць	сердцевидецъ

3 – Appellativi e attributi della Madre di Dio:

pl.sl.	sl.eccl.or.	ru.
Богомать	Богоматерь	Богоматерь
Богородица	Богородица	Богородица
Владычица	Владычица	Владычица
Госпожда	Госпожа	Госпожа
дръжава непобѣдима	дръжава / дръжава / держава непобѣдима	держава непобедимая
застꙋпница непостыдъна	заступница непостыдъна	заступница непостыдная
мольбъница тепла	мольбъница тепла	молитвенница тёплая
надежда неостꙋпна	надежда / надѣжда неоступна	надежда неотступная
покровъ нерушимъ	покровъ нерушимыи	покров нерушимый
помощница	помощница	помощница
промыслительница непобѣдима	промыслительница непобѣдима	промыслительница непобедимая
стѣна тврѣда	стѣна тврѣда	стена твёрдая
упѣвание	упѣвание / упование	упование
утврѣждение непоколѣбимо	утврѣжение непоколѣблемо	утверждение непоколебимое
всь милостивъная	всь / весь милостивая	все милостивая
всь непорочъная	всь / весь непорочъная	все непорочная
всьчѣстьная	всьчѣстная	всечестная

милостивьная	милостивая / милостивьная	милостивая
прѣ благословенная / благословенная	прѣ благословенная / благословенная	пре благословенная
прѣнепорочьная	прѣнепорочьная / пренепорочьная	пре непорочная
прѣчистая	прѣчистая / пречистая	пречистая

2. Gli attributi del diavolo

In questa sede, a esemplificazione del progetto nella sua prima fase di realizzazione (studio dell'etimologia, del significato e dell'evoluzione semantica dei lemmi dal paleoslavo, allo slavo ecclesiastico di redazione slava orientale, alla lingua russa moderna, § 1.3), si propone l'analisi e il commento di una selezione di sostantivi e aggettivi riferiti al diavolo (§ 1.4, nr. 5). Il materiale, che è stato ricavato dalla trattatistica cinquecentesca, in particolare dalle opere di Massimo il Greco¹, è stato organizzato in due sezioni sulla base di un criterio grammaticale: si propongono prima i sostantivi (§ 2.1), quindi gli aggettivi (§ 2.2) che qualificano la figura del diavolo².

2.1. Sostantivi

2.1.1. *Pl.sl., sl.eccl.or.* богоборьць, *ru.* богоборец

Il sostantivo *pl.sl.* богоборьць è un composto che unisce i sostantivi *pl.sl.* Божь e борьць (dal verbo *pl.sl.* брати). Il termine *ru.* богоборец non compare in REW, che in corrispondenza del secondo formante, *ru.* борец, rimanda a *ru.* бороть (*pl.sl.* брати), per il quale indica, fra gli altri, l'affine etimologico lat. ferio (che vale *ru.* быть, рубить, колоть). In SJaS e SS *pl.sl.* богоборьць, riferito di preferenza agli uomini, equivale a *ru.* богоборец, in SJaS anche a gr. θεομάχος (da cui è calcato) e alla perifrasi lat. Deo repugnans. LP reca conferma di gr. θεομάχος, cui affianca lat. cum Deo pugnans. Sempre SJaS, SS e LP registrano inoltre gli affini etimologici *pl.sl.* богоборьнь e *pl.sl.* богоборьствовати. L'aggettivo *pl.sl.* богоборьнь equivale in SJaS a *ru.* богоборческий (in SS anche a *ru.* борющийся против Бога), gr. θεομάχος (al pari di *pl.sl.* богоборьць) e lat. Deo inimicus; in LP il significato di *pl.sl.* богоборьнь coincide con quello di *pl.sl.*

¹ [Maksim Grek 1894–1897, 2008], [Žurova 2011].

² Come si è detto, i dizionari consultati come materiali di controllo sono indicati dalle abbreviazioni dei rispettivi titoli (cf. nota 7). Il riferimento si intende, salvo diversa indicazione, sub voce. La grafia dei lemmi è normalizzata sulla base di SJaS per il paleoslavo e di MSD per lo slavo ecclesiastico di redazione slava orientale. Nei titoli dei paragrafi si riportano separate da una barra obliqua (/) le varianti attestate per uno stesso lemma. L'asterisco indica lemmi assenti in SJaS e/o MSD (ma presenti in altri vocabolari). In questi casi si esplicitano di volta in volta il vocabolario sulla cui base si è normalizzata la grafia del lemma.

богоборьць. Il verbo pl.sl. богоборьствовати equivale in LP a lat. cum Deo pugnare. Nel corpus di riferimento di SJaS (Supr., Christ.)¹ e SS (Supr.) pl.sl. богоборьнь non qualifica mai, esplicitamente, la figura del diavolo.

Sl.eccl.or. богоборьць continua a essere riferito di preferenza agli uomini; la sua semantica corrisponde in MSD alla definizione ru. против Бога восстающий (la stessa definizione compare in SCR preceduta dalla dicitura «ecclesiastico»), gr. θεομάχος e lat. cum Deo pugnans, in SIR a ru. тот, кто восстает против Бога, in PCS a ru. воюющий против Бога. La semantica degli affini etimologici sl.eccl.or. богоборный e sl.eccl.or. богоборствовати sembra preservarsi invariata nel confronto con pl.sl. богоборьнь e pl.sl. богоборьствовати. L'aggettivo sl.eccl.or. богоборный (che non compare in MSD) equivale in SIR, PCS e SCR alla definizione ru. восстающий против Бога; negli stessi vocabolari il verbo sl.eccl.or. богоборствовати, che, come si legge in PCS e SCR, compare in 2Mac 7, 19, ha il significato di ru. восставать против Бога.

Nella lingua russa, ru. богоборец preserva il significato di ru. тот, кто выступает против Бога (богов) (BTS, NS). La sua semantica trova conferma nel commento che MAS (dove il lemma non compare) offre in corrispondenza del più generico ru. борец, equivalente nel suo primo significato a ru. тот, кто участвует в борьбе, борется за что-либо. L'aggettivo ru. богоборческий, cui rimandano SJaS e SS in corrispondenza di pl.sl. богоборьнь, non compare in MAS, BTS, NS e TSR-O. Ru. богоборец non compare in RIIR e GDRI; per il più generico ru. борец, nel significato che corrisponde alla prima accezione del termine in MAS, RIIR propone i traduttori it. «partigiano», «fautore» (secondo significato), GDRI il traduttore it. «combattente» (primo significato). A differenza di RIIR, GDRI registra l'affine etimologico ru. богоборчество, per il quale offre la resa it. «lotta contro Dio».

Quale epiteto del diavolo, il sostantivo in questione richiama direttamente il suo ruolo sia di avversario dell'opera di Dio – si considerino, a titolo di esempio, la lotta fra il Creatore e le forze mostruose del mare in Is 27, 1, Is 51, 9–16, Sal 73, 13–14, Sal 88, 10–11, l'accusa mossa davanti a Dio a Giobbe e al sommo sacerdote Giosuè in Gb 1, 6–12, Gb 2, 1–7, Zc 3, 1–2, il censimento di Israele indetto da Davide in 1Cr 21, 1–, sia di nemico di Cristo, che tenta invano di sedurre (Mt 4, 1–11), anche attraverso Pietro (Mt 16, 22–23, cf. Lc 22, 31), contro il quale crea opposizione (Gv 8, 44) e muove Giuda Iscariota (Lc 22, 3, Gv 13, 2.27) (VTB, s.v. Anticristo, demonio, BEB, s.v. борьба, бороться).

Ai fini della resa in italiano, i traduttori offerti in RIIR e GDRI per ru. борец non sembrano adeguati a evocare tale ruolo; la traduzione che GDRI propone per ru. богоборчество appare invece più prossima al significato originario del termine, e può pertanto essere accolta. In particolare, si ritiene opportuno, recuperando la semantica di gr. θεομάχος (SJaS, LP), lat. Deo repugnans (SJaS), lat. cum Deo pugnans (LP, MSD) e lat. Deo inimicus (SJaS), optare, a seconda dei

¹ Per le abbreviazioni delle fonti citate nei singoli vocabolari si rimanda ai vocabolari stessi.

contesti stilistici, per i seguenti traducanti: it. «avversario di Dio» (il demonio è l'avversario per antonomasia, cf. VT, s.v. avversario), «nemico di Dio», «[colui] che pugna contro Dio», «[colui] che muove battaglia contro Dio», «[colui] che combatte Dio», «[colui] che avversa Dio», «[colui] che osteggia Dio», «[colui] che si oppone a Dio», «[colui] che lotta contro Dio».

2.1.2. *Pl.sl. льстьць, sl.eccl.or. льстьць / лєстьць / льстець, ru. льстец*

Il sostantivo pl.sl. льстьць corrisponde in SJaS a ru. коварный человек, обманщик, соблазнитель, gr. πλάνος, ληστής, κολακευτής e lat. impostor, deceptor, seductor, latro. Dal commento offerto in SJaS si evince che il termine può connotare tanto gli uomini [Mt 27, 63; 2Gv 7], quanto, specificamente, il diavolo [2Gv, 7]. SS conferma gli equivalenti ru. обманщик e gr. πλάνος, ληστής, κολακευτής; LP avvalorava la corrispondenza a gr. πλάνος, cui affianca lat. fraudator, adulator. Il termine ru. льстец non compare in REW, che tuttavia registra gli affini etimologici ru. лєсть, лєстить: ru. лєсть è un prestito dall'antico germanico (cf. per esempio got. lists, equivalente a ru. хитрость, козни), che corrisponde a pl.sl., sl.eccl.or. льсть e gr. πλάνη, δόλος; ru. лєстить corrisponde a sua volta a pl.sl. лєстити e gr. πλανᾶν, ἀπατᾶν.

In ambito slavo ecclesiastico la duplice valenza del termine si consolida. In particolare, MSD e SIR registrano il sostantivo sl.eccl.or. льстьць sia come genericamente riferibile agli uomini, in questo caso con il significato di ru. обманщик, обольститель, соблазнитель (gli ultimi due lemmi compaiono unicamente in SIR), sia come equivalente sinonimico di ru. дьявол e Антихрист (SIR offre l'indicazione ru. о Сатане, дьяволе, об Антихристе). Il significato di ru. обманщик, e con esso di ru. хитрый на обман, коварный e gr. δολιόφρων, compare anche in PCS (terzo significato), che per questo lemma propone inoltre i traducanti gr. περνηστής, ru. запинатель (primo significato) e gr. βᾶσκαυος, ru. ненавистник, злоумышленник (secondo significato). SCR rimanda invece al sostantivo sl.eccl.or. ласкатель, per il quale offre la definizione ru. бесстыдно выхваляющий человека, в котором имеет нужду.

Nei vocabolari della lingua russa, al sostantivo ru. льстец corrispondono le seguenti definizioni: ru. тот, кто льстит, склонен к лести (MAS); ru. тот, кто склонен к лести, тот, кто много и часто льстит (NS); ru. льстивый человек (BTS, TSR-O); nel commento non compare alcun esplicito riferimento alla figura del diavolo. Gli affini etimologici ru. лєстить e ru. лєсть, tuttavia, preservano la semantica di sl.eccl.or. ласкатель (SCR). In particolare, ru. лєстить, nella sua prima accezione, equivale a ru. лицемерно хвалить кого-либо в корыстных целях (MAS, BTS), ru. хвалить кого-либо в глаза с корыстной целью (NS), ru. хвалить из лести, из корыстного желания расположить к себе (TSR-O); ru. лєсть corrisponde a sua volta a ru. проискливая хвала, притворное одобрение, похвала с корыстной целью, лукавая угодливость, ласкательство, униженное потворство (TSŽV), ru. преувеличенное, угодливое восхваление кого-либо, чьих-либо качеств или действий (MAS, BTS), ru. угодливое восхваление ко-

го-либо, чего-либо, лицемерное восхищение кем-либо, чем-либо (NS), ru. лицемерие, угодливое восхваление (TSR-O). In RIIR il sostantivo ru. льстец è fatto corrispondere ai traducanti it. «adulatore», «lusingatore»; GDRI reca conferma di it. «adulatore», cui aggiunge it. «leccapiedi», «lecchino», «piaggiatore», «ruffiano».

Quale epiteto del diavolo, il sostantivo in questione si riferisce in primo luogo al suo ruolo di spirito del male nemico del genere umano che mette in tentazione gli uomini per indurli al peccato, costituendo una minaccia pervicace [cf. Mc 4, 15, 1Cor 7, 5, 2Cor 11, 14, 1Tim 3, 7, 1Pt 5, 8]. Per una resa italiana del termine che sia adeguata a veicolare questo significato specifico, i traducanti proposti in RIIR e alcuni fra quelli offerti in GDRI possono essere accolti come varianti sinonimiche del sostantivo it. «seduttore», che appare più aderente alla semantica di pl.sl. льстьць, sl.eccl.or. льстьць, ru. льстец [cf. 2Gv 7, lat. seductor; SJaS], e dunque più appropriato alla sua resa. In aggiunta ai traducanti it. «adulatore» (che trova conferma in lat. adulator; LP) (RIIR), «lusingatore» (RIIR, GDRI), e al letterario «piaggiatore» (GDRI), si considerano appropriate le varianti sinonimiche it. «ingannatore» (che trova conferma in gr. πλάνοϛ e lat. fraudator; SJaS, SS, LP), «impostore», «corruptore». A seconda del contesto stilistico, si potrà optare per le perifrasi it. «[colui] che seduce», «[colui] che adula», «[colui] che lusinga», «[colui] che inganna», «[colui] che froda», «[colui] che corrompe». In contesti particolari, laddove sia richiesta massima chiarezza o estrema concisione, il sostantivo potrà essere considerato equivalente a (e dunque potrà essere tradotto con) gli appellativi it. «diavolo», «Satana», «Anticristo» (MSD, SIR).

2.1.3. Pl.sl. мжчитель, sl.eccl.or. мучитель, ru. мучитель

Il sostantivo pl.sl. мжчитель è una forma deverbale (cf. pl.sl. мжчити) in corrispondenza della quale SJaS e SS registrano due significati. Per il primo significato entrambi i vocabolari indicano i traducanti ru. мучитель, палач e gr. βασανιστής, τύραννος, παράνομος, μαινάς (gli ultimi due lemmi compaiono unicamente in SS); SJaS rimanda inoltre alla semantica di lat. tortor, tyrannus, exactor, persecutor; nel commento, il riferimento a Mt 18, 34 chiarisce trattarsi di un sostantivo genericamente riferibile agli uomini. Per il secondo significato gli stessi vocabolari segnalano i corrispettivi ru. тиран, властелин e gr. ἡγεμών, τύραννος, ai quali SJaS aggiunge gli equivalenti lat. tyrannus, praefectus, potens; sempre in SJaS, il riferimento (fra gli altri) al versetto biblico Pr 8, 16, reca conferma del fatto che in generale il termine designa una prerogativa umana. LP ribadisce l'equivalenza con gr. βασανιστής, cui fa corrispondere lat. excrucians, con gr. τύραννος, cui fa corrispondere lat. tyrannus, e con gr. παράνομος, cui fa corrispondere lat. impius. Il lemma pl.sl. мжчитель è affine al sostantivo pl.sl. мъчтатель (assente in SS e LP), che in SJaS equivale a ru. соблазнитель e lat. animarum deceptor, definendo in maniera pressoché univoca una delle prerogative del diavolo. Il termine ru. мучитель non compare in REW, che tuttavia registra l'affine etimologico ru. мучить e lo

indica equivalente a pl.sl. умжчити (gr. δαμάσαι) e pl.sl. мжчити (gr. βασανίζειν, χολάζειν), e affine a gr. μάσσω (ru. мешу).

La semantica del sostantivo sl.eccl.or. мучитель non sembra aver subito variazioni apprezzabili. MSD e PCS continuano a registrare due significati: per il primo rimandano a gr. βασανιστής, ru. тиран, мучитель, палач (MSD), ru. истязатель (PCS), e, come SJaS e SS, al versetto evangelico Mt 18, 34; per il secondo offrono i traduttori gr. τύραννος, ru. повелитель, государь (MSD), ru. царь, жестокий властитель, тиран (PCS); nel commento, il riferimento a Dn 3, 2 (MSD) e 2Mac 4, 40; 5, 8 (PCS) ribadisce trattarsi di un termine comunemente accostabile agli uomini. SIR segnala, in aggiunta ai due suddetti significati – ru. мучитель (о том, кто притесняет; о том, кто истязает, пытается; о палаче), anche in questo caso commentato attraverso la citazione di Mt 18, 34 (primo significato), e ru. тиран, жестокий властелин (secondo significato) –, il terzo significato di ru. правитель, владыка, avvalorato dai riferimenti biblici Dn 3, 2 e Pr 8, 15–16. In SCR, a fianco del primo significato ru. тот, кто мучит или жестоко наказывает, già registrato da tutti i vocabolari finora considerati e qui avvalorato dal riferimento a Mt 18, 32 (sic!), compare il terzo significato segnalato in SIR: ru. властелин, владыка. In ambito slavo ecclesiastico il sostantivo pl.sl. мъчателъ sembra essere uscito dall'uso, non comparando né in MSD, né in SIR, né in PCS, né in SCR.

La lingua russa restringe la semantica di ru. мучитель al primo significato offerto in tutti i vocabolari paleoslavi e di slavo ecclesiastico qui consultati, registrando l'unica definizione di ru. тот, кто мучить кого-либо / кого-нибудь (MAS, BTS, NS, TSR-O), mentre non preserva la semantica del sostantivo pl.sl. мъчателъ. In RIIR il sostantivo ru. мучитель è fatto corrispondere a it. «tormentatore», «vessatore»; GDRI reca conferma di it. «vessatore».

Con specifico riferimento alla figura del diavolo, il lemma in questione rimanda, come già pl.sl. льстыць, sl.eccl.or. льстыць, ru. льстец, alla sue opere rivolte contro gli uomini e sempre finalizzate all'istigazione al peccato (§ 2.1.2), in particolare alla sua vocazione di ingannatore, tormentatore e persecutore di anime. La gamma dei termini che appaiono adeguati a descrivere questa prerogativa, univocamente definita da pl.sl. мъчателъ (SJaS), e la rosa dei traduttori italiani che si propongono per la resa di pl.sl. мжчитель, sl.eccl.or. мучитель, ru. мучитель, è ampia e spazia dai sostantivi it. «ingannatore» (cf. lat. deceptor; SJaS), «illusore», e dal più raro «illuditore» (cf. lat. decipio), ai sostantivi it. «tormentatore», «torturatore» (cf. per entrambi gr. βασανιστής, per it. «tormentatore» cf. anche lat. tortor, excrucians; SJaS, SS, LP), «persecutore» (cf. lat. persecutor; SJaS), «empio», «traditore» (cf. per entrambi lat. impius nell'uso sostantivato; LP), «oppressore», «vessatore». A seconda del contesto stilistico, si potrà optare per le perifrasi it. «[colui] che inganna», «[colui] che illude», «[colui] che tormenta», «[colui] che tortura», «[colui] che perseguita», «[colui] che tradisce», «[colui] che commette [ogni sorta di] empietà», «[colui] che opprime», «[colui] che vessa».

2.1.4. *Pl.sl. прѣльстьникъ, sl.eccl.or. прѣльстьникъ / прельстьникъ, ru. прелестник*

Il sostantivo *pl.sl. прѣльстьникъ* equivale in *SJaS* e *SS* a *ru. обманщик, соблазнитель*, in *SJaS* anche a *gr. πλανός* e *lat. fraudator*, e occorre unicamente in *Supr.* con esplicito ed esclusivo riferimento alla figura del diavolo. *LP* segnala i traduceti *lat. impostor, deceptor* e *gr. ἀπατεών*. Il termine *ru. прелестник* non compare in *REW*, che registra però gli affini etimologici *ru. прелесь, прелестный* (equivalenti a *ru. прельщающий, обманный*) e *ru. прельститъ* (*sl.eccl. прѣльстити*), precisando per tutti che si tratta di slavismi composti dai formanti *ru. пере- / пре-* e *ru. лесь*, a cui rimanda (per l'etimologia di *лесь*, cf. § 2.1.2).

In ambito slavo ecclesiastico la semantica del termine si estende a designare una prerogativa umana: *PCS* registra l'equivalenza con *ru. соблазнитель*, al quale accosta la variante sinonimica *ru. обольститель*; in maniera analoga, *SCR* offre la definizione *ru. прельщающий кого либо* e gli equivalenti sinonimici *ru. обольститель, соблазнитель*; *MSD* distingue due significati, indicando nell'ordine i traduceti *ru. обманщик* (*gr. ἀπατεών*) e *ru. соблазнитель*; *SIR* aggiunge a queste due accezioni (*ru. обманщик, мошенник* e *ru. соблазнитель, искуситель*) il significato di *ru. тот, кто сеет смуту, подстрекает к мятежу, измене, неповиновению*.

Nella lingua russa, *ru. прелестник*, comunemente riferibile agli uomini, sviluppa, di fianco al significato di *ru. обольститель* (*BTS, NS*) e *ru. соблазнитель* (*MAS, BTS, NS*), la cui semantica non esclude le diverse sfumature di significato di cui danno conto i vocabolari paleoslavi e di slavo ecclesiastico sopra considerati, l'accezione positiva di *ru. мужчина, прельщающий своей привлекательностью, обаянием* (*MAS, BTS*); il termine non compare in *TSR-O*. Ancora nel XIX sec., un riferimento esplicito all'azione dei demoni era preservato dal secondo significato dell'affine etimologico *ru. прелесь*, che in *TSZV* vale *ru. мана, морока, обман, соблазн, совращение от злого духа*. In corrispondenza del sostantivo *ru. прелестник*, *RIIR* propone i traduceti *it. «damerino», «cicisbeo»*; il termine è assente in *GDRI*.

Per *pl.sl. прѣльстьникъ, sl.eccl.or. прѣльстьникъ, ru. прелестник* quale termine che designa una caratteristica peculiare del diavolo, i traduceti offerti da *RIIR* non sembrano adeguati. Per una resa italiana che si mantenga quanto più possibile fedele al significato originario del termine, in mancanza di riferimenti biblici specifici (al di là dei generici rimandi già segnalati, § 2.1.2), converrà orientarsi sulla semantica degli equivalenti *gr. πλανός, lat. fraudator* (*SJaS*), e *gr. ἀπατεών, lat. impostor, deceptor* (*LP, MSD*), cui si possono far corrispondere i sostantivi *it. «impostore», «frodatore»,* e i più generici «ingannatore», «illusore», «illuditore» (per gli ultimi due, cf. anche *lat. decipio*). A seconda del contesto stilistico, si potrà optare per il letterario *it. «fraudatore»,* per le perifrasi *it. «[colui] che froda», «[colui] che inganna», «[colui] che illude»,* o per le perifrasi più libere *it. «[colui] che trae in inganno», «[colui] che induce in errore», «[colui] che fuorvia», «[colui] che fa deviare».*

2.1.5. *Pl.sl. чловѣкоубица (чловѣкоубиць),
sl.eccl.or. *чловѣкоубийца (SCR), ru. человекоубийца*

Il lemma pl.sl. чловѣкоубица è un composto che unisce il sostantivo pl.sl. чловѣкъ e la forma deverbale pl.sl. убица (cf. pl.sl. убити). Il termine ru. человекоубийца non compare in REW, che non registra né il secondo formante, ru. убийца, né la forma verbale di derivazione, ru. убить. SJaS e SS indicano la corrispondenza di pl.sl. чловѣкоубица a ru. убийца, человекоубийца e gr. ἀνθρωποκτόνος (di cui il termine è un calco di formazione), SJaS rimanda inoltre a lat. homicida; dal commento di SJaS si ricava che il termine può riferirsi sia specificamente al diavolo, come mostra l'esempio di Gv 8, 44, sia, genericamente, agli uomini, come si evince dalla citazione di 1Gv 3, 15. LP conferma gli equivalenti gr. ἀνθρωποκτόνος e lat. homicida. La forma pl.sl. чловѣкоубица, invece, che occorre unicamente in Supr. e per la quale SJaS, SS e LP indicano gli stessi traduttori russi, greci e latini già segnalati per pl.sl. чловѣкоубица, è da intendersi come esplicitamente ed esclusivamente riferita alla figura del diavolo.

Nello slavo ecclesiastico il significato di pl.sl. чловѣкоубица (чловѣкоубица) è preservato sia dalla forma sl.eccl.or. чловѣкоубийца, che compare in SCR ma che non è registrata né in MSD né in PCS, sia – si ha da supporre – dal sintagma nominale equivalente: sl.eccl.or. убица чловѣкъ. SCR offre la definizione ru. лишивший человека жизни; il commento chiarisce trattarsi di un termine riferibile tanto agli uomini, come si evince dall'esempio di 1Gv 3, 15, quanto alla figura del diavolo [Akty ist. I, 5]. Più in generale, la semantica del termine appare affine a quella del sostantivo sl.eccl.or. убица, che MSD indica equivalente a ru. убивший кого либо, убийца.

Nella lingua russa ru. человекоубийца si conserva come termine desueto o aulico, che corrisponde alle seguenti definizioni: ru. убийца человека (MAS, BTS), ru. тот, кто убивает или убил человека или людей (NS); il termine non compare in TSR-O. RIIR e GDRI non registrano il sostantivo ru. человекоубийца, mentre per il più generico ru. убийца propongono i traduttori it. «omicida», «assassino» (RIIR, GDRI), «assassina» (RIIR), «boia» (GDRI).

Il lemma pl.sl. чловѣкоубица, sl.eccl.or. чловѣкоубийца (SCR), ru. человекоубийца riferito specificamente alla figura del diavolo (si ricordi a questo proposito il carattere di univocità di pl.sl. чловѣкоубица) rimanda al suo essere «omicida fin dal principio» [Gv 8, 44], dal giorno in cui sedusse Eva [Gn 3, 13] a quando indusse Anania e Saffira a mentire allo Spirito Santo [At 5, 3], inflisse la morte all'uomo [Sap 2, 24], spinse Caino a uccidere il fratello [1Gv 3, 12–15] e i giudei a mettere a morte Cristo [Gv 8, 39–44] (VTB, s.v. Satana). Il termine non pone particolari problemi di resa potendo essere adeguatamente tradotto facendo ricorso al sostantivo it. «omicida», la cui etimologia (lat. homicidium da lat. homo, it. «uomo», e lat. *cidium per lat. caedes, it. «uccisione»; VELI, s.v. omicidio) appare affine a quella di gr. ἀνθρωποκτόνος, da cui, come si è detto, il lemma paleoslavo (e con esso i lemmi slavo ecclesiastico e russo) è calcato.

2.2. Aggettivi

2.2.1. *Pl.sl.* богомръзнь / богомръзкъ, *sl.eccl.or.* богомързкьи / богомърскьи / богомързкьи / богумързкьи, *ru.* богомерзкий

Il dizionario etimologico non reca il lemma composto e commenta l'aggettivo *ru.* мерзкий con il corrispondente *gr.* βδελυρός e gli equivalenti *ru.* противный, отвратительный, скверный, гадкий. L'attributo *pl.sl.* богомръзнь compare in SJaS come equivalente di *pl.sl.* богомръзкъ, forma che nei dizionari consultati ha conosciuto maggiore fortuna e si è mantenuta fino al russo moderno. Il composto (che unisce *pl.sl.* Богъ e *pl.sl.* мръзкъ) corrisponde in SJaS a *gr.* θεοστυγής, τῶν θεοστυγῶν, *lat.* Dei hostis, Deo odibilis, Dei osor, *ru.* богопротивный, враждебный Богу. SS conferma *gr.* θεοστυγής e *ru.* враждебный Богу. LP registra entrambe le voci, *pl.sl.* богомръзнь e *pl.sl.* богомръзкъ, che commenta con *gr.* θεοστυγής e *lat.* Deo invisus.

In ambito slavo ecclesiastico la semantica del termine si mantiene immutata. MSD segnala per *sl.eccl.or.* богомързкьи, l'equivalenza con *lat.* Deo invisus e conferma quella con *ru.* богопротивный; PCS reca il corrispondente greco e aggiunge alla serie dei traduttori russi l'attributo *ru.* богоненавистный e la locuzione *ru.* ненавидящий Бога и отверженный Богом (Rm 1, 30). SCR e SIR confermano *ru.* богопротивный e aggiungono il traduttore *ru.* нечестивый.

Nella lingua russa, il composto *ru.* богомерзкий vede ampliarsi il proprio campo semantico. NS registra due significati dell'attributo: il primo, che corrisponde ai traduttori *ru.* негодный Богу, нечестивый, e il secondo, che vale *ru.* скверный, отвратительный; TSR-U conferma il traduttore *ru.* нечестивый, cui aggiunge l'aulico *ru.* безбожный. BSS reca i sinonimi *ru.* грешный, греховный, богомерзкий, богопротивный, согрешительный e rimanda al sinonimo *ru.* преступный. In nessuno dei lessici visionati il lemma viene riferito in maniera esclusiva al diavolo, potendo qualificare persone, azioni, oggetti. BEB, BTS, MAS, SAR, TSŽV, TSR-O non contemplano il lemma. RIIR non commenta l'aggettivo composto e per *ru.* мерзкий segnala due accezioni: la prima che vale *it.* «schifoso», «ributtante», «rivoltante», «nauseante», la seconda che corrisponde a *it.* «sgradevole», «da fogna». GDRI traduce *ru.* мерзкий con *it.* «schifoso», «abominevole», «abietto».

Nell'individuazione dei traduttori italiani atti a designare specificamente il demone, i dizionari bilingui russo-italiano sembrano risultare di scarsa utilità. Soltanto l'aggettivo *it.* «abominevole», suggerito da GDRI, trova conferma nell'espressione «abominevole a Dio» impiegata nella traduzione del passo succitato della Bibbia [Rm 1, 30] da G. Luzzi, e può essere considerato adeguato. Gli equivalenti greci e latini forniti dai lessici del paleoslavo e dello slavo ecclesiastico e ripresi da alcuni traduttori russi suggeriscono, invece, i concetti di «nemico», «avversario», e gli aggettivi *it.* «odioso», «odiato», «inviso» che, come si è visto, bene si attagliano alla concezione del diavolo in ambito cristiano (§ 2.1.1). Nella tradizione giudaica e cristiana il demone è «nemico di Dio» oltre che degli uomini [ET, s.v. diavolo], «vero avversario dei disegni d'amore di Dio» [VTB, s.v. Satana]; ricordiamo che il lemma greco διά-βολος, colui che «si getta di traverso», «vuole ostacolare» il disegno di Dio, nei

Settanta traduce l'ebraico *śātān*, che in origine aveva il significato generico di «avversario», «oppositore» [ET, s.v. diavolo; Catechismo 1992: 2851]. Alla luce di ciò, indichiamo quali equivalenti italiani di pl.sl. *богомръзънь*, sl.eccl.or. *богомръзкый*, ru. *богомерзкий* le locuzioni: «nemico di Dio», «avversario di Dio», «[colui] che odia Dio» e anche «odioso a Dio», «inviso a Dio»; trattandosi di un aggettivo, a seconda del contesto, si potranno utilizzare anche le perifrasi «proprio di un / del nemico / avversario di Dio», «proprio di colui che odia Dio».

2.2.2. Pl.sl. *зъло + начальнь*, sl.eccl. **злоначальный* (PCS), ru. *злоначальный*

2.2.3. Pl.sl. *зълкъзъньнь*, sl.eccl.or. *зълкъзъньныи*, ru. *злокосненный*

Nei due aggettivi composti che consideriamo il primo elemento è il sostantivo pl.sl. *зъло*, per il quale SJaS segnala i traduttori gr. *κακόν, πονερόν, φαῦλον, δεινόν, κακία, πονερία, πάθος, πόνος*, lat. *malum, malitia, malignitas, nequitia, iniustitia, adversum, adversitas, molestia*, ru. *зло, злое дело*. MSD per la voce sl.eccl.or. *зъло / зло* indica tre accezioni, marcando la prima con l'equivalente lat. *malum*, le altre due con i corrispettivi ru. *бѣда* e ru. *грѣхъ*. Per la lingua russa, rilevante in questa sede risulta l'esegesi del lemma in TSŽV, che commenta ru. *зло* come antonimo di ru. *добро*; i due sostantivi definiscono – si legge – i due opposti principi spirituali del «bene» e del «male». Il traduttore it. «male» è confermato da RIIR al primo significato della voce ru. *зло*. La nozione di «male», antitetica a quella di «bene», costituisce un problema filosofico dibattuto lungo tutta la storia del pensiero speculativo e delle religioni, e interpretato sia in senso oggettivo (o metafisico), come uno dei poli di una dualità interna all'essere, sia in senso soggettivo, come esatta antitesi dell'essere. Nell'interpretazione soggettivistica, il male perde ogni connotazione ontologica, configurandosi come l'oggetto di un giudizio di valore negativo, e come tale relativo al sistema di norme e valori su cui si fonda tale giudizio (ET, s.v. male). Ne deriva l'identificazione del male con il «peccato», riferita dal terzo significato del formante in MSD.

Passando all'analisi del primo attributo considerato, si osserva che il composto è assente dal dizionario etimologico (REW), così come l'aggettivo semplice ru. *начальный*; è presente, invece, il verbo ru. *начать*, corrispondente a gr. *ἄρχομαι*. Per il paleoslavo, SJaS non reca il composto e per l'aggettivo pl.sl. *начальнь* indica i traduttori lat. *principalis* e ru. *главный, начальный*. La stessa fonte segnala, nell'esegesi dell'affine etimologico pl.sl. *начальникъ* (gr. *ἀρχηγός, ἡγούμενος*; lat. *princeps, dux, auctor*; ru. *руководитель, глава, вождь, зачинатель*), la locuzione pl.sl. *зълый начальникъ* corrispondente a gr. *ἀρχέκακος* e lat. *auctor malorum*, sui quali è calcata. LP commenta pl.sl. *злоначальный* con lat. *malum incipiens* e con il sinonimo ru. *врагъ*. SS fornisce per pl.sl. *начальнь* i traduttori gr. *αρχικός* e ru. *главный, первый*, e, nel commento di pl.sl. *начальникъ*, conferma il traduttore gr. *ἀρχέκακος* dell'espressione pl.sl. *зълый начальникъ*.

Per lo slavo ecclesiastico, in PCS il composto sl.eccl. *злоначальный* viene spiegato con la locuzione ru. *положивший началу злу*, ripresa da SCR che

connota il termine come «ecclesiastico». PCS segnala, inoltre, la sinonimia con il sostantivo ru. злоначальникъ, che spiega con ru. зачинщикъ зла, диавол. MSD, che non contempla l'aggettivo in questione, reca invece due significati del sostantivo sl.eccl.or. начальникъ: il primo significato è corrispondente a ru. главный, глава, начальствующий; il secondo a ru. начавший, начинатель. SIR commenta l'attributo ru. злоначальный con la perifrasi ru. являющийся зачинателем зла e negli esempi fa esplicito riferimento al diavolo.

Nella lingua russa, l'aggettivo ru. злоначальный corrisponde in TSŽV all'espressione ru. относящийся к началу всякого зла, mentre l'affine etimologico ru. злоначальник viene illustrato con i traduenti ru. зачинщик, предводитель, коновод злого дела, виновник зла, злой дух, диавол. BEB, BTS e SAR non registrano l'attributo, mentre BSS offre per ru. злоначальный i sinonimi ru. враждебный, злой. Per il sostantivo ru. начальник RIIR offre i traduenti it. «capo», «superiore», «responsabile», mentre per l'aggettivo ru. начальный fornisce due significati: il primo che vale it. «iniziale», «di partenza»; il secondo che corrisponde a it. «elementare», «inferiore». Per la stessa voce GDRI conferma il traduttore it. «iniziale» al primo significato del lemma, e spiega il secondo con it. «primario», «elementare».

Alla luce di quanto visto, proponiamo quali traduenti adeguati di pl.sl. зъло + начальнь, sl.eccl. злоначальный, ru. злоначальный, impiegato in funzione attributiva, le locuzioni it. «proprio di / relativo a colui che origina / dà origine a il/ogni male»; il lemma usato in funzione di sostantivo, invece, potrà valere it. «[colui] che origina/dà origine a il / ogni male» e «principio / principe / origine / capo del / di ogni male». L'impiego del sostantivo «principe» in riferimento al demonio è confermato dalla traduzione in lingua italiana¹ di Gv 14, 30 che definisce il diavolo con la locuzione «principe del mondo». L'uso della chiesa cattolica, fissato nel catechismo, suggerisce inoltre i traduenti «artefice» e «istigatore» del male [Catechismo 1992: 2854], proprio in riferimento al diavolo, data la sua natura di «peccatore fin dal principio» [1Gv 3, 8]. Vale la pena di precisare che il cristianesimo non accetta il dualismo ontologico che ipostatizza il male come un principio assoluto opposto al bene (ET, s.v. male). La Scrittura e la tradizione della Chiesa [Catechismo 1992: 385–412] vedono nel Maligno un angelo inizialmente buono, creato da Dio, che tuttavia rifiutò con libera scelta Dio e il suo Regno ed è per questa «caduta» chiamato Satana o diavolo [Ap 12, 9]². Pertanto, in testi di argomento teologico e dottrinale, alcuni dei suddetti traduenti andranno impiegati con cautela, onde evitare ambiguità.

¹ Dove non diversamente indicato, si fa riferimento alla traduzione italiana della Bibbia di Gerusalemme.

² L'elemento della libera volontà (προαίρεσις) quale origine del male e dei mali è sovente sottolineato dai Padri della Chiesa (Šplidlik 1985: 121). Per approfondimenti sul tema del «male» e del «maligno» nella teologia cristiana, si vedano: [Catechismo: 385–412, 2850–2854; ET, s.v. male; Šplidlik 1985: 54, 119–126, 203–206].

Per il secondo aggettivo composto, pl.sl. зьлокъзньнь, SJaS segnala gli equivalenti gr. κακότεχνος (anche in SS), lat. malitiosus e ru. злорадный, коварный. LP conferma l'equivalente greco, reca il corrispondente lat. astutus e indica che il lemma è sinonimo di pl.sl. дияволъ. REW non reca il composto, tuttavia nel commento delle voci ru. злой e кознь troviamo conferma della corrispondenza a livello etimologico dei singoli componenti del lemma rispettivamente con gr. κακός e gr. τέχνη.

Nello slavo ecclesiastico, stando all'esegesi di MSD, sl.eccl.or. зьлокъзньный rappresenta un attributo specifico del diavolo (sl.eccl.or. диаволъ зьлокъзньный). In SCR troviamo l'espressione più generica ru. исполненный ухищренных козней, riferibile non solo a persone. SIR, al primo significato reca i traducanti ru. строящий козни, коварный, замышляющий злое.

Per la lingua russa, MAS spiega ru. злокозненный con le locuzioni ru. связанный со злым умыслом e ru. обусловленный им. TSŽV commenta il lemma alla voce ru. зло e ne segnala i sinonimi ru. злоковарный, злохитрый, злонамеренный, злорадный. TSR-O rileva trattarsi di termine «desueto», corrispondente a ru. коварный, со злым умыслом. BEB non contempla il lemma. Tra i dizionari bilingui russo-italiano il termine è considerato soltanto in RIIR, che propone i corrispondenti it. «perfido» e «malintenzionato». Entrambi costituiscono traducanti accettabili di pl.sl. зьлокъзньнь, sl.eccl.or. зьлокъзньный, ru. злокозненный. Adeguati risultano anche gli aggettivi it. «infido» e «malfido», che recuperano il riferimento alla mala fede dell'espressione ru. со злым умыслом segnalata in TSR-O, e l'attributo di significato più generale it. «maligno», suggerito dal traduceante ru. злорадный proposto in SJaS e TSŽV, ben rappresentato nel Nuovo testamento in riferimento al diavolo (cf. ad esempio [Mt 5, 37; Gv 17, 15; 2Te 3, 3]). Come aggettivo sostantivato LC registra it. «maligno» quale sinonimo di «diavolo». La stessa fonte suggerisce anche i corrispondenti it. «malevolo» e «malvagio». Infine, il traduceante lat. malitiosus segnalato da SJaS rende utilizzabili anche i lemmi it. «ingannatore» e «ingannevole», che bene rendono il significato delle locuzioni russe proposte da SCR e SIR.

2.2.4. Pl.sl. коварьнь, sl.eccl.or. коварьный, ru. коварный

Secondo l'esegesi di REW, l'attributo ru. коварный deriva da *коварь (dal verbo pl.sl. ковати, ru. ковать, che corrisponde a ru. бороться), e vale ru. кузнец. Il dizionario segnala la presenza nello slavo ecclesiastico della locuzione ковати зьяя, corrispondente a ru. замышлять недоброе, che attesta l'impiego del termine in riferimento alla sfera semantica del male. Per pl.sl. коварьнь SJaS segnala i traducanti gr. πανοῦργος, lat. astutus e ru. хитрый, коварный. SS non reca l'aggettivo, ma commenta il sostantivo astratto ed etimologicamente affine pl.sl. коварьство, che illustra con i traducanti gr. τρόπος e ru. хитрость, коварьство. LP conferma i traducanti greco e latino indicati in SJaS e rimanda al sinonimo pl.sl. влѣхвъ, che al terzo significato commenta con i corrispondenti gr. ἐπαιδός e lat. incantator.

Del lemma sl.eccl.or. коварьныи MSD reca tre diversi significati, tra i quali solo il terzo è qui pertinente e corrisponde a ru. хитрый, лукавый. Tale esegesi trova conferma anche in PCS e SCR. SIR reca quattro significati, tra i quali ci interessano gli ultimi due, spiegati rispettivamente con i corrispondenti ru. хитроумный, лукавый, коварный in riferimento a 2Cor 12, 16, e con ru. основанный на хитрости, кознях.

Nella lingua russa le accezioni dell'attributo ru. коварный che risultano di nostro interesse sono tre, registrate in MAS: la prima corrisponde a ru. вероломный, скрывающий под показной доброжелательностью злой умысел; la seconda vale ru. выражающий коварство, вероломство; la terza rende i significati di ru. таящий в себе неожиданную неприятность, беду, опасность. TSŽV segnala i sinonimi ru. лукавый, злорадный, хитрый, скрытный и злобный, замышляющий, двуличный, e l'espressione ru. проискливый на зло. TSR-O spiega il lemma con la locuzione ru. отличающийся коварством, склонный к нему, che contiene il sostantivo astratto ru. коварство, commentato nella stessa fonte con gli equivalenti ru. злонамеренность, прикрытая показным доброжелательством. BTS, come MAS, indica tre accezioni del lemma, che illustra attraverso le locuzioni russe corrispondenti, rispettivamente ru. скрывающий под внешней доброжелательностью враждебный, злой умысел, обман, вероломный, per la prima accezione; ru. выражающий коварство, вероломство, per la seconda; e ru. содержащий неожиданную беду, опасность, подвох, per la terza accezione. BSS indica i sinonimi ru. опасный хитрый. RPIR presenta i traduttori it. «perfido» e «sleale»; GDRI conferma «perfido» e aggiunge «infido».

Nella resa in lingua italiana di pl.sl. коварьнъ, sl. eccl.or. коварьныи, ru. коварный tutti e tre i traduttori indicati dai dizionari bilingui, it. «perfido», «sleale», «infido», risultano opportuni. Oltre a questi, il corrispondente lat. astutus suggerisce i traduttori it. «astuto», confermato dall'uso biblico in lingua italiana (cf. Gn 3, 1), e «scaltro», che ricorre ad esempio in 2Cor 12, 16; accettabili sono anche it. «subdolo» e «insidioso». L'equivalente ru. вероломный motiva l'impiego non solo di it. «perfido», ma anche di it. «fedifrago». Come si vede, il termine può essere considerato un sinonimo di pl.sl. зьлокъзнънъ, sl.eccl.or. зьлокъзнъныи, ru. злокозненный, precedentemente analizzato.

2.2.5. Pl.sl. окаянъ / окаянънъ, sl.eccl.or. окаяныи / окааныи / окаянныи / окаянныи, ru. окаянный

Dell'aggettivo ru. окаянный REW indica i corrispondenti gr. ἔλεεινος, μάταιος, ταλαίπωρος. Per pl.sl. окаянъ SJaS segnala i traduttori gr. ἄθλιος ἔλεεινος, τάλας (confermati anche in LP), ταλαίπωρος, δειλῖος, οἰκτρὸς, κατάδικος, μάταιος, lat. miser (anche LP), miserrimus, infelix, vanus, ru. подлый, грешный, несчастный. SS sostanzialmente conferma la serie dei traduttori greci e reca due significati del lemma corrispondenti rispettivamente a ru. бедный, обездоленный, несчастный, e ru. окаянный, проклятый, очень плохой.

Tali due accezioni si mantengono in ambito slavo ecclesiastico: per sl.eccl.or. *окаянный* MSD reca due significati, il primo che illustra con il ricorso ai traducanti gr. *ἄθλία*, lat. *infelix*, ru. *несчастный, жалкий, грешный*, e il secondo che corrisponde a ru. *проклятый*. Ad eccezione del traducante ru. *грешный*, tale esegesi è confermata da SCR. PCS commenta il lemma sl.eccl. *окаянный* con l'equivalente ru. *бедный* e la locuzione ru. *сожаления достойный*, facendo riferimento ai passi biblici Sal 136, 8 e Ap 3, 17. SIR segnala quattro significati, tra i quali risultano qui significativi gli ultimi due, corrispondenti rispettivamente a ru. *безбожный, безразличный, низкий* (utilizzabile anche in funzione sostantivata), e ru. *отчаянный, пропащий*.

Per la lingua russa, MAS commenta ru. *окаянный* distinguendone l'uso in funzione attributiva da quello in funzione di sostantivo; nel primo caso, il lemma, riferibile sia a persone che a oggetti, vale nella prima accezione ru. *проклятый, отверженный церковью*, nella seconda ru. *греховный, нечестивый*; se usato come sostantivo, invece, il termine è sinonimo di ru. *нечистая сила, бес, черт*. TSR-O registra l'equivalente ru. *отверженный* e il desueto ru. *проклятый*. Anche BTS commenta separatamente l'aggettivo – che spiega al primo significato con ru. *проклятый, отвергаемый церковью, греховный, нечестивый* –, e l'aggettivo sostantivato, di cui reca i corrispondenti ru. *нечистая сила, бес, чёрт*. RIIR offre i traducanti it. «maledetto» e «dannato», quando il lemma è usato come aggettivo, e it. «diavolo», «maligno», quando occorre in funzione sostantivata, confermando così l'esegesi contenuta in MAS e BTS. GDRI conferma it. «maledetto» e «dannato», cui aggiunge it. «funesto».

Alla luce delle corrispondenze segnalate, nella traduzione di pl.sl. *окаянь*, sl.eccl.or. *окаянный*, ru. *окаянный* in riferimento al diavolo in funzione attributiva sono da considerarsi adeguati i traducanti it. «maledetto», «malvagio», «maligno», «funesto», mentre it. «dannato» risulta ridondante. Alcuni dei traducanti latini proposti in SJaS lasciano individuare poi altri traducanti adeguati; in particolare, lat. *infelix* suggerisce la locuzione it. «[colui] che porta disgrazia», e lat. *vanus* gli aggettivi it. «ingannatore», «falso», «infido». Il sinonimo ru. *подлый* segnalato in SJaS, infine, suggerisce i traducanti it. «infame», «abietto». In funzione sostantivata, il lemma trova traducanti adeguati anche in it. «diavolo», «maligno».

3. Conclusioni

L'analisi e il commento di una selezione di sostantivi e aggettivi riferiti al diavolo, che in questa sede abbiamo presentato a esemplificazione della prima fase di realizzazione del progetto di un lexicon slavo ecclesiastico-russo-italiano dei termini religiosi e filosofico-teologici, reca conferma del fatto che l'esegesi del significato e delle accezioni specifiche del lessico religioso e filosofico-teologico, finalizzata alla sua corretta traduzione italiana, presuppone il ricorso a varie tipologie di dizionari. Alla luce dell'analisi condotta, riteniamo che il presente lavoro ribadisca l'importanza di redigere un lexicon slavo ecclesiastico-russo-

italiano dei termini religiosi filosofico-teologici, e confermi, in termini di realizzabilità del progetto, l'opportunità di approntarne i materiali preparatori analizzando di volta in volta gruppi di lessemi riferiti ad ambiti semantici specifici.

Abbreviazioni

got.: gotico
gr.: greco
it.: italiano
lat.: latino
pl.sl.: paleoslavo
ru.: russo
sl.eccl.: slavo ecclesiastico
sl.eccl.or.: slavo ecclesiastico di redazione slava orientale

Bibliografia

Fonti

Kniga stepennaja 1908, 1913: Kniga stepennaja carskogo rodoslovija, in Polnoe sobranie russkich letopisej, vol. 21/1–2, Sankt Peterburg, 1908, 1913.

Maksim Grek 1894–1897: Prepodobnyj Maksim Grek, Sočinenija prepodobnogo Maksima Greka, 3vv., Kazan' 1984–1897 (seconda edizione; versione elettronica Sankt Peterburg 2007).

Maksim Grek 2008: Prepodobnyj Maksim Grek, Sočinenija, vol. 1, Moskva 2008.

VMČ 1868 :Velikie Minei Četii sobrannye vserossijskim mitropolitom Makariem. Sentjabr' (dni 1–13), Sankt Peterburg 1868.

VMČ 1870 :Velikie Minei Četii sobrannye vserossijskim mitropolitom Makariem. Oktjabr' (dni 1–3), Sankt Peterburg 1870.

VMČ 1901: Velikie Minei Četii sobrannye vserossijskim mitropolitom Makariem. Dekabr' (dni 1–5), Moskva 1901.

Žurova 2011: L.I. Žurova, Avtorskij tekst Maksima Greka: rukopisnaja i literaturnaja tradicija, vol. 2, Novosibirsk 2011.

Dizionari

BEB: Biblejskaja ènciklopedija Brokgauza, a cura di F. Rineker, G. Majer, Padeborn 1999.

http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_bible/

BSS: V.N. Trišin, Bol'šoj slovar'-spravočnik sinonimov russkogo jazyka sistemy ASIS, versione elettronica: <http://www.trishin.ru>

BTS: Rossijskaja Akademija Nauk, Institut Lingvističeskich Issledovanij, Bol'šoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka, a cura di S.A. Kuznecov, Sankt Peterburg 2009.

<<http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>>

ChS: R. Lewicki, Christianstvo: russko-pol'skij slovar', Warszawa 2002.

DAR: P. Castaing, Dictionnaire russe-français des termes d'architecture religieuse en Russie, Paris 1993.

DER: M. Roty, Dictionnaire russe-français des termes en usage dans l'Église russe, Paris 1983.

EAA: Enciclopedia dell'Arte Antica, versione elettronica:

<http://www.treccani.it/enciclopedia>

ET: Enciclopedia Treccani, versione elettronica:

<http://www.treccani.it/enciclopedia/>

GDRI: Ju. Dobvol'skaja, Grande dizionario russo-italiano, italiano-russo / Bol'soj russko-ital'janskij, ital'jansko-russkij slovar', Milano 2001.

GEL: H.G. Liddell, R. Scott, Greek-English Lexicon, New York 1883.

<https://archive.org/details/greekenglishlex00liddrich>

GELS: J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie, Greek-English Lexicon of the Septuagint, Leuven 2009.

KBS: S. Tyškevič, Kratkij latinsko-russkij bogoslovskij slovar', New York 1954.

KSchL: T.S. Aleksandrova, Opyt kratkogo nemecko-russkogo i russko-nemeckogo slovarja: v pomošč' čitajuščemu christianskuju literaturu. S priloženiem tekstov dlja čtenija, Moskva 1996.

LC: Accademia della Crusca, Lessicografia della Crusca in rete, risorsa elettronica:

<http://www.lessicografia.it/>

LIIL: Dizionario Latino-Italiano, Italiano-Latino, a cura di E. Olivetti, versione elettronica:

<http://www.dizionario-latino.com/index.php>

LP: Lexicon Paleoslovenico-Graeco-Latinum emendatum auctum, edidit Fr. Miklosich, Vindobonae 1862–1865.

MAS: AN SSSR, Institut Russkogo jazyka, Malyj akademičeskij slovar' / Slovar' russkogo jazyka v 4-ch tomach, a cura di A.P. Evgen'eva, 4vv., Moskva 1981–1984 (seconda edizione). www.slovari.ru

MSD: I.I. Sreznevskij, Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam, 3vv., Sankt Peterburg 1893–1912 (reprint Moskva 2003).

byzantinorossica.org.ru/PS_Vocabularies.html

NS: T.F. Efremova, Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj, Moskva 2000.

<http://www.efremova.info/>

PCS: G. D'jačenko Polnyj cerkovno-slavyanskij slovar', Moskva 1993 (reprint dell'edizione Moskva 1900). <http://www.slavdict.narod.ru/>

RC: A. Bončev, Rečnik na čarkovnoslavjanskija ezik, 2vv., Sofija 2002.

REW: M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, 3vv., Heidelberg 1950–1958 (trad.ru. a cura di O.N. Trubačev, 4vv., Moskva 1986–1987 [seconda edizione]).

RIIR: V. Kovalev, Dizionario Russo-Italiano, Italiano-Russo, Bologna 1995.

ROS: Rossijskaja Akademija Nauk, Russkij orfografičeskij slovar', a cura di V.V. Lopatin, M. 2000.

- <http://www.gramota.ru/slovari>
- SAR: Slovar' Akademii Rossijskoj, 6vv., Sankt Peterburg 1789–1794.
<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sar>
- SB: O.A. Sedakova, Slovar' trudnych slov iz bogosluženija: cerkovnoslavjano-russkie paronimy, Moskva 2008.
- SCR: Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj Vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademiej Nauk, 4vv., Sankt Peterburg 1847.
<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=dict1847>
- SD: AN SSSR, Institut Russkogo jazyka, Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.), voll. 1–10 (A–S), a cura di R.I. Avanesov, Moskva 1975–.
http://old_russian.academic.ru/
- SJaS: Československá Akademie Ved, Ústav jazyku a literatur, Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae, a cura di Z. Hauptová, 4vv., Praha 1966–1997 (reprint Sankt Peterburg 2006).
- SIR: Rossijskaja Akademiya Nauk, Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova, Slovar' Russkogo Jazyka XI–XVII, voll. 1–28 (A–S), Moskva 1975–.
<http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>
- SPC: N.G. Skljarevskaja, Slovar' pravoslavnoj cerkovnoj leksiki, Moskva 2000.
- SRL: A.A. Azarov, Russko-anglijskij slovar' religioznoj leksiki, s tolkovanijami, Moskva 2002.
- SRVL: D.I. Ermolovič, Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar' religioznoj i vozvyšennoj leksiki, Moskva 2004.
- SS: Slavjanskij Institut Akademii Nauk Češkoj Respubliki, Institut Slavjanovedenija i Balkanistiki Rossijskoj Akademii Nauk, Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X–XI vv.), a cura di R.M. Cejtin, R. Večerka, E. Blagova, Moskva 1994 (seconda edizione).
- StR: D. Ivanova-Mirčeva, Starobălgarskij rečnik, 2 vv., Sofija 1999–2009.
- TSR-O: S.I. Ožegov, N.Ju. Švedova, Tolkovyj slovar' russkogo jazyka, Moskva 1992.
<http://www.ozhegov.org>
- TSR-U: Tolkovyj slovar' russkogo jazyka v 4-ch tomach, a cura di D.N. Ušakova, 4 vv., Moskva 1935–1940 (reprint Moskva 1995, 2000).
- TSŽV: V.I. Dal', Tolkovyj slovar' živogo velikorusskogo jazyka, 4 vv., Sank Peterburg 1863–1866.
- VELI: O. Pianigiani, Vocabolario etimologico della lingua italiana, 2 vv., Roma 1907.
<http://www.etimo.it/>
- VT: Vocabolario Treccani, versione elettronica: <http://www.treccani.it/> HYPERLINK "http://www.treccani.it/vocabolario"vocabolario
- VTB: Vocabulaire de theologie biblique, a cura di X. Léon-Dufour et al., Paris 1970 (trad.it. Torino 1976).
http://www.santissimo.it/libri/Dizionario_biblico_Dufour_1976.pdf

Studi

Catechismo: Catechismo della Chiesa cattolica, Città del Vaticano 1992.

http://www.vatican.va/archive/ITA0014/_INDEX.HTM

Emel'janova 2000: O.N. Emel'janova, Cerkovnaja leksika v malom akademičeskom slovare ruskogo jazyka, «Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennaja universiteta. Serija Gumanitarnye nauki», 2000/2, pp. 101–103.

Ferro 2012: M.C. Ferro, Tradurre i lemmi russi appartenenti al lessico agiografico slavo ecclesiastico. Difficoltà e proposte, «Studi Slavistici», 9 (2012), pp. 133–148.

Ferro, Romoli 2013: M.C. Ferro, F. Romoli, Gli attributi di Dio. Per una traduzione slavo ecclesiastico-russo-italiano del lessico religioso e teologico-filosofico, «Studi Slavistici», 10 (2013), pp. 237–248.

Ferro, Romoli 2014: M.C. Ferro, F. Romoli, Appellativi e attributi della Madre di Dio. Per un lexicon slavo ecclesiastico-russo-italiano dei termini religiosi, «Studi Slavistici», 11 (2014) (in corso di stampa).

Garzaniti 2011: M. Garzaniti, Riflessioni per un lessico religioso e filosofico-teologico russo-italiano, in , Ulica Ševčenko 25 korpus 2. Scritti in onore di Claudia Lasorsa, a cura di V. Benigni, A. Salacone, Cesena-Roma 2011, pp. 62–70.

Garzaniti, Farina 2013: M. Garzaniti, A. Farina, Un portale per la comunicazione e la divulgazione del patrimonio culturale: progettare un lessico multilingue dei beni culturali online, in Strategie e programmazione della trasmissibilità del patrimonio culturale, a cura di A. Filipović, W. Troiano, Roma 2013, pp. 500–509.

Halliday 1973: M. Hallyday, Explorations in the Functions of Language, London 1973.

Halliday 1985: M.A.K. Halliday, An Introduction to Functional Grammar, London 1985.

Kasatkin, Krysin, Živov 1995: L. Kasatkin, L. Krysin, V. Živov, Il russo, a cura di N. Marcialis, A. Parenti, Firenze 1995.

Krysin 1989a: L.P. Krysin, O rečevom povedenii čeloveka v malych social'nyh obščnostjach (postanovka voprosa), in Jazyk i ličnost', a cura di D.N. Šmelev, Moskva 1989.

Krysin 1989b: L.P. Krysin, Sociolingvističeskie aspekty izučeniija sovremennogo ruskogo jazyka, Moskva 1989.

Krysin 1992: L.P. Krysin, O perspektivach sociolingvističeskich issledovanij v rusistike, «Rusistika» 1992/2, pp. 96–106.

Krysin 2001: L.P. Krysin, Sovremennyj russkij intelligent. Popytka rečevogo portreta, in «Russkij jazyk v naučnom osveščanii», 1 (2001/1), pp. 90–106.

Musorin 2011: A.Ju. Musorin, Jazyk christianskogo mira kak otdel'nyj ob''ekt lingvistiki, in «Inostrannye jazyki v naučnom i učebno-metodogičeskom aspektach», 9 (2011), pp. 36–38.

Timofeev 2001: K.A. Timofeev, Religioznaja leksika ruskogo jazyka kak vyraženie christianskogo mirovozzrenija, Novosibirsk 2001.

Uspenskij 2002: B.A. Uspenskij, Istorija ruskogo literaturnogo jazyka (XI–XVII vv.), Moskva 2002.

Vinokur, Šmelev 1968: T.G. Vinokur, D.N. Šmelev, Razvitie funkcional'nyh stilej sovremennogo ruskogo jazyka, Moskva 1968.

Zemskaja, Šmelev 1965: Razvitie leksiki sovremennogo ruskogo jazyka, a cura di E.A. Zemskaja, D.N. Šmelev, Moskva 1965.

Zemskaja, Šmelev 1966a: autori, Razvitie fonetiki sovremennogo ruskogo jazyka, a cura di E.A. Zemskaja, D.N. Šmelev, Moskva 1966.

Zemskaja, Šmelev 1966b: Razvitie slovoobrazovanija sovremennogo ruskogo jazyka, a cura di E.A. Zemskaja, D.N. Šmelev, Moskva 1966.

Živov 1996: V.M. Živov, Jazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka, Moskva 1996.

Сведения об авторах:

Мария Кьяра Ферро,
докт. наук
исследователь L-LIN / 21
Университет Кьети-Пескара (Италия)

Франческа Ромо,
докт. наук
исследователь L-LIN / 21
Университет Пизы (Италия)

Dr. Maria Chiara Ferro
Ricercatore L-LIN/21
Università degli Studi di Chieti-Pescara (Italia)

Dr. Francesca Romoli
Ricercatore L-LIN/21
Università degli Studi di Pisa (Italia)

М. Димитрова

**Граматичните норми
в българския книжовен език – спазване и нарушения
(върху материал от средствата за масова информация)**

Анотация: Обзор кодификации грамматических норм болгарского литературного языка с орфографической реформы 1945 года до орфографического словаря 2012 года раскрывает динамику процессов. На материале устной и письменной официальной публичной речи устанавливается, что правило полного и краткого артикля, правило флексии *-м* в 1 л. мн. ч. наст. вр. глаголов 1-го и 2-го спряжения и правило употребления возвратного притяжательного местоимения соблюдаются безошибочно. Правило употребления форм *кого, когото, някого, никого* не соблюдается в ¼ из случаев. Устойчивость современных грамматических норм является результатом широкой социальной базы литературного языка.

Ключевые слова: современный болгарский литературный язык, грамматические нормы, устойчивость

Abstract: Review of the codification of grammatical rules of Bulgarian literary language from the last spelling reform of 1945 to the spelling dictionary of 2012 presents the dynamics of the processes. On the material of oral and written official public speech is found that the rule of the long and the short article, the a rule for the ending *-m* in 1 pers. pl. present tense of the verbs 1-th and 2-th conjugation and the rule of using of reflexive possessive pronoun are accurately respected. The rule of using forms *кого, когото, някого, никого* isn't respected in 1/4 of cases. The sustainability of grammatical rules of the modern literary language results from of extensive social basis of the literary language.

Key words: Bulgarian literary language, grammatical rules, sustainability

Явленията от кодифицираната книжовноезикова система на съвременния български език по традиция се представят в два източника: граматика и правописни речници.

Граматичните норми в българският книжовен език не са обект на специално наблюдение. Българската книжовноезикова система се представя в описателните граматика, които съдържат в определени случаи и препоръки за правилност и уместност на различни езикови явления. Като нормативна е

приета тритомната Граматика на съвременния български книжовен език (Граматика 1983 / 1995).

Необходимостта от специална кодификация и днес на някои граматични книжовноезикови норми е свързана, от една страна, процесите на установяване на новобългарския книжовен език. Той се консолидира като предимно писмена формация през XIX век в епохата на Българското възрождане при наличието на доста широко диалектно разнообразие и включва явления от различни говорни области (вж. История 1989). Върху новобългарския книжовен език влияят и писмените образци, с които са запознати възрожденските книжовници и граматичници: текстовете от предходната писмена традиция, особено дамаскините, и текстове на чужди езици, особено църковнославянски и руски (вж. напр. Босилков 1986).

Специалната кодификация на някои книжовноезикови норми, от друга страна, е свързана с няколко съпътстващи явления със социолингвистичен характер. Новобългарският книжовен език възниква, а съвременният български книжовен език съществува в егалитарно общество. Социалното равенство между различните обществени групи не предполага общност, чийто език да е образец за подражание. Същевременно социалната база на българския книжовен език до 60-те – 70-те години на XX век, когато настъпва масова урбанизация, е много тясна. За носители на българския книжовен език като роден може да се говори едва в последните десетилетия (вж. Вълчев 2009). По тези причини както писмената практика през Възраждането, така и кодификациите – от Освобождението на България през 1878 до 40-те години на XX век и последната правописна реформа от 1945 г. – съдържат динамични явления, които не могат да се консолидират при липсата на значима социална група, която да е техен носител, и в речта на образованите българи запазват своя динамичен характер. (В по-общ план за езиковата ситуация вж. Нецименко 2003, Виденов 2003, Гладкова, Ликоманова 2002.)

През 1945 г. със специален държавен документ (вж. Наредба 1945) е осъществена последната правописна реформа, която продължава да действа и до днес. Въпреки че основната ѝ цел е правописът, тази правописна реформа засяга и някои граматични норми. Правописните речници, излезли след 1945 г., засягат тези норми в различна степен и по различен начин.

Броят на граматичните норми, които са обект на специална кодификация в правописните речници, като цяло не е голям. Той обаче се променя като количество и съдържание в зависимост от динамиката на книжовноезиковите процеси и в зависимост от концепцията на авторите на правописните речници за необходимостта от кодификация на граматичните норми в правописен речник.

Първият издаден след правописната реформа справочник (вж. Правописен 1945) съдържа обстоен и пространен увод (с. 5–82), който съвместява правописни и пунктуационни правила с описание и кодификация на граматични и

прагматични правила. Обособена е част «Правопис и правоговор на отделни видове думи» (с. 24–33), в която са съсредоточени основните книжовно-езикови граматични норми. В последващите правописни речници и в описателните граматични част от тези граматични норми повече не се споменават, тъй като не подлежат на специална кодификация. Причината при едни от тях е, че са напълно установени в системата на книжовния български език и не се грешат. Такава е нормата за употреба на минало несвършено деятелно причастие при преизказване. Тя представлява проблем, когато социалната база на книжовния език е много тясна и върху езиковата практика силно влияят диалектите, а част от българските говори не познават категорията минало несвършено деятелно причастие. Причината при други от тях е, че отразяват комуникативни книжовноезикови норми, спонтанно установени на предходни етапи от развитието на книжовния език, които не отговарят на съвременното му състояние и имат архаизиращ характер. Такава е нормата, че при обръщение се употребява кратка, а не пълна форма на прилагателните: *драги приятелю* вм. *драгий приятелю*. Тази норма вече има исторически характер.

В правописните речници под редакцията на Л. Андрейчин, издадени в периода 1945–1983, в увода винаги е обособена част «Правопис и употреба на някои форми и думи». Тази част съдържа конкретни правила с правописен, правоговорен и граматичен характер. Напр. в осмото стереотипно издание в частта под това име (Правописен 1974: VIII–XII) наред с правописните и правоговорните правила се коментират три граматични норми: правилата за употребата на пълен и кратък член при имената от м. р. ед. ч.; некнижовният характер на общата форма за косвен падеж при имената за лица мъже (препоръчва се *Книга за Вазов* вм. *Книга за Вазова*, *Повикай Петър* вм. *Повикай Петра*); липсата на втора звателна форма при съществително в съчетание с думата *другарю* (напр. *другарю директор*, а не *другарю директоре*).

Частта «Правопис и употреба на някои форми и думи» става традиционна за българските правописни речници и се запазва в изданията на други авторски колективи от 1983 г. насам. Във всички части под това име неизменно присъства граматичното правило за употреба на пълен и кратък член при имената от м. р. ед. ч. Останалите граматични норми са включени с различна степен на пълнота.

При представянето на граматичните книжовноезикови норми концептуално различни са Нов правописен 2002 и Официален правописен 2012. В Нов правописен 2002 граматичните норми са обособени под заглавие «Правописни особености с граматичен характер». Включени са 3 норми: употребата на пълен и кратък член при имената от м. р. ед. ч., окончанието за 1 л. мн. ч. сег. време на глаголите от 1 и 2 спрежение и съгласуването на прилагателните и причастията в изрази за учтивост.

Граматичните норми значително по-пълно и експлицитно са представени в Официален правописен 2012. В неговия увод под заглавие «Общи правописни правила» са обособени три части: «Правописни правила с фонетичен характер», «Правопис на двойни съгласни» и «Правописни правила с граматичен характер» (вж. Официален правописен 2012: 15–30). Така граматичните книжовноезикови норми, които подлежат на специална кодификация, са отделени от книжовноезиковите норми с друг характер: фонетичен, правоговорен и правописен.

В частта «Правописни правила с граматичен характер» са включени следните норми: 1) употреба на пълен и кратък член при имената от м. р. ед. ч.; 2) употреба на пълен и кратък член при съставните собствени имена от м. р. ед. ч.; 3) употреба на звателни форми; 4) употреба на бройна форма за мн. ч. при съществителните от м. р.; 5) употреба на формите *кого, когото, някого, никого*; 6) употреба на възвратното притежателно местоимение; 7) употреба на деепричастието; 8) окончание за 1 л. мн. ч. сег. време на глаголите от 1 и 2 спрежение; 9) съгласуване по число при учтива форма; 10) съгласуване по число при две определения към едно съществително.

Посочените норми имат различен характер както от езикова, така и от кодификаторска гледна точка. От езикова гледна точка те могат да се разделят на норми, свързани с езиковата система (морфологични и синтактични) и на норми, свързани с комуникацията и семантиката. По-съществена е втората група норми, която включва само две: употребата на възвратното притежателно местоимение и употребата на деепричастието. Останалите осем граматични норми засягат езиковата система и имат различен характер: структурен за съвременния български книжовен език (напр. окончанието за 1 л. мн. ч. сег. време на глаголите от 1 и 2 спрежение), традиционен архаизиращ (напр. употреба на формите *кого, когото, някого, никого*) или прагматичен (съгласуване по число при учтива форма).

По отношение на кодификацията посочените граматични норми не са нови. Те са включени в Граматика 1983 / 1995. Част от тях присъстват в правописните речници от периода 1945–1983 г., а друга част от тях – в правописните речници от 1983 г. насам. Наблюдават се и процеси на актуализация на кодификацията, тясно свързани със същността на всяка от нормите и с тенденциите в книжовния език. Актуализацията засяга следните пунктове. Обхватът на нормата за употреба на пълен и кратък член при имената от м. р. ед. ч. е разширен и при съставните собствени имена във връзка с тенденцията този тип собствени имена да не се членуват, напр. *Софийски градски съд осъди Виолета Николова, бивш ръководител на Агенцията по вписванията, на 5 години ефективно лишаване от свобода, предаде БГНЕС*. (в. «Сега», 15.10.2013). Обхватът на нормата за употреба на падежни форми при к-местоименията за м. р. ед. ч. е стеснен както лексикално, така и функционално. Нормата е задължителна само за писмен текст и в нея след излизането на Официален правописен 2012 влизат

само винителните форми на 4 к-местоимения. Обхватът на нормата за окончанието за 1 л. мн. ч. сег. време на глаголите от 1 и 2 спрежение е разширен до всякакъв тип комуникация. В предишните правописни речници (от Правописен 1945 до Нов правописен 2002) се уговаря, че нормата е задължителна за официалната публична реч. В Официален правописен 2012 няма изключения и нормата е валидна за всеки тип комуникация на български език.

Всички граматични книжовноезикови норми са обект на съзнателно и целенасочено обучение в средното училище. Те по традиция се включват широко в различните форми на текущо и окончателно оценяване на знанията и уменията на учениците по български език и са традиционен елемент от задължителната след 12. клас матура по български език и литература.

През последните години и особено след излизането на Официален правописен 2012 в българското общество протече бурна дискусия по въпросите на правописа. Дискусията се състоя в медиите, на страниците на сп. «Наука», 2013, орган на Съюза на учените в България, на страниците на сп. «Български език», 2013, кн. 4. За съжаление, тази дискусия засега не е придобила характер на съдържателно, творческо и професионално специализирано обсъждане на проблемите на кодификацията и на книжовноезиковите норми. Фокус на критиката и на защитата от страна на специалисти и на граждани бяха доста голяма част от граматичните книжовноезикови норми. Темите, повдигнати напоследък, не са нови и под една или друга форма отдавна се обсъждат, макар и в не толкова публичен мащаб.

Най-дискутираната книжовноезикова норма, при това по традиция, е правилото за употребата на пълен и кратък член при имената от м. р. ед. ч. на синтактичен принцип: подлогът се членува с пълен член, напр. *Мъжът чете вестника – Вестникът се чете (от мъжа)*. Тази норма има силно архаизиращ характер и напълно не съответства на аналитичния характер както на българския език в различните му форми на съществуване от Възраждането насам, така и на съвременната му книжовна форма. Тя обаче е включена в нормативния документ, с който се извършва правописната реформа през 1945 г. (вж. Наредба 1945) и не може да бъде променена без специално решение на държавен орган. Архаизиращият характер на тази норма и законовото ѝ регламентиране водят кодификаторите до единствено възможното в тази ситуация решение – стесняване на обхвата на нормата за употреба на пълен и кратък член при имената от м. р. ед. ч. От Правописен 1983 / 1995 тя е валидна само за писмен текст. Кодификацията е потвърдена и в следващите два правописни речника: Нов правописен 2002 и Официален правописен 2012. Наблюденията върху публичната писмена комуникация опровергават общественото мнение, че правилото за пълен и кратък член масово не се спазва. Изследване върху корпус от 1058 случая от електронните издания на 11 популярни вестника показва, че има грешки само в 12 случая или в 1.1% (вж. Ангелов 2014).

Нормата за употреба на морфологични форми за косвен падеж при местоименията също има архаизиращ характер и не съответства на аналитичната система на съвременния български език и на неговата книжовноезикова форма. На този факт пръв и доста отдавна обръща внимание П. Пашов (вж. Пашов 1962). Местоименната система на съвременния български език е представена в нормативната Граматика 1983 / 1995, а излезлите след нея граматика на съвременния книжовен език я следват (вж. Пашов 1994, Куцаров 2007, Ницолова 2008). Граматика 1983 / 1995 включва редица винителни и дателни морфологични падежни форми при семантичната група за лица и предмети от м. р. ед. ч. на различни видове местоимения. Представената в нея местоименна система отразява българската граматична традиция от възрожденските граматика и от научните граматика от първата половина на ХХ век. За първи път в правописен речник е направена кодификация на граматичната книжовноезикова норма за употреба на морфологични падежни форми при местоименията в Официален правописен 2012. Нормата, както отбелязах, е значително стеснена в две посоки. Тя е валидна само за някои к-местоимения от м. р. ед. ч. Формите *кого*, *когото*, *някого* и *никого* са задължителни в писмен текст при самостоятелна употреба на местоимението, когато то не е подлог и реферира лице мъж, напр. *Човекът, **когото** поздравих, е стар познат*, но: *Вестникът, **който** купих, е нов*. През последните години има две съществени изследвания върху употребата на морфологичните падежни форми при местоименията. Едното изследване е върху материал от Българския национален корпус – художествени и мемоарни текстове (вж. Коева, Благоева, Колковска 2011: 46–50). Въпреки че текстове от тези жанрове имат смесен характер и не принадлежат строго към официалната публична комуникация, данните са показателни за писмената практика на български език. В писмени текстове преди 1989 г. (основно от периода 1945–1989) формите *тогова*, *томува*, *оногова*, *ономува*, *всякого* и *всякому* се срещат рядко, а в писмени текстове след 1990 посочените форми се срещат спорадично, като формата *всякому* не се среща изобщо. Формите *кого*, *когото*, *някого*, *никого* имат широка употреба, като честотата им намалява в текстовете след 1990 г. Изследването върху материал от българския национален корпус е проведено като количествено наблюдение на фреквентността на морфологичните падежни форми на местоименията, без да се отчита контекстът на употреба и наличието или липсата на грешки спрямо кодифицираната норма. Второто изследване е ориентирано към официалната публична комуникация чрез наблюдения на езиковата практика на електронните издания на 7 вестника и списания и на 3 новинарски сайта (вж. Петрова 2014). Проследява се специално практиката в употребата на именителни и винителни форми при к-местоименията: *кой* и *кого*, *който* и *когото*, *някой* и *някого*, *никой* и *никого*. При корпус от 501 употреби грешни са 27%. Грешките са основно при замяна на винителната с именителна форма. Наблюдава се обаче и обратна хиперкоректна замяна на *кой*

и *който* с *кого* и *когото* в около 4% от грешните употреби. Високият процент на грешки (над ¼ от случаите) и хиперкоректността естествено произтичат от аналитичния характер на съвременния български книжовен език. При кодификацията на книжовноезиковите норми обаче не е възможен рязък скок. Промените се правят бавно и постепенно, като може да се мине и през кодификаторския инструмент на дублетността. Засега с Официален правописен 2012 е направена първата стъпка към осъвременяване на книжовноезиковата норма за употребата на морфологични падежни форми при местоименията.

Не само през последните години се дискутира и нормата за окончанието *-м* за 1 л. мн. ч. сег. време на глаголите от 1 и 2 спрежение: *чета – четем, мисля – мислим*. Тази норма е обект на продължителна кодификация. Окончанието *-м* се определя като предпочитано (Правописен 1945) и задължително в официалната публична реч (Нов правописен 2002), а окончанието *-ме* – като допустимо в устната разговорна реч и в мерената реч (Нов правописен 2002). Тази относителна толерантност към устната реч се корени в историческото развитие на българския език. През Възраждането, когато се оформя новобългарския книжовен език, глаголите в западните български говори са унифицирани по новото спрежение (3 спрежение): окончанието за 1 л. ед. ч. сег. време е *-м* (*аз мислим, аз спирам*), а за 1 л. мн. ч. сег. време е *-ме* (*ние мислиме, ние спираме*). Глаголите в източните български говори във формите си за 1 л. ед. и мн. ч. сег. време пазят разликата между старото спрежение (1 и 2 спрежение) и новото спрежение (3 спрежение). Поради доста дългия период, в който съвременният български книжовен език има тясна социална база – както отбелязах, до 60-те – 70-те години на XX век – толерантността на кодификацията отразява многообразието в устната реч и сравнително активното функциониране на типично диалектни елементи в езика на образованите българи. По тези причини едва в Официален правописен 2012 правилото за употреба на окончанието *-м* за 1 л. мн. ч. сег. време на глаголите от 1 и 2 спрежение се кодифицира без изключения и уговорки. Това, от една страна, отразява вече разширената социална база на съвременния български книжовен език, а от друга страна, определя като системна за книжовния вариант на съвременния български език формата с *-м*.

Заместването на окончанието *-м* с *-ме* е обект на дискусия сред специалистите. М. Виденов го включва с списъка на т. нар. «масова грешка». Според автора «мекането» – замяната на *четем* с *четеме, мислим* с *мислиме* – е типично за високообразовани и публични личности (Виденов 2002). Някои специалисти (напоследък Вълчев 2009: 225–227) са на мнение, че в книжовния език вече съществува реална дублетност между формите с *-м* и с *-ме*, която трябва да се кодифицира.

Конкретните изследвания върху езиков материал от официалната публична комуникация дават резултати, които не показват значими колебания в окончанието *-м* за 1 л. мн. ч. сег. време на глаголите от 1 и 2 спрежение. Бяха

направени наблюдения върху материал от Корпуса на българската политическа и журналистическа реч (<http://www.political.webclark.org/>), разработван в Центъра за изследване на политическата и журналистическата реч (<http://www.publicspeech-bg.com/>) на Факултета по славянски филологии на Софийския университет. Корпусът съдържа официална публична реч от заседания на Народното събрание и от интервюта с политици и по-рядко – с други популярни личности. Трябва да се отбележи, че част от заседанията на българското Народно събрание са публични. Задължително се предават директно по Българската национална телевизия и по Българското национално радио заседанията за парламентарен контрол върху Министерския съвет, на които министри и заместник-министри отговарят на въпроси на депутати. По решение на Парламента директно се предават и други заседания с важно обществено значение, а от някои заседания се излъчват подробни репортажи.

Изследваният материал е подходящ за наблюдения върху книжовно-езиковата практика по няколко причини. Комуникативните ситуации отговарят на условията за официално публично общуване. Участниците в комуникацията са много и представят повечето говорни райони в България. Така могат да се проследят развойните процеси в книжовния език и влиянието на други, напр. диалектни норми или иновативни явления, върху него. Тези участници са публични личности, често политици с висок рейтинг, и тяхната речева продукция влияе активно върху масовата устна (книжовноезикова) практика чрез факторите престижност и езикова мода. В Корпуса окончанието *-ме* за 1 л. мн. ч. сег. време се среща при 43 глагола от 1 и 2 спрежение. Общо употребите на *-ме* формите са 84. Същите 43 глагола се употребяват с окончание *-м* в 1612 случая. Изчисленията показват, че книжовноезиковата норма се греша едва в 4.95%.

Само при 14 глагола от Корпуса на политическата и журналистическата реч *-ме* формите са сравнително по-чести. При същите глаголи обаче значително по-чести са *-м* формите. Най-чести са *-ме* формите на 3 глагола, при които *-м* формите са много по-активни: *говориме* – 12 употреби и *говорим* – 229 употреби; *правиме* – 8 употреби и *правим* – 139 употреби; *направиме* – 6 употреби и *направим* – 156 употреби (вж. и примерите по-горе). В стандартния случай *-м* формите категорично преобладават. Единични са глаголите, при които *-ме* и *-м* формите са с приблизително еднаква честота или няма *-м* форма. Такива глаголи имат по 1–2 употреби в Корпуса на политическата и журналистическата реч.

Не се наблюдава зависимост на *-ме* формите от езикови фактори: *-ме* формите се срещат и при основни, и при производни глаголи.

Не се наблюдава зависимост на сгрешените глаголи от фреквентността им в общия език. (По-долу фреквентността се привежда по данни от Българския национален корпус.) Грешат се както глаголи с висока честота, напр. *бъда* с честота 1320: *бъдемe* – 1 употреба и *бъдем* – 83 употреби; *мога* с честота

925: *можеме* – 5 употреби и *можем* – 260 употреби; *кажса* с честота 777: *кажеме* – 1 употреба и *кажем* – 79 употреби, така и глаголи с ниска честота: отговоря с честота 22: *отговориме* – 1 употреба и *отговорим* – 17 употреби; *прехвърля* с честота 21: *прехвърлим* – 1 употреба и *прехвърлим* – 1 употреба; *въведа* с честота 20: *въведеме* – 1 употреба и *въведем* – 11 употреби.

Няма строга зависимост на сгрешените глаголи от идиолекта. В речта на една и съща публична личност се появяват както правилни, така и сгрешени форми:

*Източник: 05.03.2010 г., Панорама, Цветан Цветанов: Днес имаме 3–4 проведени операции. **Говорим** за 73 килограма хероин, които са за трафик за Испания, говорим за количество около килограм кокаин, килограм хероин...*

*Източник: 08.04.2010, Тази сутрин (bTV): Ани – Къде, къде е това? – Цв. Цветанов – На територията на София. **Говорим** за количества алкохол, над 5 тира и също така във един винзавод, няма да споменавам името на винзавода...*

*Източник: 05.02.2010г., Панорама: Б. Василев: Хайде да **видим** разбираме ли се?*

*Източник: Интервю на президента Георги Първанов за предаването «Седмицата» на Дарик радио: Бойко Василев: Добре, вие споменахте «Българската Коледа» преди малко, също ще **видим** и друг вид благотворителност по празниците...*

Приведените факти показват, че употребата на окончание *-ме* за 1 л. мн. ч. сег. време при глаголите от 1 и 2 спрежение (т. нар. «мекане») не е «масова грешка», а случайно и нискочестотно явление дори в устната форма на съвременния български книжовен език. Книжовноезиковата норма се спазва, а отклоненията от нея могат да се обяснят с младостта и доскоро тясната социална база на представителната форма на българския език.

Една от широко дискутираните книжовноезиковите норми със семантичен и прагматичен характер е нормата за употреба на възвратното притежателно местоимение при едновременна посесивност и рефлексивност. На български могат да се съставят две граматически правилни изречения: *Той изяде **своя** сандвич* и *Той изяде **неговия** сандвич*. Всяко от тези изречения обаче е уместно в различен контекст в зависимост от зададената от целия текст прагматична и референтна рамка.

В Граматика 1983 / 1995 са въведени различни правила за употребата на пълните и кратките форми в зависимост от лицето: в 1 и 2 л. има дублетност

между *мой*, *твой* и *свой*, но е правилно само *си*. В 3 л., където има възможност за референциален конфликт, при едновременна посесивност и рефлексивност се допуска само възвратното притежателно местоимение *свой* и *си*. В Официален правописен 2012 кодификацията не засяга 1 и 2 л. и се концентрира само върху 3 л. заради възможния референциален конфликт, където потвърждава задължителната употреба на възвратно притежателно местоимение при едновременна посесивност и рефлексивност. Специалистите са на мнение, че в публичната реч много често възвратното притежателно местоимение неправилно се замества с обикновено притежателно местоимение.

Въпреки очевидната разлика в референцията при изреченията от типа на *Той изяде своя сандвич* и *Той изяде неговия сандвич* лесно могат да бъдат намерени примери на неправилна замяна на възвратното с обикновено притежателно местоимение, особено в интернет пространството. При това, независимо от очакванията, не настъпва срив в комуникацията. В изречението *Учени: Мечът на джедая е опасен за неговия собственик* прагматиката спомага за правилната интерпретация на притежателя: тъй като собственик на това оръжие може да бъде само джедаят, употребата на възвратно притежателно местоимение: *Мечът на джедая е опасен за своя собственик*, като че ли е редундантна. В следващите две изречения е употребено обикновено притежателно местоимение: *Фатмагюл взе 300 000 евро обезщетение за нейна снимка в реклама на шампоан* и: *Роналдо кръшна на Ирина с нейна колежка*, въпреки че в първото от тях подлогът е притежател и трябва да се употреби възвратно притежателно местоимение. Знанията за света подпомагат правилното възприемане на информацията: за първото изречение – не е възможно някой да получи парично обезщетение за публикуването на чужда снимка; за второто изречение – футболистите нямат жени колежки. Впечатлението на специалистите е, че подобни грешни замени на възвратното с обикновено притежателно местоимение стават много често. Затова правилната употреба на двете местоимения често е обект на активна книжовноезикова просвета.

Съществува все пак въпрос дали наистина нормата за употреба на възвратното притежателно местоимение в 3 л. се нарушава редовно. Наблюденията върху материал от Корпуса на политическата и журналистическата реч показват, че и тази книжовноезикова норма се следва в много висока степен. Бяха изследвани общо 2498 текста, съдържащи форми за 3 л. на възвратното и на обикновените притежателни местоимения. Само в 64 от тях бяха регистрирани грешни употреби, което представлява 3% от общото количество изследвани случаи. Основно се грешат пълните форми на обикновените притежателни местоимения *негов*, *неин* и *техен*, които се употребяват вместо пълната форма на възвратното притежателно местоимение *свой*, напр.:

Източник: 20. 04. 2010, БНТ «Денят започва»: Меглена Кунева: Знаете ли, вчера вицепрезидентът, казал, че ще започне неговата (вместо своята)

пресконференция с едно изречение, което ми е добре познато, защото, когато бях в задълженията си на комисар, винаги съм започвала с него: «Безопасността преди всичко».

Практически възвратното притежателно местоимение и кратките форми на двата вида местоимения не се грешат. Случаите на неправилни употреби в изследвания материал са от 0.26% за възвратното притежателно местоимение до 0.37% за кратките форми. Отделните изказвания с грешки като следния пример:

*Източник: Парламент – 01.01.2010-30.04.2010: Относно изпълнение на инициативата. В първоначалния **им** (вместо **си**) вид споразуменията и останалите документи, необходими за учредяването на холдинговия фонд, бяха доста объркани и не защитаваха достатъчно интереса на държавата.*

могат да произтичат от спонтанността на устната реч или да имат хиперкоректен характер.

Данните показват, че в официалната публична комуникация нормата за употреба на възвратното притежателно местоимение при едновременна посесивност и рефлексивност се владее, а грешките са в статистически пренебрежими количества, особено при кратката форма на възвратното местоимение и на (теоретично) конкуриращите го кратки форми на обикновените притежателни местоимения (за повече подробности вж. Димитрова 2013).

Обект на горещи спорове и дискусии сред специалистите и в обществото е и бройната форма. В съвременния български книжовен език съществителните от м. р. за лица имат само една форма за мн. ч.: *двама ученици*, *няколко ученици*, *много ученици*, *силни ученици*. Съществителните от м. р. за нелица имат две форми за мн. ч.: обикновена, която се употребява в общите случаи: *много вестници*, *интересни вестници*, и бройна форма, която е задължителна след числителни и местоимения числителни: *два вестника*, *няколко вестника*.

Съвременната кодификация на тази норма от 1945 г. насам е опит да се съвместят особеностите на диалектите, в които след числителни всички съществителни от м. р. имат бройна форма, и диалектите, в които няма изобщо бройна форма. Впечатлението на специалистите е, че разглежданата норма се нарушава, като вместо бройна форма се употребява обикновената форма за мн. ч. при дистантно разположение на числителното и съществителното – когато между тях има още няколко определения (срв. Пашов 1994). Няма обаче системни изследвания на проблема.

Звателната форма в съвременния български книжовен език е наследник на старобългарския вокатив. Тя се е съхранила частично: нормативна, стилистично неутрална и задължителна е при личните имена на мъже, завършващи на съгласна като *Иван*, *Петър*, *Борис* и при личните имена на жени със

суфикс *-ка* като *Бисерка, Бонка, Йорданка, Василка*. Забелязва се обаче тенденция за употреба на общата форма и при тези лични имена. Звателна форма имат и нарицателни съществителни, които могат да се използват като обръщение. В Официален правописен 2012 звателната форма е определена като задължителна, без обаче да се посочват личните имена, при които се среща. Специално са кодифицирани случаите на употреба на звателните форми на думите *господин, госпожа и госпожица*, свързани с речевия етикет след 1990 г. Няма системни изследвания за функционирането на звателната форма в публичната комуникация.

Деепричастието е граматична категория в съвременния български книжовен език, която е възстановена през Възраждането и като морфологична форма, и като семантика под влияние на авторитетни книжовноезикови образци – църковнославянски и руски (вж. История 1986). В съвременния български книжовен език деепричастните конструкции остават рядко и книжно явление. Като аналитичен и глаголен език българският разполага с достатъчно широк синонимен спектър от езикови средства – подчинени изречения и номинативни фрази с причастия. Употребата на деепричастието по традиция се кодифицира в граматиките и в правописните речници. Няма обаче системни наблюдения върху функционирането му в публичната комуникация.

Грамматичните норми в съвременния български книжовен език, които по традиция се кодифицират, са малобройни. Изложените факти и данни показват, че тези норми, за функционирането на които в официалната публична реч има системни изследвания, се спазват във висока степен. Причините за това са следните. След последната правописна реформа от 1945 г. съвременният български книжовен език се развива плавно, като отхвърля остарели и акумулира нови явления според социалните промени в обществото. Липсата на резки промени в кодификацията позволява относителна и достатъчна константност на книжовноезиковите норми. Развитието на българското общество осигурява непрекъснато разширяваща се социална база на книжовния език. Урбанизацията и глобализацията изтласкват в периферията на комуникацията некнижовните форми на съществуване на съвременния български език: диалектите, просторечието, жаргона. Появяват се и живеят вече няколко поколения на носители на книжовния език като роден. Заслуга за това има и българската образователна система. Макар че още от първата половина на XX век до днес задължително по закон да е основното образование, което се придобива след завършен 8. клас, традиционно за българското общество е средното образование (след средата на 90-те години – завършен 12. клас). Това осигурява стабилно усвояване на книжовноезиковите норми от достатъчно широки социални слоеве. По тази причина нарушенията на книжовноезиковите норми, които се обсъждат в публичното пространство, особено в последните години, в известна степен представляват реминисценция на езиковата ситуация от 60-те и 70-те години

на XX век, когато в българското общество протичат бурни процеси на миграция от селото към града, на урбанизация и интелектуализация, в резултат от които се проявяват редица диалектни отклонения от книжовния език. В съвременната епоха – началото на XXI век – книжовноезиковите процеси са с друг характер.

Цитирана литература

Ангелов 2014: Ангелов, А. Изследване върху правилността на употребата на пълен и кратък член при съществителните от мъжки род единствено число в българския печат. – Български език, 2014, кн. 2, с. 72–76.

Вълчев 2009: Вълчев, Б. От историята на българския книжовен език към теорията на книжовните езици. «Оксиарт», София.

Босилков 1986: Босилков, К. Кратка история на българския книжовен език. Сегедски университет «Атила Йожеф», Сегед.

Виденов 2002: Виденов, М. По въпроса за «масовата грешка» в езика на съвременната българска интелигенция. – Български език и литература, 2002, кн. 4 – 5; <http://liternet.bg/publish3/mvidenov/masovata.htm>

Виденов 2003: Виденов, М. Българската езикова политика. Международно социолингвистическо дружество, София.

Гладкова, Ликоманова 2002: Гладкова Г., Ликоманова И. Языковая ситуация: Истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Universita Karlova. Praha.

Грамматика 1983 / 1995: Грамматика на съвременния български книжовен език. Том II. Морфология. Том III. Синтаксис. Издателство на БАН, София, 1-во издание 1983–1985, 2-ро издание 1995.

Димитрова 2013: Димитрова, М. Свой или негов? Си или му? Възвратното и обикновените притежателни местоимения в официалната публична реч. – Български език, 2013, кн. 4, с. 61–76.

История 1989: История на новобългарския книжовен език. Издателство на БАН, София.

Коева, Благоева, Колковска 2011: Коева, С., Д. Благоева, С. Колковска. Проектът Български национален корпус – резултати и перспективи. – Български език, 2011, кн. 3, с. 34–53.

Корпус на българската политическа и журналистическа реч:

<http://www.political.webclark.org/>

Куцаров 2007: Куцаров, И. Теоретична граматика на българския език. Морфология. УИ «П. Хилендарски», Пловдив.

Наредба 1945: Наредба-закон за правописа. – Държавен вестник, бр. 47/27.02.1945.

Нещименко 2003: Нещименко, Г.П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. Наука, Москва.

Ничолова, 2008: Ничолова, Р. Българска граматика. Морфология. УИ «Св. Кл. Охридски», София.

Нов правописен 2002: Нов правописен речник на българския език. «Хейзъл», София.

Официален правописен 2012: Официален правописен речник на българския език. «Просвета», София.

Пашов 1994: Пашов, П. Практическа българска граматика. Второ допълнено издание. «Просвета», София.

Пашов 1962: Пашов, П. За «падежите» на местоименията в съвременния български език. – Известия на Института за български език, кн. VIII, 1962, с. 385–400.

Петрова 2014: Петрова, П. Книжовноезикови норми. Употреба на формите кого, когото, някого, никого, никого. – Български език, 2014, кн. 2, с. 81–82.

Правописен 1983 / 1995: Правописен речник на съвременния български книжовен език. АИ «Проф. М. Дринов», София, 1-во издание 1983, 2-ро издание 1995.

Правописен 1974: Правописен речник на българския книжовен език. Осмо стереотипно издание. Съст. Л. Андрейчин, Вл. Георгиев, Ив. Леков, Ст. Стойков. «Наука и изкуство», София.

Правописен 1945: Правописен и правоговорен наръчник. Ред. Ив. Хаджов, д-р Ст. Стойков, д-р Л. Андрейчин. Дружество на филолозите слависти в България. «Българска книга», София.

Сведения об авторе:

Маргарита Димитрова Тодорова,
доцент доктор / доцент кандидат филологических наук
Институт за български език, Българска академия на науките /
Институт българского языка
Болгарской Академии наук
Margarita Dimitrova Todorova,
Associate Professor Dr. / Associate Professor, Candidate of Philology
Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences
m_t_dimitrova@abv.bg

А.В. Злочевская

**Изучение русской литературы в Чехии и Словакии
(1990–2005 гг.):
Аннотированная библиография**

I. Учебники и учебные пособия, словари

1. *Bínová G., Dohnal J., Pospíšil I.* Panoráma ruské literatury. Boskovice: Albert, 1995. 413 s. Рез. на рус. яз.
Коллективный учебник. Курс истории русской литературы.
2. *Glanc T., Kleňhová J.* Lexikon ruských avantgard 20. století. Praha: Libri, 2004. 373 s.
Биографический словарь. Представители искусства русского авангарда: поэты, художники и др.
3. *Jehlička M.* Ruská literatura 19. století. Praha: UK, 1993. 209 s.
Учебник. Краткий курс истории русской литературы XIX в.
4. *Kopaničák J.* Istorija drevnerusskoj literatury. Bratislava: Univerzita Komenského, 1993. 288 s.
Учебник. Курс истории древнерусской литературы.
5. *Kovačičová O. a kol.* Krátky slovník ruských spisovateľov. Bratislava: FF Univerzity Komenského a Ústav svetovej literatúry SAV, 2003. 254 s. 100 hiesel z ruskej literatúry 11. – 20. storočia.
Словарь-справочник русских писателей XI–XX вв. 100 статей.
6. *Kusá M.* Nové vývinové tendencie ruskej poézie po roku 1945. Bratislava: Metodické centrum mesta Bratislavy, 1995. 22 s.
Учебное пособие. Новые тенденции развития в русской поэзии после 1945 г.
7. *Kusá M.* Ruská próza po roku 1945. Bratislava: Metodické centrum mesta Bratislavy, 1996. 82 s.
Учебное пособие. Новые тенденции развития в русской прозе после 1945 г.
8. *Pašteková S.* Strieborný vek ruskej literatúry. Bratislava: Metodické centrum mesta Bratislavy, 2001. 24 s.
Учебное пособие. Русская литература Серебряного века.
9. *Pašteková S.* Ruský imažinizmus v kontexte európskej literárnej avantgardy.

Bratislava: Metodicko-pedagogické centrum mesta Bratislavy, 2003. 22 s.

Учебное пособие. Русский имажинизм в контексте европейского литературного авангарда.

10. *Pospíšil I.* Úvod do studia literatury pro rusisty. Brno: MU, 1991. 116 s.

Учебное пособие. Введение в литературоведение, ориентированное на проблемы и особенности русской литературы.

11. *Pospíšil I.* Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století. Brno: MU, 1998. 136 s.

Учебник. Очерк истории романа – ведущего жанра в русской литературе до конца XIX в.

12. *Richterek O.* Úvod do studia ruské literatury. Hradec Králové: UHK, Gaudeamus, 2001. 122 s.

Учебник. Введение в историю русской литературы.

13. Slovník ruských, ukrajinských a běloruských spisovatelů / Ed.: I. Pospíšil a kol. Praha: Libri, 2001. 680 s.

Словарь-справочник. Русские, украинские и белорусские писатели.

14. *Sováková J., Celerová J.* Kapitoly z ruské literatury 80. a 90. let 20. století. Ústí nad Labem: UJEP, 1994. 135 s.

Учебник. Очерки истории русской литературы 1980-х – 1990-х гг.

15. *Sováková J., Filipov V.* Přehled ruské literatury (učebnice pro střední školy) Od Slova o pluku Igorově k postmodernismu. Plzeň: Fraus, 1999. 113 s.

Учебник для средней школы. Краткий курс истории русской литературы – от «Слова о полку Игореве» до постмодерна.

16. *Sováková J., Zahradka M.* Literатурные течения и личности русской литературы XX века (1890–1954). Plzeň: FF ZČU, 2000. I ч. 74 s.; II ч. 110 s.

Учебник. Очерк истории русской литературы 1890–1954 гг.

17. *Zahradka M.* Ruská literatura XX století. (Literární proudy a osobnosti). Olomouc: Periplum, 2003. 236 s. Bibliogr.: 229–230. Рез. на англ., нем. и рус. яз.

Учебник. Очерк истории русской литературы 1890–2000 гг., с акцентом на литературный процесс XX в. (советская и эмигрантская словесность). Периодизация, основные течения и их представители, литературные объединения. Рецепция русской литературы в Чехии.

18. *Žitný M., Franek L., Pašteková S., Cvrkal I.* Niektoré kapitoly z moderny a avantgardy. Bratislava: Metodické centrum mesta Bratislavy, 1997. 87 s.

Учебное пособие. История литературы европейского, в том числе русского модернизма и авангарда.

II. Работы сравнительно-исторического характера

19. Areál – Sociální vědy – Filologie / Ed.: I. Pospíšil. Kabinet integrované žánrové typologie. Brno: MU, 2002. 94 s.

Сборник статей ученых Чехии, Словакии, Германии. Интеграционные межкультурные процессы в Центральной Европе, в том числе на материале русской литературы (поэзия Н.А. Некрасова, переводы на словацкий язык советской литературы для детей и юношества и др.).

20. Avantgarda: vzťah české a ruské avantgardy. K 80. narodeninám Jiřího Fraňka. Praha: Národní knihovna ČR, 2002. 144 s.

Сборник статей русистов Чехии. Материалы симпозиума, посвященного 80-летию Й. Франька. Проблемы взаимодействия чешского и русского авангардного искусства.

21. Biele miesta na mape slovensko-ruskej kultúrnej komunikácie. I–IV / Red.: A. Červeňák. Nitra: FHV UKF, 1997–2000.

Сборники статей ученых Словакии и Чехии. Новый взгляд на историю словацко-русских культурных отношений.

22. Červeňák A. a kol. Ruská moderna. I–IV. Nitra: FHV Vysokej školy pedagogickej, 1992 – 112 s.; 1993 – 115 s.; 1993 – 95 s.; 1994 – 87 s.

Сборники статей ученых Словакии и Чехии. Новый взгляд на историю словацко-русских культурных отношений.

23. Červeňák A. Tajomstvo Dostojevského. (F.M. Dostojevskij v recepcii). Nitra: Ústav jazykovej a literárnej komunikácie pedagogickej fakulty, 1991. 139 s. Рез. на рус., англ. и нем. яз.

Монография. Общая характеристика и значение творчества Ф.М. Достоевского; рецепция в Словакии.

24. Červeňák A. Zázračno literatúry I. Ruská klasika. Nitra: FHV Vysokej školy pedagogickej, 1994. 130 s.

Монография. Проблемы русской классики, ее связи с современностью.

25. Červeňák A. Zázračno literatúry II. Komparativistika a slavistika. Nitra: FHV Vysokej školy pedagogickej, 1994. 130 s.

Монография. Словацкая и русская литература: генетические связи и типологические параллели.

26. Červeňák A. Zázračno literatúry III. Rusistika a slovakistika. Nitra: FHV Vysokej školy pedagogickej, 1995. 125 s.

Монография. Проблемы современной русистики и славистики.

27. Červeňák A. Ruská literatúra v súčasnom svete. Nitra: Garmond, 2005. 183 s.

Авторский сборник. Русская изящная словесность в контексте современного литературного процесса.

28. Čechov medzi nami. Zost.: O. Kovačičová; red.: A. Eliáš, M. Kusá, S. Paštěková, Z. Bakošová-Hlavenková. Bratislava: FF Univerzity Komenského, Ústav svetovej literatúry SAV, Divadelná fakulta Vysokej školy múzických umení, 2005. 208 s.

Сборник статей ученых Словакии и Чехии, посвященной 100-летию со дня смерти А.П. Чехова. Жизнь и творчество А.П. Чехова – писателя и драматурга. Современное прочтение и рецепция в Словакии и Чехии.

29. Dorovský I. Mickiewicz, Puškin a Balkán. Brno: MU, FF, 2001. 79 s.

Монография. Сравнительное исследование: творчество А. Мицкевича и А.С. Пушкина в контексте балканских литератур.

30. *Dorovský I.* Slovenské meziliterární shody a rozdíly. Brno: FF MU, 2004. 157 s.

Авторский сборник. Сравнительное исследование славянских, в том числе русской литературы: история литературы, идейно-художественные особенности, традиции, влияния и взаимосвязи.

31. *Európske literárne avantgardy 20. storočia* / Ed.: I. Cvrkal, S. Pašteková. Bratislava: Veda, 2005. 312 s.

Сборник статей ученых Словакии, Чехии, Германии, Италии, Венгрии и России. Проблемы европейского, в том числе русского литературного авангарда: типология, эволюция и основные течения авангардного искусства.

32. *Jak čteme ruské klasiky? Príspevky z konferencie venovane 100. výročí umrti A.P. Čechova* / Red.: R. Hříbková, M. Hrabaková. Praha: Národní knihovna ČR, Slovanská knihovna, 2005. 216 s.

Сборник статей русистов Словакии и Чехии, посвященной 100-летию со дня смерти А.П. Чехова. Современная рецепция: влияние на театр и сценические интерпретации; «птичья символика» в пьесах Г. Ибсена, А.П. Чехова и М. Метерлинка; А.П. Чехов и Чехия.

33. *Kapitoly z moderny a avangardy I–III* / Ed.: I. Cvrkal a kol. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1992, 1995, 1996; I – 185 s.; II – 192 s.; III – 218 s.

Сборники статей ученых Словакии. Искусство модернизма и авангарда, в том числе на материале русской литературы XX в. (А. Белый, С. Есенин, Д. Хармс и др.).

34. *Komendová J.* Středověká Rus a vnější svět: obraz cizích kultur v písemnictví Rusi 11.–14. století. Olomouc: Monse, UP, 2005. 140 s.

Монография. Средневековая Русь и внешний мир: образ чужих культур в памятниках древнерусской письменности IX–XIV вв., «диалогические» отношения, приемы «убеждения» в своей правоте и др.

35. *Kopaničák J.* Dostojevskij a dnešok. Bratislava: Stimul, 1994. 387 s.

Монография. Достоевский и современность.

36. *Králiková M.* Slobodná vôľa človeka, alebo absurdnosť ľudskej existencie? Camus a Dostojevskij. Bratislava: Univerzita Komenského, 2003. 82 s.

Монография. Философская концепция бытия в творчестве Ф.М. Достоевского и А. Камю: свободная воля человека – абсурдность существования. Русско-французские литературные параллели.

37. *Kříž J.* Postavy a světy v klasických dílech moderní prózy. Praha: Práh, 2002. 205 s.

Сборник эссе, посвященных творчеству писателей второй половины XIX–XX вв. (Т. Манн, Г. Грин, М. Пруст, С. Беллоу, Д. Апдайк, Ф. Верфель, Ф.С. Фицджералд, А. Камю, В. Вулф, У. Эко, Ф. Кафка, И. Кальвино, Ж. Перек, О. Хаксли, С. Рушди и др.), в том числе русских (Ф.М. Достоевский, В. Набоков). Философская проблематика в классических произведениях современной прозы.

38. *Kšicová D. a kol.* Východoslovenské literatúry v českém prostředí do vzni-

ku ČSR. Brno: MU, 1997. 210 s.

Сборник статей ученых Чехии. История восприятия восточнославянских литератур (прежде всего русской) в чешской культурной среде до возникновения Чехословакии.

39. *Kusá M. Literárny život, literárne dianie, literárny proces: vnútroliterárne, mimoliterárne a medziliterárne súvislosti ruskej literatúry 20. storočia.* Bratislava: Veda, 1997. 189 s.

Монография. Русская литература XX в.: литературная жизнь, события и литературный процесс (внутрилитературные, внелитературные и межлитературные связи).

40. *Kusá M. a kol. Symbolizmus v kontextoch a súvislostiach.* Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1999. 315 s.

Сборник работ ученых Словакии. Символизм в европейских, в том числе русской (К. Бальмонт, Л. Андреев и др.) литературах.

41. *Litteraria humanitas I. Genologické studie.* Brno: Mu, FF, 1990. 438 s. (Языки: чешский, русский, польский, немецкий).

Сборник статей ученых Чехии, Словакии, России, Польши и др. Проблемы генологии жанра, в том числе на материале русской литературы XVII–XX вв.

42. *Litteraria humanitas II. Genologické studie. K počť profesora Franka Wollmana.* Brno: Mu, FF, 1993. 424 s. (Языки: чешский, словацкий, русский).

Сборник статей ученых Чехии, России, Словакии, США, Польши и др. по проблемам теории жанра (по преимуществу на материале русской литературы XVIII–XX вв.). Наследие Ф. Вольмана и современная славистика.

43. *Litteraria Humanitas. III. Západ – Východ. Genologické studie.* Brno: Mu, 1995. 175 s. (Языки: чешский, польский, русский, французский, итальянский).

Сборник статей ученых Чехии, Словакии, Польши, России и др. Процессы жанрообразования в литературах западной и восточной Европы (в том числе: модификации русского романа XIX–XX вв., типологические параллели с западноевропейской литературой и др.).

44. *Litteraria humanitas IV. Genologické studie. Roman Jakobson.* Brno: Mu, 1996. 529 s.

Сборник статей ученых Чехии, Словакии, России, Польши, Франции, США и др. Наследие Р. Якобсона и современный литературный процесс (теория, методология). Вопросы жанра на материале европейской, в том числе русской литературе (А. Белый, В. Набоков, М. Булгаков и др.).

45. *Litteraria Humanitas. V. Západ – Východ II. Tradice a súčasnosť. (Literárni směry a žánry ve slovanských a západních literaturách jako reflexe stavu světa).* Brno: Mu, 1998. 179 s. (Языки: чешский, словацкий, русский, итальянский).

Сборник статей ученых Чехии, Словакии и Польши. Проблемы жанрообразования в литературах западной и восточной Европы, традиции и современность. В том числе на материале русской литературы XVII–XX вв. («Житие протопопа Аввакума», А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, А. Белый, В. Набоков, Г. Гессе, М. Булгаков, Б. Пастернак, А. Кабаков, В. Рыбаков, В. Маканин, Л. Петрушевский и др.).

46. *Litteraria humanitas*. VI. Alexandr Veselovskij a dnešek / Zost.: I. Pospíšil, D. Kšicová. Brno: Mu, 1998. 302 s. (Языки: чешский, словацкий, русский).

Сборник статей ученых Чехии и Словакии. «Историческая поэтика» А. Веселовского, влияние идей ученого на современное литературоведение.

47. *Litteraria humanitas*. VIII. Komparatistika, genologie, translatologie. Krys-
tyna Kardyni-Pelikanová. Brno: Mu, 2000. 270 s.

Сборник статей ученых Чехии и Польши в честь 70-летия известного польского слависта, профессора К. Кардини-Пеликановой. Проблемы современной компаративистики: методология (генология, постструктуралистическая фаза, герменевтика и др.), межлитературные связи (чешско-польские и чешско-хорватские) и параллели (в том числе *Шушкин – Чехов*) и др.

48. *Litteraria humanitas*. VII. A.S. Puškin v evropských a kulturních souvislostech. Brno: Mu, 2000. 322 s. Sborník materiálů konané 20. a 21. 10. 1999 ve Šlapanicích u Brna. (Языки: чешский, словацкий, русский).

Сборник статей ученых Чехии, Словакии, Украины и др. Литературное наследие А.С. Пушкина в европейском контексте: межлитературные параллели, пушкинские традиции в литературе XX в., рецепция и др.

49. *Litteraria humanitas*. VIII. Komparatistika, genologie, translatologie. Krys-
tyna Kardyni-Pelikanová. Brno: Mu, 2000. 270 s.

Сборник статей ученых Чехии и Словакии в честь юбилея К. Кардини-Пеликановой. Вопросы компаративистики, жанрообразования и перевода на материале литературы средней Европы, в том числе русской.

50. *Litteraria humanitas*. IX. Cesta k duše díla. Miroslav Mikulášek / Zost.: I. Pospíšil. Brno: Mu, 2001. 270 s. (Языки: чешский, русский).

Сборник статей ученых Чехии и Словакии. Издан в честь чешского филолога, профессора М. Миклушека. Герменевтика и «внутренняя форма» произведения.

51. *Litteraria humanitas*. XI. Crossroads of Cultures: Central Europe. Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa. Křižovatky kultury: Střední Evropa. Перекрестки культуры: Средняя Европа. Brno: Mu, 2002. 319 s. (Языки: чешский, русский, немецкий).

Сборник статей ученых Чехии, Словакии, Австрии, Германии и Венгрии. «Мультикультурные процессы» в ареале Центральной Европы, в том числе на «русском» материале (важная роль русской эмиграции в процессе интеграции – Р. Якобсона, Н. Трубецкого и др.).

52. *Litteraria Humanitas* XII. Moderna – Avantgarda – Postmoderna. Brno: Mu, 2003. 425 s. (Языки: чешский, словацкий, русский, английский, польский).

Сборник статей ученых Чехии, Словакии, России, Венгрии. Проблемы модернизма, авангарда и постмодернизма в славянских, в том числе русской литературе.

53. *Mikulášek M. Hledání «duše» díla v umění interpretace. Genologicko-hermeneutická anamnezá anamnezá«vnitřní formy» artefaktu a mytopoidních forem narace.* Ostrava: Ou, Tilia, 2004. 335 s.

Монография. «Внутренняя форма» произведения. «Мифопоидные» формы повествования в литературе XX в. (Я. Гашек, И. Эренбург, И. Ильф и Е. Петров, Дж. Лондон, А. Белый, Л. Андреев, Г. Гессе, М. Булгаков, В. Набоков, Б. Пастернак, Р.М. Рильке, Ч. Айтматов и др.).

54. Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996 / Ed.: M. Kontrišová. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998. 226 s.

Сборник статей ученых Словакии и Чехии. Рецепция русской литературы в Словакии 1836–1996 гг.

55. Slovanský romantizmus – o poetike / Red.: A. Červeňák. Banská Bystrica: FF UMB, 2000. 174 s.

Сборник статей ученых Словакии и Чехии. Проблемы романтизма в славянских литературах, в том числе русской (В.Ф. Одоевский, А.Ф. Вельтман и др.). Поэтика.

56. Slovanský romantizmus – o žánrovosti / Red.: A. Červeňák. Banská Bystrica: FF UMB, 2002. 152 s.

Сборник статей ученых Словакии и Чехии. Проблемы романтизма в славянских литературах, в том числе русской (В.Ф. Одоевский и др.). Жанры.

57. Slovanský romantizmus – poetika romantična / Red.: A. Červeňák. Banská Bystrica: FF UMB, 2002. 198 s.

Сборник статей ученых Словакии и Чехии. Проблемы романтизма в славянских литературах, в том числе русской («Слово о полку Игореве», А. Бестужев-Марлинский и др.). Поэтика.

58. Slovanský romantizmus – obraz človeka v slovanskom romantizme / Ed.: N. Kiseľová. Banská Bystrica: FF UMB, 2005. 200 s.

Сборник статей ученых Словакии и Чехии. Проблемы романтизма в славянских литературах, в том числе русской (и др.). Концепция человека.

59. Slovensko-ruské jazykové, literárne a kultúrne súvislosti / Ved. red.: A. Červeňák. Bratislava, Nitra: FF UKF, Slovenská rada Združenie slovenskej vzájomnosti. Katedra rusistiky FF UKF. Asociácia rusistov Slovenska, 2002. 348 s.

Сборник работ словацких и чешских русистов. Словацко-русские связи и переклички: языковые, литературные и культурные. Рецепция русской литературы (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М. Горький, М. Шолохов, М. Булгаков) в Словакии и Чехии.

60. Tradície a perspektívy rusistiky. Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského / Zost.: O. Kovačičová; red.: M. Jankovičová, M. Kusá, S. Medlenová. Bratislava: Univerzita Komenského, 2003. 381 s.

Сборник статей ученых Чехии, Словакии, России и Польши. Традиции и перспективы русистики: принципы построения курса истории русской литературы, выработка аксиологии, роль идеологии; конкретные вопросы литературного процесса XI–XX вв.

61. Tolstojovský zborník / Zost.: A. Červeňák, E. Kollárová. Banská Bystrica: Krajský pedagogický ústav, 1991. 197 s.

Сборник статей словацких русистов. Л.Н. Толстой: жизнь и творчество, рецепция в Словакии.

62. *Všetička F.* Stavba dramatu. O kompoziční poetice ruského, polského a

slovenského dramatu. Olomouc: Vidavatelství UP, 1996. 142 s.

Монография. Сравнительный анализ композиции драматического произведения на материале русской, польской и словацкой литератур XIX–XX вв.

63. *Východoevropská moderna a její evropský context I, II* / Ed.: Zdražil. Praha: Karolinum, 1999. 193 s.; 2002. 277 s.

Сборники статей русистов Чехии и Словакии. Модернизм в восточнославянских, в том числе русской литературах.

64. *Z dejin europskych literatur 20. storocia* / Ed.: I. Cvrkal. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 2002. 142 s.

Сборник статей ученых Словакии по проблемам эволюции европейских литератур (прибалтийских, итальянской и др.) XX в. Новая русская литература (1890–1932 гг.): истоки, основные тенденции развития, связи с европейским контекстом.

65. *Zahrádka M. Maxim Gorkij v ohlasech české kritiky přelomu 19. a 20. století*. Olomouc: Česká koordinační rada Společnosti přátel národů východu, 2001. 130 s.

Монография. Творчество М. Горького в восприятии чешской критики рубежа XIX–XX вв.

66. *Zahrádka M. Ruská literatura XIX. století v kontextu evropských literatur. (Osobnosti a dialog literatur)*. Рез. на рус., англ., нем. и франц. яз. Bibliogr.: 161–164 s. Olomouc: Periplum, 2005. 279 s.

Монография. Обзор истории русской литературы XIX в. Творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого и др. в контексте европейской изящной словесности: влияние на них французской, немецкой, английской и др. литератур, рецепция в Европе, переводы их произведений на европейские языки и их собственная переводческая деятельность.

III. Исследования, охватывающие несколько периодов развития русской литературы

67. *Drozda M. Narativní masky ruské prózy. Od Puškina k Bělému*. Praha: UK, 1990. 260 s.

Монография. Эволюция приемов повествования в русской литературе XIX–XX вв. (А.С. Пушкин, Л.Н. Андреев, А. Белый, И.А. Бунин, М.А. Булгаков и др.).

68. *Eliáš A., Kovačičová O., Kusá M. Romantizmus reflektujúci a reflektovaný*. Bratislava: Stimul, 1997. 176 s. Рез. на англ. и франц. яз.

Сборник статей словацких русистов. Роль рефлексии в поэзии русского романтизма (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев и др.). А.С. Пушкин и русская поэзия XX в. (М. Цветаева, В. Маяковский, А. Ахматова и др.).

69. *Honzík J. Dvě století ruské literatury*. Praha: Torst, 2000. 426 s.

Сборник статей. Русская литература XIX–XX вв. («Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, «Нравы Растеряевой улицы» Г. Успенского, «Анна Снегина» С. Есенина, поэзия русских символистов, И. Анненского, А. Ахматовой и др.).

70. *Kovačičová O.* Kontexty ruskej literatúry. Aspekty tradície v ruskej literatúre 11–20. storočia. Bratislava: Veda, 1999. 214 s. Bibliogr.: s.159–184. Рез. на англ. и рус. яз.

Монография. Русская литература XI–XX вв.: роль традиций (прежде всего фольклорных) в литературном процессе.

71. *Kšicová D.* Secese. Slovo a tvar. Brno: MU. 1998. 320 s.

Монография. Художественный стиль эпохи модернизма: корреляции между явлениями словесного и изобразительного искусств рубежа XIX–XX вв., развитие русского и чешского модернизма в русле художественного процесса и др.

72. *Mathauser Z.* Báseň na dosah Eidosu. Ke stopám fenomenologie v ruské literatuře a literární vědě. Praha: UK, FF, Národní knihovna ČR, Slovanská knihovna, 2005. 375 s.

Монография. Эйдос в поэзии. По следам феноменологии в русской литературе и литературоведении.

73. *Pospíšil I.* Od Bachtina do Solženicynovi. Srovnávací studie. Brno: Albert, 1992. 131 s.

Монография. Сравнительное исследование: прозаические жанры русской литературы от древнерусской до XX-го столетия (М. Бахтин, Ф. Булгарин, В. Солоухин, В. Белов и др.).

74. *Pospíšil I.* Fenomén šílenství v ruské literatuře 19. a 20. století. Рез. на англ. и рус. яз. Brno: MU, 1995. 151 s.

Монография. Тема *безумия* в русской литературе XIX–XX вв. (П.Я. Чаадаев, А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков и др.): культурологические и историко-философские корни феномена, поэтика, жанровые формы.

75. *Pospíšil I.* Genologie a proměny ruské literatury. Brno: MU, 1998. 154 s.

Авторский сборник. Проблемы генологии литературных жанров: анализ текста, автор, читатель и движение литературного процесса – на материале русской литературы.

76. *Svatoň V.* Z druhého břehu. Studie a eseje o ruské literatuře. Praha: Torst, 2002. 604 s.

Авторский сборник. Русская литература: взгляд с «другого берега»; методология изучения романа.

77. *Svatoň V.* Proměny dávných příběhů. O poetice ruské prózy. Praha: UK, FF, Ústav slavistických a východoevropských studií, 2004. 343 s.

Монография. М.М. Бахтин и «формальная школа». Современная русистика. П.Я. Чаадаев и В.В. Розанов. Русский роман: теория жанра и роль мифа в романе нового времени (А.М. Ремизов, Ю. Мамлеев и др.).

78. *Všetička F.* Stavba prózy. Olomouc: UP, 1992. 152 s.

Монография. Анализ прозаического произведения (тема – сюжет – композиция) на материале русской литературы XIX–XX вв.

79. *Zadrazil L. et al.* Kulturní, duchovní a etické kořeny Ruska: tradice a alternativy. Praha: Knihovna AV ČR, 2005. 215 s.

Сборник работ ученых Чехии и Словакии. Россия: духовные и этические корни.

80. *Zahrádka M.* Lev Nikolajevič Tolstoj a ruská próza. Stránky z historie ruské válečné prózy 1812–1917. Olomouc: Danal, 1996. 215 s.

Монография. Эволюция русской военной прозы – от Л.Н. Толстого до Первой мировой войны (творческий метод, направления и стили, жанры и др.).

81. *Zahrádka M.* Toulky s ruskými spisovateli. Olomouc: UP, FF, 2003. 123 s.

Авторский сборник. Эссе о русской литературе и писателях: А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М. Булгаков, М. Шолохов, Г. Бакланов, ч. Айтматов, Д. Гранин и др.

82. *Zahrádka M.* Ruská literatura XIX. století v kontextu evropských literatur. (Osobnosti a dialog literatur). Olomouc: Periplum, 2005. 279 s.

Русская литература XIX – начала XX вв. в контексте европейского художественного процесса: традиции, влияния и взаимосвязи; творческая личность и диалог культур.

IV. Древнерусская литература и русская литература XVIII в.

83. *Kovačičová O.* Kontexty staršej ruskej literatúry. Bratislava: s.n., 1996. 151 s. Bibliogr., lit., reg., res. angl., rus.

Монография.

84. Osemnásťte storočie v ruskej literatúre / Red.: O. Kovačičová. Bratislava: Stimul, 1996. 132 s.

Сборник статей словацких русистов. Русская литература XVIII в.

V. Русская литература XIX в.

85. *Antoš M.* Literatúra a čas. Nitra: UKF, Spolok slovenských spisovateľov, 2002. 190 s.

Монография. Русская литература XIX в. (2-я половина): писатель и время, анализ произведений и др.

86. *Červeňák A.* Dostojevského sny (Eseje a štúdie o snoch a Dostojevskom). Pezinok: FORMAT, Agentúra Fischer and Typo Set, 1999. 199 s.

Монография. Биография, личные качества и черты характера Ф.М. Достоевского. Творчество: иррациональное начало, сны и их значение.

87. *Červeňák A.* Človek v texte. (Dostojevskij a esteticko-antropologická koncepcia literatúry). Nitra: Pedagogická fakulta UKF, Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, 2002. 247 s.

Монография. Современное прочтение творчества Ф.М. Достоевского: «трехмерная» антропоцентрическая модель мира (человек в единстве его «природной имманентности, социальной реализации и духовной трансцендентности»), полифонический роман как «живой образ» гармонии «неэвклидова типа» и прообраз физико-математической модели мирозда-

ния, предвосхитивший теорию А. Эйнштейна, парадоксальные постулаты Н. Бора, теорию многоценностной логики польского ученого Й. Лукашевича.

88. *Červeňák A. Začiatky a konce. Bratislava: Médium, 2002. 108 s.*

Монография. История русской литературы XIX в., ее идейно-художественные особенности и др.

89. *Červeňák A., Ferko M., Hajko D., Tužinský J., Ferenčík J. Rozjímanie o veľkom inkvizítovi: F.M. Dostojevskij. Bratislava: Vydavateľstvo Spolku slovenských spisovateľov, 2005. 131 s.*

Сборник статей ученых Словакии о творчестве Ф.М. Достоевского. «Легенда о Великом инквизиторе»: размышления и дискуссии.

90. *Hříbková R. Umělecko-filozofická koncepcie dětství v tvorbě F.M. Dostojevského. Praha: UK, Pedagogická fakulta, 1998. s.*

Монография. Тема детства в творчестве Ф.М. Достоевского: философская концепция, аксиология, художественное решение и др.

91. *Jehlička M. Lev Tolstoj – vypravěč a vizionář. Ústí nad Labem: Ústav slov.-germ. studií UJEP, 1999. 222 s.*

Монография. Творчество Л.Н. Толстого. Художественный стиль писателя как синтез видения и провидения.

92. *Jehlička M. Alexandr Sergejevič Puškin: K dvoustému výročí narození. Praha: Solín, 2000. 84 s.*

Монография о А.С. Пушкине. Жизнь и творчество.

93. *Kautman F. F.M. Dostojevskij – věčný problém člověka. Praha: Academia, 2004. 256 s.*

Монография. Творчество Ф.М. Достоевского: вечные проблемы человеческого бытия.

94. *Pospíšil I. Proti proudu. Studie o N.S. Leskovovi. Brno: Sprint-Print, 1992. 101 s.*

Монография. Творчество Н.С. Лескова: поэтика и искания в области жанра.

95. *Pospíšil I. Spravedlnost Krisna a Velikého Inkvizitora u Nikolaje Berd'ajeva. Brno: Etika, 1992.*

Монография. «Легенда о Великом Инквизиторе» Ф.М. Достоевского в контексте философии Н. Бердяева.

96. *Pospíšil I. Na výspě Evropy. Skici a meditace k 200. výročí narození A.S. Puškina. Brno: MU, 1999. 106 s.*

Авторский сборник. Заметки и размышления в связи с 200-летием со дня рождения А.С. Пушкина. Пушкин – поэт, прозаик, публицист, литературный критик и др.

97. *Sekera J. Černý mnich. A.P. Čechov – osobnost a dílo. Senov u Ostravy: Tilia, 2002. 166 s.*

Монография. А.П. Чехов – личность и творчество. Значение мистической повести «Черный монах» в жизни писателя.

VI. Русская литература XX в.

98. *Abrahám P.* Роман «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова. Brno: MU, 1993. 212 s.

Сборник работ. Жанр романа в русской литературе. «Мастер и Маргарита»: проблематика, сюжеты, поэтика и др.

99. *Antoňák A.* Socio-kulturná innterpretácia románov M. Šolochova (Tichý Don, Rozoraná celina). Prešov: PU, 1997. 187 s.

Монография. Романы М. Шолохова: опыт социо-культурного прочтения («Тихий Дон», «Поднятая целина»).

100. *Antoňák A.* Sociokultúrna interpretácia umeleckého textu (na textoch ruskej literatúry a kultúry). Prešov: FF PU, 2004. 112 s.

Монография. Опыт социокультурного прочтения художественного текста на материале русской литературы XX в.

101. *Červeňák A. a kol.* Ruská moderna. I–IV. Nitra: FHV Vysokej školy pedagogickej, 1992. 112 s.; 1993. 115 s.; 1993. 95 s.; 1994. 87 s.

Сборники статей словацких русистов. Литература русского модернизма (Л.Н. Андреев, А. Белый, К. Бальмонт и др.): эволюция, течения, поэтика и др.

102. *Dohnal J.* Povídková tvorba Leonida Nikolajeviče Andrejeva. Brno: MU, 1997. 134 s.

Монография. Проза Л.Н. Андреева: проблематика, сюжеты, поэтика и др.

103. *Eliáš A., Kovačičová O., Kusá M.* Kontexty ruskej moderny. Bratislava: Stimul, 1996. 98 s.

Сборник статей словацких русистов. Русский модернизм (К. Бальмонт и др.).

104. *Glanc T.* Videnije russkich avantgardov. Рез. на нем. и венгр. яз. Praha: Karolinum, 1999. 175 s.

Монография. Поэзия русского авангарда: течения, персоналии, поэтика и др.

105. *Chlupáčová K., Zdražilová M.* Texty a kontexty Andreje Platonova. Praha: Karolinum, 2005. 190 s.

Монография. Творчество А. Платонова: сюжеты, поэтика, анализ текстов.

106. *Filipová H. V.* Высоцкий. Путь от барда к поэту. (Становление и развитие поэтической системы В.С. Высоцкого). Brno: MU, 2002. 199 s.

Монография о творчестве В. Высоцкого.

107. *Kurka V.* Новая проза как социокультурный феномен (к некоторым вопросам поэтики новой прозы в контексте деконструктивного характера андеграунда). Prešov: PU, 2000. 103 s.

Монография. Проза андеграунда как социокультурный феномен. Роль деструктивного фактора в эволюционном процессе.

108. *Kusá M., Maliti E.* Symbolizmus ako princíp videnia. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1996. 175 s.

Монография. Символизм как художественный принцип видения мира, на материале русской литературы рубежа XIX–XX вв.

109. *Matyusova Z.* Cestou k človeku. (Viktor Astafjev a jeho doba). Nitra: UKF, 2003. 162 s.

Монография. Жизнь и творчество В. Астафьева: гуманистическое содержание, писатель и время.

110. *Mikulášek M.* Žánrová polyfonie a myšlenkový svět soudobé sovětské dramatické tvorby. Praha: SPN, 1990. 120 s.

Монография. Советская драматургия 1980-х гг.: круг идей и жанровая полифония.

111. *Morávková A.* Křížová cesta Michaila Bulgakova. Praha: Paseka, 1996. 181 s.

Монография. «Крестный путь» М.А. Булгакова: жизнь и творчество, анализ произведений.

112. *Muránska N.* Fantastická trilógia Michaila Bulgakova. (Diaboliada). Nitra: UKF, 2003. 117 s. Рез. на рус. и англ. яз.

Монография. Фантастическая трилогия М.А. Булгакова: «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце».

113. *Muránska N.* Román Michaila Bulgakova Majster a Margaréta. Nitra: UKF, 2005. 172 s.

Монография. «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова: проблематика, сюжеты, поэтика и др.

114. *Pašteková S.* Bunin, Andrejev, Jesenin. Štúdie z ruskej moderny a avantgardy. Bratislava: Veda, 1997. 112 s.

Монография. И. Бунин, Л. Андреев, С. Есенин - исследования о русском модернизме и авангарде.

115. *Pospíšil I.* Spálená křídla. Malý průvodce po české recepci ruské prózy 70. a 80. let 20. století. Brno: MU, 1998. 181 s.

Авторский сборник. Русская советская литература 1970–1990-х гг.; рецепция в Чехии.

116. Русский язык, литература и культура на рубеже веков / Red.: O. Kovačičová. Bratislava: Asociácia rusistov Slovenska, 1999. Ч. 1. 267 s., Ч. 2. 257 s.

Тезисы докладов на конгрессе МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже XIX–XX вв.

117. *Ryčlová I. Bílý tanec. Tragédie Valpržina noc aneb Komturovy kroky Venedikta Jerofejeva v kontextu ruské dramatiky postmoderního období.* Brno: MU, 2001. 153 s.

Монография. Творчество Вен. Ерофеева в контексте современного искусства постмодерна, прежде всего русского. Трагифарс «Вальпургиева ночь» как образец эстетики постмодерна.

118. *Sisák M. Variácie ruskej prózy 70. rokov XX storočia.* Prešov: PU, 1999. 87 s.

Авторский сборник. Русская советская проза 1970-х гг.

119. *Stříbrný věk ruské moderny. Sborník k 80. narozeninám Jiřího Honzík / Sest.: M. Hrabáková.* Praha: Národní knihovna ČR, Slovanská knihovna, 2004. 148 s.

Сборник статей ученых Чехии, Словакии и др. Издан в честь чешского филолога Ю. Гонзика. Русская поэзия и проза Серебряного века (Л. Андреев, А. Белый, Вяч. Иванов, О. Мандельштам и др.). Традиции русского модернизма в советской литературе.

120. *Vávra J. Óda, elegie a balada v ruské a sovětské poezii.* Praha: UK, 1990. 263 s.

Монография. Жанры оды, элегии и баллады в русской советской поэзии. Эволюция жанров.

121. *Zahrádka M. Dogmata a živý literární proces. (Jak vznikala úzká norma socialistického realismu a jak s ní ruská literatura bojovala).* Olomouc, 1992. 80 s.

Монография. Возникновение и формирование нормы «социалистического реализма»: борьба идеологического канона и живого литературного процесса.

122. *Zahrádka M. Ruský literární proces konce 80. a začátku 90. let.* Olomouc: UP, 1994. 74 s.

Монография. Тенденции развития литературы в России конца 1980-х – начала 1990-х гг.

123. *Žena v moderní ruské literatuře.* Praha: UK, FF, 2003. 239 s.

Сборник статей ученых Чехии и Словакии. Женщина в русской литературе XIX–XX в.: женские образы, положение в обществе, женщины – поэты и др.

VII. Проблемы перевода

124. *Antologie teorie uměleckého překladu / Zost.: M. Hrdlička, E. Gromová.* Ostrava: Ostravská univerzita, 2004. 344 s.

Антология. Теория художественного перевода (в том числе на материале переводов русской литературы).

125. *Hrala M., Belisová Š., Kalivodová E., Masnerová E., Veselý J. a kol. Kapitoly z dějin českého překladu.* Praha: Nakladatelství Karolinum, 2002. 269 s.

Коллективная монография. Очерки по истории перевода в чехии (в том числе на материале переводов русской литературы).

126. K otázkam teórie a dejín prekladu na Slovensku 1–3 / Zost.: K. Kenížová-Bednárová. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV. 1993–1995. 1. 280 s.; 2. 221 s.; 3. 280 s.

Сборник статей словацких ученых по проблемам перевода: теория и история в Словакии (в том числе на материале переводов русской литературы).

127. *Kusá M., Lesňáková S., Maliti E., Pašteková S., Tesarová J.* Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996. Stručné dejiny umeleckého prekladu na Slovensku. Zv. 3. Ruská literatúra. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998. 228 s.

Коллективная монография словацких ученых по проблемам перевода русской литературы в Словакии.

128. *Kusá M.* Preklad ako súčasť dejín kultúrneho priestoru. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 2005. 173 s.

Монография. Перевод как составляющая истории культурного пространства, в том числе на материале русско-словацких литературных переводов.

129. O prekladoch Biblie do slovenčiny a do iných slovanských jazykov / Ed.: Ján Doruľa. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 1997. 284 s.

Сборник статей словацких авторов. Перевод Библии на славянские, в том числе русский языки (Г. Гнозов и др.).

130. *Richterek O.* Dialog kultur v uměleckém překlade. Příspěvek k česko-ruským vztahům. Hradec Králové: Gaudeamus, 1999. 188 s.

Монография. Роль художественного перевода в чешско-русских культурных отношениях.

131. *Sipko J.* Этнокультурный базис русско-словацких переводов. Prešov: Náuka, 1999. 143 s.

Монография.

132. *Uličná O.* Kritika překlada v praxi. Texty z českých překladů z současné ruské literatury. Praha: Karolinum, 1997. 169 s.

Монография. Критика чешских переводов современной русской литературы.

133. *Valcerová-Bacigálová H.* Vzťah významu a tvaru v preklade poézie. Preklady poézie A. Voznesenského do slovenčiny a češtiny. Prešov: PU, 1999. 220 s.

Монография. Проблемы перевода: соотношение смысла и формы в поэтических переводах; поэзия А. Вознесенского в словацких и чешских переводах.

134. *Zambor J.* Báseň a ticho: o poézii slovenských, ruských a španielskych básnikov. Bratislava: Národné literárne centrum, 1997. 190 s.

Монография. Проблемы поэтического перевода, в том числе на материале творчества русских поэтов (А. Ахматова, и др.).

135. *Zambor J.* Preklad ako umenie. Bratislava: Univerzita Komenského, 2000. 239 s.

Монография. Проблемы поэтического перевода, в том числе на материале творчества русских поэтов (М.Ю. Лермонтов, и др.).

Список сокращений

ČR – Česká republika
FF – Filologická fakulta
FHV – Fakulta humanitních vied
MU – Masarykova univerzita
OU – Ostravská univerzita
PU – Prešovská univerzita
SPN – Státní pedagogické nakladatelství
UHK – Univerzita Hradce Králové
UJEP – Univerzita J.E. Purkyně
UK – Univerzita Karlova
UKF – Univerzita Konštantína Filozófa
UMB – Univerzita Mateja Bela
UP – Univerzity Palackého
ZČU – Západočeská univerzita

Сведения об авторе-составителе:

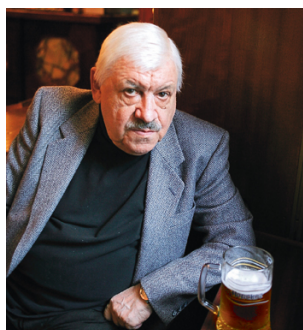
Алла Владимировна Злочевская,
докт. филол. наук
ст. научн. сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla Zlochevskaya,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Имена. События. Судьбы

В.Г. Моисеева

Демон, домовый, писатель

Аннотация: Автор анализирует творческую судьбу русского писателя второй половины XX – начала XXI в. В.В. Орлова. Исследованы грани характера главного героя его романов в связи с особенностями мировоззрения писателя.

Ключевые слова: В.В.Орлов, современная русская проза, мистический реализм, сатира

Abstract: The author analyzes the creative destiny of the Russian writer of the second half of XX – beginning of XXI c. V.V. Orlov. The verge of the

personality of the main character of his novels were investigated due to the specific writer's worldview.

Key words: V.V. Orlov, contemporary Russian prose, mystical realism, satire

В августе этого года рядом с датой рождения Владимира Викторовича Орлова – 31 августа 1936 – появилась вторая: 5 августа 2014. Место рождения, смерти и жизни – Москва. Москва же – место действия и герой большинства его произведений.

Грустное это событие напомнило, что уже давно хотелось прочесть последнее из написанного писателем, посмотреть критику последних лет о нем. Оказалось, что об Орлове пишут удивительно мало. Хотя много издают, переиздают, много читают, и на обложках книг именуют «классиком современной литературы». Сам Орлов объяснял равнодушие со стороны современной критики ее ангажированностью и своим «внепартийным» статусом. Знаменательно, что такая ситуация вокруг писателя сложилась не сегодня, и даже не вчера. Так было и в далекие шестидесятые. Писатель вспоминает историю, связанную с появлением фельетона на его роман «После дождичка в четверг» (1968): когда один из моих знакомых спросил у автора той публикации: «Чего ты ему приписал-то?», он отвечал: «А мне сказали, что Ор-

лова тронуть можно – он один, сам по себе»¹. Это «сам по себе» многое объясняет в отношении критики к Орлову. Но можно предположить, что есть и другие причины. Современной критике, как А.Б. Чаковскому когда-то, после выхода в свет «Альтиста Данилова» проза Орлова может показаться вторичной, простоватой. «Булгаковым для бедных» назвал его А.Б. Чаковский, тогда главный редактор «Литературной газеты». Эта уничижительная характеристика несправедлива и в отношении Орлова, и в отношении его читателей.

Сам Орлов довольно сдержанно оценивал свое место в литературе: «...писатель – это все-таки какая-то общественная фигура... Я просто сочинитель, я не трибун, ничего такого»². На вопрос читателей, как он себя видит в литературном процессе, Орлов отвечает – «никак»: «Был такой художник Ван Эйк. Он подписывал свои работы “Как умею”. Вот и я сочиняю, как умею»³. По его мнению, «в творческой судьбе русского литератора существенным должно быть терпение и способность сохранить самостоятельность своей личности. И необходимо делать то, что ты умеешь и любишь делать»⁴.

Факты биографии писателя позволяют причислить его к диссидентам (и не печатали более 7 лет, и цензура его тексты корежила, готовые наборы произведений рассыпались), можно назвать его одним из родоначальников жанра фэнтези, определить в разряд классиков мистического реализма, социальной сатиры. Но он упрямо отрекается от всех наименований, не желает подпадать под какие-то категории. Вспоминая о годах, когда практически бедствовал, потому что не публиковали, он, как бы предупреждая желание увидеть в этом его положении какой особый героизм, говорит, что «диссидентом себя не ощущал, просто было трудно: отец с матерью болели, с деньгами тяжело – 70 рублей в месяц»⁵. И шестидесятником именоваться отказывается⁶. В «Альтисте Данилове» не видит открытия новой «жанровой традиции»: ведь были уже Гофман, Гоголь, Булгаков⁷.

Не был, не состоял, не участвовал. Просто жил, просто писал. Последовательно, в интервью разных лет и – самое главное – в своей прозе Орлов от-

¹ *Беликов Ю.* Застывший мед времени Ч.: интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 134.

² *Андреева О.* Я только сочинитель: интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 128.

³ Путешествие в «Камергерский переулочек»: беседа В. Орлова с читателями // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 152.

⁴ *Орлов В.* Автобиографические заметки // Орлов В. Шеврикука, или Любовь к привидению. М.: АСТ; Астрель, 2004. С. 419.

⁵ *Андреева О.* Я только сочинитель: интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 132.

⁶ *Беликов Ю.* Застывший мед времени Ч.: интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 135.

⁷ *Андреева О.* Я только сочинитель: интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 128.

стаивает эту позицию, – на ум приходит пушкинское слово, – «самостоянье человека» как норму и основу жизнь.

Главный герой в романах Орлова при всех внешних различиях – демон-скрипач, трехстолбовой домовый, останкинский аптекарь, стриптизер в ночном клубе и др. – один. Его кредо, перефразируем Б.Л. Пастернака, – «быть собой, собой и только, собой и только до конца». Правда, кредо для этих героев слишком громкое слово. Никаких таких высоких целей они перед собой не ставят, и сил своих не знают. История героя – всегда самооткрытие его.

Вспомним альтиста Данилова – милый, приятный, интеллигентный и довольно-таки перед жизнью беззащитный. Крутится, зарабатывает, чтобы платить за два кооператива (свой и бывшей жены: как человек благородный, он не мог не оставить ей квартиру), за свой уникальный инструмент – скрипку Альбани, а еще бегаёт по поручениям своей бывшей жены Клавдии; ему даже брюки взять из химчистки некогда. А ведь он демон, хоть наполовину (папа – демон, мама – земная женщина), хоть и на договоре, но демон: в молниях купается, на Гималаи летает, на собрания к домовым заходит. Но это все внешний антураж, а по сути и там он остается прежним Даниловым. В земных делах свои демонические способности использует, только отзываясь на чью-то боль или просто жалобу или в целях воспитательных, как в случае с наглыми подростками: «Вышли на улицу – Данилов, а за ним и раззадоренная ватага юнцов, готовая Данилова растерзать... Данилову было не по себе, казалось, от него теперь ничего не зависело, ватага волокла его, куда желала, злые, пьяные глаза пугали и не оставляли надежд... Данилов и нож разглядел справа в лихой руке... свора сбилась плотнее. ...Данилов... сдвинул пластинку браслета. Прохожие люди и зрительницы из окон, только что ожидавшие увидеть происшествие, удивились повороту событий. Не только не случилось смертоубийства, но, казалось бы, вот-вот должно было начаться взаимное сердец лобызание. Барышням Данилов вернул невинность, и теперь они, ощутив приобретение, стояли печальные, строгие, будто попавшие в чужую жизнь, а на Данилова смотрели глазами Веры Холодной. Парни получили взгляды работников детских комнат, во всем желали видеть нравственный порядок и совершенство душ»¹. Как хотели бы многие милые интеллигенты даниловского типа обладать такой демонической силой, чтобы суметь противостоять хамству, наглости, агрессии. Но такое «демоническое самоуправство» Данилов позволяет себе редко, в земных делах он положил себе за правило оставаться во всем с людьми на равных. Рассказ о Данилове – это история его испытания: творчеством, любовью, временем «Ч» – смертью. Данилов время от времени повторяет себе от кого-то услышанную фразу – «боящийся не совершенен в любви», и ради этой любви – к жизни, женщине, музыке, без которой для него нет любви и жизни, – преодолевает свои

¹ Орлов В. Альтист Данилов. М.: Астрель; АСТ, 2010. С. 317–318.

страхи и слабости. За что приходится платить повышенной чуткостью ко всей боли и страданиям, существующим в мире: «...так и было обещано Данилову. Будешь совершенствоваться и дерзить в музыке – обостришь вновь обретенную чуткость. Чуткость к волнениям и колебаниям стихийным, к колебаниям и волнениям людским. Так он скоро и от плача голодного ребенка в Пенджабе станет покрываться сыпью. И от стога ветерана, в ком шевельнется оставленный войной осколок... Да мало ли от чего. “Буду терпеть, – думал Данилов. – Да и какой бы я был артист без ощущения боли, хоть бы и твари лесной”»¹. Человеческая сила гораздо более могущественна, чем демоническая.

Искушение всевластьем проходят герои следующего романа останкинской трилогии – «Аптекарь». Является им из бутылки кашинской водки «раба и берегиня», которая должна исполнять их желания. Они от услуг ее отказываются, но она, не имеющая права их покинуть, начинает исправлять их жизни, следуя невысказанным желаниям или представлениям о том, какими хотелось бы быть. И получается все из рук вон плохо, потому что из живых людей, со слабостями и недостатками, они превращаются в функции, иногда не до конца реализованные, – ведь и берегиня не все может. А потом берегиня попадает во власть героя с наполеоновским комплексом – Шубникова: от идеи осчастливить весь мир он приходит к желанию уничтожить всё, потому что ему было отказано в бессмертии, а без него и мира быть не должно. Берегиня обязана выполнить его желание или покинуть этот мир. Она выбирает второе. Помочь осуществить это пусть и символическое, но убийство должен Михаил Никифорович Стрельцов, основной «держатель акций» кашинской бутылки. Он и есть главный герой романа – аптекарь.

В отличие от демона Данилова, Михаил Никифорович Стрельцов подчеркнуто обычен и, на первый взгляд, пассивен. В поступках, речи и даже во внешнем облике присутствует какая-то тяжеловесность: «Рост у него сто семьдесят пять сантиметров, весит он семьдесят девять килограммов. В юности, когда он попал в матросы и узнал прелести флотской кухни, он быстро набрал девяносто два килограмма, клеши на нем были как колокола. Теперь он не толст, живота не имеет, носит подтяжки и производит впечатление крепкого, здорового человека»². В романе происходит множество событий, меняется с появлением берегини останкинская жизнь, – Михаила Никифоровича, находящегося в эпицентре происходящего, как будто все это не затрагивает. Об изменениях в его жизни мы всегда узнаем со слов кого-то, об этом рассказывается, но это не «показывается»: ушел из аптеки, отравился на химическом производстве, даже инвалидность собирались дать, – внешние обстоятельства остаются на периферии повествования, главное – его отношения с той силой, которая воплощена в «рабе и берегине» Любви Нико-

¹ Орлов В. Альтист Данилов. М.: Астрель; АСТ, 2010. С. 504.

² Орлов В. Аптекарь. М.: Астрель; АСТ, 2008. С. 8.

лаевне, способной не только желания «пайщиков» воплотить, но и подчиняющей себе, и с обретшими благодаря ей власть «бесами» – Шубниковым и его командой в «Палате Общественных польз». В этих отношениях Михаил Никифорович, поначалу как бы самоустранившийся и подчинившийся обстоятельствам и возникшему в нем чувству любви к Любове Николаевне, раскрывается как человек долга, наследник и хранитель гиппократовской клятвы врачебного служения: «Он, Михаил Никифорович Стрельцов, – фармацевт, и он избавитель и защитник. То есть он обязан быть избавителем и защитником... Но был ли Михаил Никифорович в последний год в Останкине избавителем и защитником? Не устранился ли? Не отчаялся ли, посчитав, что он бессилён что-либо изменить в этом мире, и не отошел ли малодушно в сторону, предоставляя распухать недоброму? Да, в саду от смерти нет трав. Но сам-то сад должен быть! Сам-то сад должен цвести!»¹ Залог исполнения этого долга – верность самому себе.

Если обратимся к другим романам Орлова, увидим, что везде, в очень разных вариантах, в главных героях присутствует сочетание обыкновенности и исключительности, которую писатель видит именно в стремлении к «самостоянию». В «Альтисте Данилова» один из персонажей говорит о Данилове: «Невысокий вы рангом, да и незаконный родом, а позволяете себе такое...» Сказанное можно отнести ко всем героям писателя: невысоки рангом, а позволяют себе нарушать иерархии, не подчиняться власти имущим и обстоятельствам.

Один из интервьюеров Орлова (Тархова Л.) характеризует героя романа «Бубновый валет» (2000) как «нормального гражданина без особых примет», который, «если судить по прессе и телевидению, публике сегодня не интересен». На подразумеваемый в этой характеристике вопрос о выборе такого «неинтересного» героя Орлов отвечает: «Когда-то, в молодости, я очень ощущал существовавшую в обществе иерархию, все мы были, как бы точнее выразиться, загнаны. Приходил в Дом литераторов, и казалось: они – те, кто сидит в президиумах, издает собрания сочинений, – великие, первые, а мы вроде как самозванцы. Но годы идут, и начинаешь понимать, что никакой такой очереди нет. Есть люди, проживающие свою естественную жизнь. И есть те, кто все время чего-то добывает. Это мои хлопобуды из “Альтиста”, члены научно-инициативной группы хлопот о будущем. Вот это их будущее и пришло... Мне интересна совсем другая жизнь, где человек осуществляет, так сказать, свое достоинство»².

После публикации «Альтиста Данилова» Орлова сравнивали, как мы уже говорили, с Булгаковым. Оценочность этих сравнений была разной, но в основном речь шла об общем для обоих писателей мистическом элементе.

¹ Орлов В. Аптекарь. М.: Астрель; АСТ, 2008. С. 517–519.

² Тархова Л. Кто он, «бубновый валет»? интервью с В.Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 116.

Однако различие в образах героев, отражающее и различие писательских задач, свидетельствует, что функции фантастики в их произведениях различны: Булгаков создает роман-миф, воплощающий его модель мироздания, Орлов в обыденном раскрывает его сущностные потенции. Сходство надо искать не в мистике, а в пересечениях писательских философий жизни. Можно согласиться с мнением (принимаемым и самим Орловым) друга Булгакова Сергея Ермолинского, написавшего: «Сравнение Орлова с Булгаковым может быть чисто поверхностным. Но их объединяет мужественность поступка и раскованность писательского воображения»¹. Мы бы добавили еще одно – безусловность для авторов того, что следование неким нравственным законам определяет человеческую жизнь. Все помнят булгаковские формулы: «рукописи не горят», «трусость... самый страшный порок», «каждому воздастся по вере его» и др., а у Орлова – «боящийся не совершенен в любви», «в саду от смерти нет трав. Но сам-то сад должен быть!». Самые известные произведения Булгакова и Орлова, продолжая пушкинскую традицию, выстраиваются в развернутые максимы, доказывающие незыблемость нравственных законов. Поэтому миры Булгакова, Орлова, при всей чертовщине, гуляющей по их проспектам и закоулкам, так привлекательны для читателя, желающего верить в возможность справедливого устройства мироздания.

Истоки своей писательской манеры, впервые опробованной в рассказе «Что-то зазвенело» (1971), Орлов видит в сказке и романтической традиции, понимаемой им достаточно широко: «Есть жесткие реалисты, которые во всем видят чистую материю, и есть люди, которые живут воображением, и оно им нисколько не мешает. Я как раз отношусь ко второй породе людей, с детства любил сказки. В тех обстоятельствах, в которых я рос: в пять лет испытал бомбежки, еще не поступив в первый класс, попал в Большой театр на дебют Майи Плисецкой. Если бы в нашей жизни не было «Щелкунчика», «Багдадского вора» в кино, то жить было бы очень скучно. Без привязанности к сказке, к фантазийному изображению мира я себя не представляю, это моя натура. “Шеврикука”, “Аптекарь”, “Камергерский переулок”, и сейчас роман, который пишу под условным названием “Лягушки”, – все они написаны в жанре романтизма, но это традиция, которая существует с начала мировой литературы, начиная с “Золотого осла” Апулея, Рабле, Сервантеса, Свифта, Метьюрина с его “Мельмотом Скитальцем”... Естественно, Гоголь, Булгаков. Вот эти люди создали романтическое направление в литературе, очень близкое мне по возможностям передать свою личность, свое миропонимание»².

Но начинал Орлов именно как «жесткий реалист». Первые произведения выросли из журналистского опыта. В них рассказывается о жизни бригады моло-

¹ Цит. по: *Телятникова С.* Увидеть Париж и... влюбиться в Москву: интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 119.

² Путешествие в «Камергерский переулок»: беседа В. Орлова с читателями // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 154.

дых ребят, отправившихся покорять тайгу («Соленый арбуз», 1965); комсомольской стройке в Саянах («После дождичка в четверг», 1968); есть страшная история изнасилования, когда было закрыто судебное дело и девушка решила мстить своим обидчикам сама («Происшествие в Никольском», 1972). Последний роман, написанный по материалу прокурорского письма, пришедшего в газету, Орлов создает уже уйдя из журналистики: «журналистский подход с ограниченным взглядом на жизнь, как и служебный язык, следовало в себе истреблять, переходить к более эмоциональному, емкому языку. В романе “Происшествие в Никольском” я распрощался с этим стилем»¹.

Когда писатель работал еще над «Происшествием в Никольском», его посетил домовый, точнее – во время грибного похода услышалась одна единственная фраза, «вцепилась, будто оса ужалила: “Домовой Иван Афанасьевич ждал субботы”». Причем жало осы не оказалось болезненным. И дальше грибы попадались, и фраза вилась рядом, намереваясь ужалить еще раз...»². Это было начало рассказа «Что-то зазвенело», – рассказа о домовом, который осмелился любить земную женщину, что для них, для домовых, строжайше запрещено, стал жертвой предательства и должен был заплатить за любовь жизнью – быть развеянным, но он сам определил свою судьбу, ушел от судилища, растворившись в мечте, в своем чувстве: «...решение по его делу могло состояться не ранее, чем завтра. А у него оставалась ночь и волшебный плод из рук Екатерины Ивановны. Он достал мандарин и укрепил его в воздухе прямо перед собой. Уж как он им любовался! И запах вдыхал в блаженстве... Он знал, чем это может кончиться. Он знал, что ему следует немедленно оставить мандарин и перестать думать о Екатерине Ивановне. ...Прежде он мог сдерживать себя. А теперь не мог. От неизвестной ему прежде радости нечто прозрачное все больше и больше наполняло ему душу. Как августовский сок наливное яблочко. И вот уж Иван Афанасьевич весь стал прозрачный и звенел при движениях гусевским хрусталем. А когда прозрачное перешло в зеленое, легкая сила подняла Ивана Афанасьевича из стальных колец и повлекла вверх... и с громким звоном хрустального колокола в триста пудов вынесло в синее московское небо. ... – Что-то зазвенело, – сказал я... И тут я почувствовал, что во всем доме стало печально. Будто кто-то умер... А звенящее и зеленое, взблескивающее иногда голубым и желтым, летело над Останкином»³.

Рассказ – первый опыт работы в новом художественном стиле, здесь уже представлены основные приемы построения повествовательной структуры: метафорически-иносказательные описания, ирония, пронизывающая авторский монолог, «одомашнивание» мистических сил – однако очевидна, о

¹ Путешествие в «Камергерский переулок»: беседа В. Орлова с читателями // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 159.

² Орлов В. Лоскуты необязательных пояснений, или хрюша улыбается // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 26.

³ Орлов В. Что-то зазвенело... // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 47–48.

чем свидетельствует и приведенный отрывок, умозрительность метафорических построений, которым недостает эмоциональной убедительности.

С рассказа «Что-то зазвенело» начинается останкинская трилогия, а опубликован он был впервые в 1989 г. в журнале «Сельская молодежь», уже после выхода в свет «Альтиста Данилова» (1980) и «Аптекаря» (1988), хотя брали его в журналы «Юность», «Смена», но наборы по какой-то таинственной причине рассыпались. Ничего политически опасного, идеологически невыдержанного в рассказе, конечно, нет. Но чем-то не нравился домовый Иван Афанасьевич советской цензуре. Наверное, тем, что «осмелился».

После мытарств остросоциальной повести «Случай в Никольском» и фантастического рассказа «Что-то зазвенело» по изданиям и издательствам Орлов и не надеялся на публикацию нового романа, где фантастика и социальная сатира служат для создания многомерного, живого и узнаваемого читателями образа советской действительности 1970-х. Но неожиданно роман взяли в журнал «Новым мир», где он увидел свет в 1980 г. И помог этому домовый Иван Афанасьевич: «Беловой текст романа я уложил в папки, основательно завязал их тесемки и убрал рукопись в ящик письменного стола. И тут мне позвонила Диана Варткесовна Тевекелян, редактор отдела прозы «Нового мира». “Нет ли у вас чего-либо нового?” – был вопрос. “Новое-то у меня есть, – сказал я. – Но с чего бы вдруг возник интерес к текстам неудачливого и несостоявшегося автора «Нового мира»?” “А вот рассказ ваш о любви домового гуляет от читателя к читателю, – сказала Диана Варткесовна, – почему бы и не взглянуть на ваши новые тексты...” И взглянули»¹. Публикация романа готовилась три года. Удивительно, но цензурных требований переделать-переписать не было, за исключением одного, в большей степени комичного, чем содержательного: красного быка, который держит на себе Девять Слоев (т. е. мир демонов и прочих inferнальных существ), надо было переокрасить в другой цвет, поскольку, как выяснилось, Красным быком называли на Западе Ленина. И бык стал синим. Как считает сам Орлов², тому, что роман увидел свет, поспособствовали два обстоятельства: поддержка Родиона Щедрина, написавшего предисловие, и необходимость для «Нового мира» поддержать в глазах цивилизованного мира свой статус самого либерального журнала. Именно в это время на страницах журнала публиковались «бессмертные» произведения Л.И. Брежнева, а вместе с ними удалось выпустить в свет «Картину» Гранина, «Уже написан Вертер» Катаева, «Буранный полустанок» Айтматова, «Самшитовый лес» Анчарова и «Альтиста Данилова».

До сих пор «Альтист Данилов» считается лучшим произведением Орлова, книги писателя 2000-х годов презентуют «от автора культового романа 1980-х».

¹ Орлов В. Лоскуты необязательных пояснений, или хрюша улыбается // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 31.

² См. об этом: Тархова Л. Кто он, «бубновый валет»? : интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 116.

Можно согласиться, что «Альтист Данилов» наиболее известный, наиболее читаемый. Но трудно признать, что лучший. В нем в большей степени, чем в последующих произведениях, ощутимо влияние литературной традиции, повествовательная структура менее метафоризирована, более очевиден подтекст авторских иносказаний. В дальнейшем повествовательная ткань усложняется, иносказательные сатирические образы требуют соотнесения не с конкретными явлениями действительности, а с общими тенденциями, некими категориями, определяющими состояние современного общества.

Орлов считает, что время выхода в свет романов повлияло на их восприятие и оценку: «Альтист Данилов» публикуется тогда, когда ощутим недостаток живой, качественной прозы, «Аптекарь» – в 1988 г.: «“Альтист” ответил какой-то потребности времени, а «Аптекарь»... Еще в 1986 году он мог иметь резонанс, но, будучи напечатанным в 1988-м, оказался обречен. Надо вспомнить, что тогда происходило. Все жили книгами Солженицына, шла волна запрещенных прежде мемуаров, романов. “Аптекарь” напечатали между “Доктором Живаго” Пастернака и “Факультетом ненужных вещей” Домбровского. То были обжигающие остротой, имевшие мученическую судьбу книги, их выход стал событием и политической жизни... И тут появляется книга, где автор, точно игнорируя сиюминутный политический контекст, пытается что-то говорить о вечном...»¹. Орлов, надо отметить, немного лукавит: в книге есть если не политический контекст, то по крайней мере социальная сатира, но, конечно, роман прежде всего о любви, об отношении двоих. Она – непредсказуемая, изменчивая, дитя природы, берегиня и властительница. Он – врачеватель, хранитель основ жизни. Они не могут быть вместе, но и порознь им невозможно быть. Без него она натворит бед, а он без нее – одинок и неприкаян. Орлов не просто рассказывает еще одну любовную историю, он воссоздает вечную модель отношений двух жизненных начал – женского и мужского. Многомерность изображаемому придает фантастичность образа Любви Николаевны: фантастика позволяет реализовать в действии метафорические определения женской натуры – стихийность, изменчивость, естественные природные начала. Романтическая история любви была в конце 1980-х не ко времени.

После «Аптекаря» Орлов долго не писал; «Шеврикука, или Любовь к привидению» (1997) был создан, как говорит сам писатель, в соперничестве со студентами его семинара в Литературном институте: нельзя учить писать писателю непишущему. «Шеврикуку» Орлов определяет, на наш взгляд справедливо, как самое серьезное свое произведение. Но в конце 1990-х публика увлечена Пелевиным и Сорокиным, постмодернизм еще в новинку, и «Шеврикука» оказывается, как сейчас выражаются, «не в тренде». «Но народ не унывает!» – как говорит в финале один из героев «Шеврикуки».

¹ Там же. С. 116.

Орлов продолжает писать – пробует себя в детективном жанре («Бубновый валет», 2000): «После триптиха с определенной останкинской интонацией мне захотелось написать роман от другого лица и другим языком, чтобы не заскучать в этой интонации. ...Поначалу мне было очень трудно находиться в шкуре своего персонажа-газетчика Куделина, а потом я с ним слился и пошли уже куски более яркие по языку»¹; возвращается в «Камергерском переулке» (2008) к фантазмагии. В этом стилевом ключе написаны и последние его романы: «Лягушки» (2011), «Земля имеет форму чемодана» (2013).

Факты писательской биографии как бы сами собой и довольно стройно складываются в образ творческой личности с драматической судьбой, непонятой, *недопрочитанной* в силу обстоятельств времени, да и пострадавшей от этого времени. Но Орлов возражал против такого отношения к себе: «Менее всего мне хотелось, чтобы у кого-либо создалось впечатление, будто автор пожелал вызвать сострадание к себе: вот, мол, весь исколот шипами превратностей жизни. Ну, уж нет. Этот текст вовсе не жалобы турка. Моя судьба российского сочинителя схожа с судьбами многих моих ровесников. Ее следует признать скорее благополучной, нежели требующей сострадания. Никаких доблестей и отваг я не проявлял. Просто жил. “У времени в плену...” – это я не всегда ощущал. Просто существовал в рамках профессиональных потребностей ремесла, выбранного моей натурой. Или (это уже пафосно и красиво) подсказанного моей натуре Провидением. Среди этих профессиональных потребностей одно из важнейших – терпение. И, повторюсь, умение владеть словом так, чтобы не было стыдно за свои сочинения. При этом вопросы свободы и несвободы (для меня) остаются внутренне-личностными, независимыми от того, в плену я у времени или не в плену»².

Такую судьбу писательскую можно, думается, считать счастливой.

Студенты литературного института вспоминают, что Орлов был немного пожош на своих героев – не демон, правда, а московский домовый: «...похожий на своих любимых домовых Владимир Викторович входил в нашу семинарскую комнату, смешно шаркал, смешно картавил, смешно сутулился, носил смешные растянутые свитера и рассказывал множество смешных историй. Мы влюбленно и благодарно хохотали, до хрипоты ругались и при этом твердо знали: вот так, сквозь смех и страсть споров, на нас в упор смотрит настоящая большая литература. Больше не бывает»³.

¹ Карпинос И. Магический реализм: интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 111.

² Орлов В. Лоскуты необязательных пояснений, или хрюша улыбается // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 32.

³ Андреева О. Я только сочинитель: интервью с В. Орловым // Орлов В. Усы: Сб. М.: АСТ, 2013. С. 127.

Стихия смеха, веселья, карнавальной игры окрашивает и прозу Орлова. Описания приключений демона Кармадона, пожелавшего на земле побыть Синим быком, доброжелательно-ироничный рассказ о разного рода бытовых неурядицах жизни посетителей останкинской пивной, женские интриги в мире привидений, история с есенинской бочкой и многое, многое другое – помогают читателю ощутить это карнавальное начало в самой жизни. Смех без обличения и назидания – явление не столь часто встречаемое в русской литературе.

Если читатель входит в орловский мир, проживая с героями какой-то отрезок времени, именно проживая, а не оставаясь сторонним наблюдателем, угадывая в фантастических событиях их жизни реалии своего существования, черты современной эпохи и увлекаясь этой игрой, – так вот, если читатель входит в этот мир, он не может не испытывать чувство легкой грусти, перевернув последнюю страницу. Словно уходишь из дома хороших знакомых после приятно проведенного вечера. Унося добрые воспоминания.

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria Moiseeva,
Candidate of Philology
Research Associate
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Научная жизнь

Международная научная конференция «200-летие со дня рождения М.Ю. Лермонтова»

МГУ имени М.В. Ломоносова совместно с СПбГУ, ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) и ИМЛИ 6–8 октября (Москва) и 9–11 октября (Петербург) 2014 года проводит конференцию, посвященную юбилею М.Ю. Лермонтова.

Сопредседатели организационного комитета

Садовничий В.А., ректор МГУ имени М.В. Ломоносова, академик РАН – председатель оргкомитета конференции

Кропачев Н.М., д.ю.н., профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного университета

Багно В.Е., чл.-корр. РАН, директор ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН

Куделин А.Б., академик РАН, директор ИМЛИ РАН

Члены организационного комитета

Ремнёва М.Л., декан филологического факультета МГУ, д.ф.н. профессор, заведующая кафедрой русского языка – председатель программного комитета

Александрова О.В., д.ф.н. профессор, заведующая кафедрой английского языкознания филологического факультета МГУ, заместитель декана по научной работе

Виролайнен М.Н., д.ф.н., заведующая Отделом пушкиноведения ИМЛИ РАН – заместитель председателя оргкомитета

Катаев В.Б., д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы, заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ – заместитель председателя оргкомитета

Карпов А.А., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета СПбГУ – заместитель председателя оргкомитета

Щербакова М.И., д.ф.н., профессор, заведующая Отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН – заместитель председателя оргкомитета

Москвин Г.В., к.ф.н., доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ – ответственный секретарь оргкомитета

Зубков К.Ю., к.ф.н. (Санкт-Петербургский государственный университет) – ученый секретарь организационного комитета

Киселева И.А., д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой русской классической литературы факультета русской филологии МГОУ

Ивинский Д.П., д.ф.н., профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ

Коровин В.Л., к.ф.н., доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ

Пуряева Н.Н., к.ф.н., ст. преподаватель кафедры РКИ филологического факультета МГУ

**Программа конференции
6 октября**

Пленарное заседание

Ведущий: проф. В.Б. Катаев

Приветственное слово проф. А.А. Федянина, проректора МГУ по научной работе

Приветственное слово проф. М.Л. Ремнёвой, декана филологического факультета МГУ

Приветственное слово В.Н. Фридлянова, председателя совета РГНФ

- 1) *Щеблыкин И.П.* (ПГУ, Пенза). Лермонтов и современность
- 2) *Коровин В.И.* (МГПУ, Москва). Лермонтов и природа
- 3) *Миллер О.В.* (ИРЛИ, Санкт-Петербург). 1960-е гг.: «Золотой век» лермонтоведения
- 4) *Маркович В.М.* (СПбГУ, Санкт-Петербург). Значение творчества Лермонтов в русской культуре и литературе
- 5) *Киселева И.А.* (МГОУ, Москва), Москвин Г.В. (МГУ, Москва) Лермонтоведение: проблемы и перспективы.
- 6) Представление целевых проектов РГНФ, посвященных творчеству М.Ю. Лермонтова:
 1. «Сводный каталог материалов из собраний Пушкинского Дома». Руководитель проекта – Л.Г. Агамалян
 2. «М.Ю. Лермонтов. Pro et Contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей». Руководитель проекта – Д.К. Бурлака
 3. «М.Ю. Лермонтов. Историческая мифология». Руководитель проекта – В.А. Кошелев
 4. «М.Ю. Лермонтов. Энциклопедический словарь». Руководитель проекта – И.А. Киселева
 5. «Творческое наследие М.Ю. Лермонтова и современная театральная культура. Новые материалы и документы». Руководитель – Б.Н. Любимов
 6. «Подготовка и издание сочинений М.Ю. Лермонтова в 4-х томах». Руководитель проекта – Н.Г. Охотин

Продолжение пленарного заседания: «Лермонтовская Россия»

Ведущие: Г.В. Москвин, И.А. Киселева

- 1) Щеблыкин И.П. (председатель Всероссийского лермонтовского общества). Представление Всероссийского лермонтовского общества.
- 2) Лермонтов М.Ю. (ассоциация «Лермонтовское наследие», директор музея-усадьбы «Середниково»). Музей-заповедник М.Ю. Лермонтова в Середниково.

- 3) Кольян Т.Н. (Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы»). Государственный Лермонтовский музей-заповедник «Тарханы».
- 4) Соснина Е.Л. (Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова, Пятигорск). Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова.
- 5) Ленцова В.Б. (Государственный литературный музей, заведующая отделом «Дом-музей М.Ю. Лермонтова» в Москве). Дом-музей М.Ю. Лермонтова» в Москве: история создания
- 6) Агамаян Л.И. (заведующая Литературным музеем ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН). Лермонтовские фонды ИРЛИ.
- 7) Крутова М.С. (зав. сектором рукописных книг РГБ, Москва). Лермонтовские фонды РГБ.
- 8) Серейчик С.С. (Межрайонная централизованная библиотечная система им.М.Ю.Лермонтова, Санкт-Петербург). Межрайонная централизованная библиотечная система им.М.Ю.Лермонтова, Санкт-Петербург как центр изучения творчества М.Ю.Лермонтова.
- 9) Сахаров А.А. (председатель Московского лермонтовского общества) Представление Московского филиала Всероссийского лермонтовского общества.
- 10) Молчанова Т. (Ассоциация «Лермонтовское наследие», США).

7 октября

Заседание секции «Лермонтов и русская литература»

Ведущие: В.Б. Катаев, М.Ю. Щербакова

Черная Т.К.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Онтология художественного знания в романах Пушкина, Лермонтова и Гоголя

Ходанен Л.А.

КГУ, г. Кемерово

Кавказ как культурный концепт в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А.А. Бестужева-Марлинского

Воропаев В.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Встреча с Лермонтовым

Зайцева И.А.

ИМЛИ, г. Москва

«Оклеветанный молвой...» (лермонтовские строки в гоголевском контексте)

Геронимус В.А.
Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С.Пушкина (усадьба Вяземы)
Художественное инобытие пушкинской гармонии в лирике Лермонтова

Еремеев А.Э.
Омская гуманитарная академия, г. Омск,
Биографический жанр как воплощение философской образности («Герой Нашего Времени» М.Ю. Лермонтова и «Записки одного молодого человека» А.И. Герцена)

Сарычева К.В.
Государственный литературный музей, научный сотрудник «Дома-музея М.Ю. Лермонтова» в Москве
Заметки к теме «Лермонтов и Мандельштам»

Николаев Н.И., Швецова Т.В.
Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Северодвинск
Лермонтовские мотивы в «перепевах» Н.А. Некрасова

Темнова Е.М.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Проблема поиска духовного идеала в лирике А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова

Заседание секции «Проблемы изучения прозы М.Ю. Лермонтова»
Ведущие: Г.В. Москвин, С.В. Савинков

Юхнова И.С.
НГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
Очерк «Кавказец»

Акимова Н.Н.
Институт имени И. Е. Репина (Российская академия художеств), г. С-Петербург
Кого же убил Печорин? Или еще раз о жизни жанров

Савинков С.В.
ВГУ, г. Воронеж
Печорин как обольститель

Москвин Г.В.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Диалоговый дискурс «Печорин-княжна Мери» как способ представления любовной интриги и идеи повести «Княжна Мери»

Креницын А.Б.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Романтические обертоны темы судьбы в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Казакова С.К.
Ассоциация искусствоведов, г. Москва
Восприятие цвета и формы как характеристика персонажей в прозе М.Ю. Лермонтова

Буянова Г.Б.
Тамб.ГУ им. Г.Р. Державина, г. Тамбов
Связь и взаимодействие сюжетобразующих начал в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»

Егорова М.А.
МГГУ им. М. А. Шолохова, г. Москва
Поэтика композиции в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»

Злыднева К.В.
Пензенский государственный университет, г. Пенза
Описание как способ передачи цвета в романе М.Ю. Лермонтова «Вадим»

Леонова Марианна
Университет им. Георга-Августа, Геттинген, Германия
«Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова как пример нелинейной композиции

Захаров В.Н.
РГНФ, г. Москва
Смелость изобретения в поэтике романа Лермонтова «Герой нашего времени»

Заседание секции «Эстетика и поэтика творчества М.Ю. Лермонтова»
Ведущие: Д.П. Ивинский, И.П. Щерблякин

Штайн К.Э., Петренко Д.И.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
Язык М.Ю. Лермонтова: на пути к универсальности

Смирнов В.А.
Ивановский государственный университет, г. Иваново
Фольклорная традиция в творчестве М.Ю. Лермонтова: поэма «Мцыри»

Смирнов А.А.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Символика романтической мечты в поэзии М.Ю. Лермонтова

Есаулов И.А.
Литературный институт им. А.М. Горького, г. Москва
Новые категории филологического анализа и понимание поэтики Лермонтова: Закон & Благодать в «Песне про Царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»

Заславский О.Б.
Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, г. Харьков, Украина
Псевдооборванные и неоконченные произведения Лермонтова и проблема реконструкции сюжета

Евчук О.П.
ОГПУ, г. Омск
Религиозно-философские контексты поэзии М.Ю. Лермонтова

Шевцова Л.И.
МГГУ им. М.А. Шолохова, г. Москва
Концепт одиночества в творчестве М.Ю. Лермонтова

Фаустов А.А.
ВГУ, г. Воронеж
В поисках покоя: лирический субъект и мир в лермонтовском «Парусе»

Заседание секции «М.Ю. Лермонтов и зарубежная литература»
Ведущие: И.С. Юхнова, В.А. Воропаев

Мегрелишвили Т.Г.
ГТУ, г. Тбилиси, Грузия
Творчество М.Ю. Лермонтова в восприятии и оценке грузинской русистики

Ван Лие
Пекинский университет иностранных языков, г.Пекин, Китай
Творчество М. Лермонтова в Китае

Амирханян М.Д.
ЕГУСН им. В.Я. Брюсова, г. Ереван, Армения
Амирханян А.Д.
АГПУ им. Х.Абовяна, г. Ереван, Армения
Лермонтов и Армения

Смиренский В. Б.
ИНИОН РАН, г. Москва
Мотивы Шекспира в драме Лермонтова «Маскарад»

Карташова И.В.
ТвГУ, г. Тверь
Лермонтов и Жорж Санд

Кшицова Дануше
Институт славистики философского факультета ун-та им. Масарика, г. Брно,
Чехия
Ницше и Лермонтов. Сравнительное изучение мифопоэтики

Ямадзи А.
Университет Тюкё, г. Нагоя, Япония
Переводы Лермонтова на японский язык в эпоху Мэйдзи

Карбоне Алессандра
Государственный Университет г. Кассино, г. Кассино, Италия
П. Гастальди и переводы лирики М.Ю. Лермонтова на итальянский язык в
начале XX века

Фрайзе Маттиас
Геттингентский ун-т, Германия
Сдвиг структурной семантики в поэтическом переводе. Wanderers Nachtlied и
«Из Гете»

Злочевская А.В.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Композиционные и нарративные модели романов «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова и «Степной волк» Г. Гессе (опыт типологического сопоставления)

Заседание секции «Творчество М.Ю. Лермонтова: восприятие и оценка»

Ведущие: М.М. Голубков, Г.В. Зыкова

Зыкова Г.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Пенская Е.Н.

Высшая школа экономики, г. Москва

Д.Е. Максимов в переписке с А.И. Журавлевой. Документы к истории лермонтоведения второй половины XX века

Тахо-Годи Е.А.

МГУ им. М.В.Ломоносова, г. Москва

Творчество М.Ю. Лермонтова в исследованиях профессора Л.П. Семенова

Ивинский Д.П.

МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Москва

Текстологические принципы собрания сочинений Лермонтова, подготовленного Д.И.Абрамовичем.

Фризман Л.Г.

Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С.Скороды, г. Харьков, Украина

Еврейская тема в творчестве Лермонтова

Серебряная И.Б.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Язык произведений М.Ю. Лермонтова в зеркале русской литературной критики 1-й половины XIX века

Ремарчук В.В.

ИСАА при МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Молитва» (1839 г.) на Украине

Галиева М.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

«Космо-психо-логос» русского человека: «парус» М.Ю. Лермонтова и «корабельный образ» С.А. Есенина

Суровцева Е.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Поэт и поэзия («Жизнь и смерть Михаила Лермонтова» Г.Д. Гулиа)

Харитонов М.М.
Общественная организация «Морешет», Израиль
Спектр созвучий с М. Лермонтовым в поэтических переживаниях евреев-марксистов и евреев-сионистов

Заседание секции «Эстетика и поэтика М.Ю. Лермонтова»

Ведущие: Н.Н. Акимова, Л.А. Ходанен

Коровин В.Л.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Библийские мотивы в ранних и поздних редакциях поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон»

Фролова О.Е.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Показатели неуверенности / уверенности в речи Печорина

Атаманова Н.В.
Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск
Динамика звуковых образов в языке поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри»

Дорожкина М. А.
Одинцовский гуманитарный университет, г.Одинцово
Романтическая драма М.Ю. Лермонтова: проблема жанра

Поташова К.А.
МГОУ, г. Москва
Время перед лицом вечности: преломление духовного опыта изобразительного искусства в творчестве М.Ю. Лермонтова

Шмелёва В.В.
МГОУ, г. Москва
Молитвенная лирика М.Ю. Лермонтова в музыкальной интерпретации русских композиторов

Сытина Ю.Н.
МГОУ, г. Москва
Фантастическое в творчестве М.Ю. Лермонтова как средство изображения тайников души и мистики человеческих отношений

Алексеева Т.Н.
МОУ СОШ №19, МГОУ, г. Сергиев Посад
О духовном смысле стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пленный рыцарь»

Соснина Е.Л.
Государственный музей-заповедник М.Ю. Лермонтова, г. Пятигорск
К вопросу об использовании образов-экзотизмов в творчестве М.Ю. Лермонтова

8 октября

Заседание секции «Идеальный мир М.Ю. Лермонтова»

Ведущие: В.Л. Коровин, Алессандра Карбоне

Акопов Г.В.
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара
Гений поэтических созерцаний (или «Взор» и «Звуки» как поэтические смысловые сгущения в лирике М.Ю. Лермонтова)

Болдова Т.А.
МПГУ, г. Москва
Звездный мир М.Ю. Лермонтова и немецкая лирика

Лекомцева Н.В.
ИПК и ПРО Удмуртской Республики, г. Ижевск
Г. Гейне – М. Лермонтов – М. Петров: о динамике сюжета и ритма в удмуртской версии стихотворения «Сосна»

Федосеева Т.В.
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, г. Рязань
Человек перед лицом Бога в лирике М.Ю. Лермонтова и Я.П. Полонского

Манкиева А.Х.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Морально-нравственный портрет женщины-горянки в поэме М.Ю. Лермонтова «Аул Бастунджи»

Серпикова М.Б.
МГУ ПС, г. Москва
Структура конфликта в ранних поэмах М.Ю. Лермонтова «Кавказский пленник» и «Измаил-Бей»

Сахарова О.В.
МГОУ, г. Москва
Стихотворение М.Ю. Лермонтова «Мой демон» (1830–1831: опыт религиозного комментария)

Бойко С.А.
Государственный литературный музей, г. Москва
«Звезда любви моей» (М.Ю. Лермонтов и В.А. Лопухина)

Круглый стол: «Новые материалы и разыскания в лермонтоведении»
Ведущие: Г.В. Москвин, А.А. Сахаров

Выступления:

Алексеев Д.А., главный редактор журнала «Вопросы биографии Лермонтова», к.т.н, г. Москва
Смерть М.В. Арсеньева (Генезис мифа)

Курмаев М.В.
Самарская государственная академия культуры и искусств, г. Самара
К вопросу о личной библиотеке М.Ю. Лермонтова

Сахаров А.А.
Московское Лермонтовское общество
Автопортреты М.Ю. Лермонтова. Презентация книги «Путь к Лермонтову»

Уразаева К.Б.
Евразийский национальный университет им Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан
Спорные вопросы издания произведений Михаила Лермонтова в переводах Абая Кунабаева

Фадичева Е.Н.
(Московское Лермонтовское общество)
Императорская семья в творчестве М.Ю. Лермонтова.

Молчанова Татьяна
(Ассоциация «Лермонтовское наследие», США)
Презентация книги «Родословная рода Лермонтовых».

Сиротин В.И., писатель, скульптор, США
Презентация книги «Лермонтов и христианство»

Петров Н.И., экскурсовод
Лермонтовское кольцо Подмосковья.

Круглый стол: «Изучение творчества Лермонтова в школе и вузе»

Ведущие: В.Я. Коровина, Н.Н. Пуряева

Выступления:

Коровин В.Я.
МГПУ, г. Москва
Преподавание творчества Лермонтова в школе

Пуряева Н.Н.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Творчество М.Ю. Лермонтова в программе средней школы 5–9 классов

Матюшенко А.Г.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
Лирика Лермонтова в иностранной аудитории

Чагина О.В.
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва
«Песня о Царе Иване Васильевиче» в иностранной аудитории

**Подведение итогов московской части конференции:
отчет председателей секций,
принятие промежуточной резолюции конференции**

Ведущие: В.Б. Катаев, И.А. Киселева, Г.В. Москвин

Вукосава Джана-Иветич

**III Международный
студенческий фестиваль
«Друзья, прекрасен наш
союз!»
(г. Белград, 15–20 сентября
2014 г.)**

На филологическом факультете Белградского университета

с 15 по 20 сентября состоялся III Международный студенческий фестиваль «Друзья, прекрасен наш союз!».

250 студентов из 12 европейских стран (Австрии, Бельгии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Испании, Италии, Польши, Румынии, Сербии, Черногории, Чехии) собрались в Белграде, столице Сербии, чтобы продемонстрировать свое владение русским языком, знание русской культуры, а еще чтобы познакомиться и подружиться со своими сверстниками-руссистами.

Организаторы фестиваля – фонд «Русский мир» и филологический факультет Белградского университета.

16 сентября состоялась торжественная церемония открытия. «Для нас честь, что в Белград съехались студенты из 28 европейских университетов, в которых изучают русский язык», – сказал участникам фестиваля вице-мэр г. Белграда А. Младенович и выразил благодарность фонду «Русский мир» и организаторам за теплую дружескую атмосферу, созданную на филологическом факультете. С приветственным словом обратились к собравшимся Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Сербии А.В. Чепурин и проректор Белградского университета по международным связям профессор Д. Солдатич. Тепло приветствовал собравшихся и благодарил за организацию фестиваля руководство филологического факультета, преподавателей кафедры славистики, студентов и волонтеров исполнительный директор фонда «Русский мир» В.В. Кочин. Для того чтобы понять Россию, надо знать русский язык, подчеркнул он. Профессор А. Вра-

неш, декан филологического факультета Белградского университета, отметила, что фонд «Русский мир» и филологический факультет сотрудничают уже несколько лет. «Успех нашей работы основан на глубоком взаимном уважении и доверии», – заявила А. Вранеш.

Замечательным музыкальным приветствием порадовал собравшихся студенческий хор филологического факультета «Слависты». Особенно тепло было встречено исполнение хором одной из самых популярных и лиричных сербских песен «Там далеко...» («Тамо далеко»).

После торжественной церемонии открытия фе-

стиваля, команды представили свои программы. По результатам конкурса «Домашнее задание», в котором студенты представляли свою страну и свое учебное заведение жюри присудило первое место команде Мадридского университета «Комплутенсе» (руководитель – Галина Колесникова). Студенты из Испании в фестивале принимают участие впервые. Второе место завоевали две команды – Римского университета «Сапиенца» (руководитель – Наталья Фефелова) и Варненского свободного университета имени Черноризца Храбра (руководитель – Галина Шамонина). Третье место поделили три команды – филологического факультета Белградского университета (руководитель – Марина Паушич), Университета имени Марии Кюри-Склодовской (Польша, Люблин, руководитель – Вероника Марковска) и Института славянской филологии Вроцлавского университета (руководитель – Ирина Кабышева). Особо нужно отметить, что все студенты подготовились очень хорошо. Победителям от имени жюри и организационного комитета фестиваля были вручены памятные дипломы и кубок.

17 сентября участникам Фестиваля была предложена интересная экскурсионная программа. Они посетили город Топола, исторические места сербского народа, музеи и храмы Сербии. В г. Аранджеловац интересно и увлекательно прошли мастер-классы «История по-русски» и «Театр по-русски» и литературная гостиная. Их вели профессор Корнелия Ичин и доцент Бобан Чурич. В конце пребывания в городе Аранджеловац студентам был показан фильм «В пожаре столетия – сербский военный кинематограф в Первой мировой войне».

Участники студенческого фестиваля «Друзья, прекрасен наш союз!» 18 сентября провели интересный и насыщенный событиями день. Прошла викторина по русскому языку. Преподаватели Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова Ирина Жабоклицкая и доцент кафедры кандидат наук Ольга Чубарова подготовили интересную и познавательную викторину по русскому языку, истории, культуре и традициям русского народа. Первое место заняла команда филологического факультета Белградского университета. Второе место – команда Краковско-педагогического университета имени Комиссии народного образования и Университет города Нови-Сада. Третье место поделили команда Вроцлавского университета и сборная команда Софии. За волю к победе и активное участие награждена команда Мадридского университета.

Вечером заместителем мэра Таней Попович для всех участников фестиваля был устроен торжественный прием в мэрии Белграда, где чествовали и награждали победителей. В Российском центре науки и культуры – Русском доме состоялся концерт ансамбля «Шпанац» Белградского университета. В завершение концерта все зрители и артисты танцевали сербский народный танец «Коло».

В последний день фестиваля, 19 сентября, студенты посетили музеи Белграда (Военный музей, Этнографический музей и Музей Николы Теслы), заслушали лекцию доцента Бобана Чурича Уроки о Белграде. Композитор, автор многих известных песен, Г.В. Гладков с дочерью Александрой провел мастер-класс «Поем по-русски». Григорий Васильевич провел настоящее музыкальное занятие по истории русской песни: от знакомства с русским романсом, песнями Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого до народных пе-

сен. Активно включились и аккордеонист, руководитель хора «Слависты» Мина Джурич, студенты из Бельгии, Сербии, Болгарии, Черногории и Польши. Эта памятная встреча запомнится всем участникам, и особенно его песня «Говорим на русском языке», которая стала настоящим гимном.

Во второй половине дня Фестиваль подошел к концу – были вручены последние призы и памятные дипломы победителям и особо отличившимся участникам. Зазвучали последние аккорды студенческого гимна.

Вечером огни ночного Белграда предстали перед взорами участников с борта прогулочного теплохода.

Все эти дни на улицах Белграда звучала русская речь, студенты из разных стран совершенствовали свои навыки устной речи, способность общаться и понимать друг друга по-русски. Они продолжают изучение и совершенствование русского языка для того, чтобы встретиться снова и лучше понимать друг друга.

Заметки. Впечатления

Выставки в Париже

Сальвадор Дали и стрит-арт

В парижском музее Дали на Монмартре (Espace Dalí) с 11 сентября 2014 по 15 марта 2015 года проходит выставка «Дали делает стену. 22 стрит-художника в пространстве Дали» (Dalí fait le mur. 22 artistes street art s'invitent chez Dalí; куратор Вероник Меснаже – Véronique Mesnage).

Стрит-арт – относительно новый вид искусства, местом рождения которого считают Филадельфию 1960-х гг. Стрит-арт –

это граффити, трафаретное граффити, стикер-арт, постеры, видеопроекции, флешмобы и уличные инсталляции. Отличительными чертами направления можно считать его социальность и заточенность на противодействие коммерческой наружной рекламе. Однако мало кто сейчас готов поспорить с тем, что стрит-арт не столько и не только «социальный проект», но и достаточно самостоятельное художественное явление, которому находится место как на улицах, так и в галереях современного искусства.

Работающие в формате стрит-арта художники, как пишут организаторы выставки, приняли вызов, вступив в диалог с экспонатами, представленными в «пространстве Дали». Каждый из художников, создав свое произведение искусства, осмелился вступить в противостояние с сюрреалистической вселенной, взяв на вооружение словарь и коды городского искусства: рисунок, трафарет, свет, звук и инсталляцию.

Есть определенное сходство в том, как воспринимают мир и как «воспроизводят» его в своих работах Дали и стрит-художники. Помимо самой организации творческого процесса, суть которого – провокация, это еще и способность искать и находить вдохновение в том, что прежде оставалось вне сферы деятельности художника, готовность использовать в своих работах любые средства и материалы.

Организаторы выставки ставят перед зрителями вопрос: полиморфизм, взрыв, мятеж, вызов, зыбкость, веселье, нонконформизм, расчет на популярность – это характеристика искусства Дали или стрит-арта?

«Собаки в гостиной» Фарида Расула

Галерея Рабуан Мусьон (Galerie Rabouan Moussion) продолжает исследование новых тенденций в современном искусстве, представляя инсталляцию «Собаки в гостиной» (Dogs in the Living Room) азербайджанского художника Фарида Расула, успешно экспонировавшего свои работы на 55-й Венецианской биеннале. Выставка открылась 6 сентября этого года и продлится до 11 октября.

Войдя в галерею, зритель попадает в пространство, от пола до потолка покрытое принтами, воспроизводящими орнамент традиционных азербайджанских ковров, который призван облагородить объект, превратить его в процессе работы в субъектное произведение искусства. Орнаментом покрыто все, что расположено в этом пространстве: заглянув в приоткрытые дверцы посудного шкафа, зритель и там обнаружит орнаментированные предметы.

Базовая идея предлагаемой вниманию зрителей инсталляции – трансформация белого куба, стержневого образа в современном искусстве, который должен утратить свою оголенную сущность. Напоминанием об этой наготе становятся внедренные в орнаментированное пространство белоснежные скульптурные изображения собак. (Скульптуры животных – часто встречающийся в работах художника атрибут, который, вероятно,

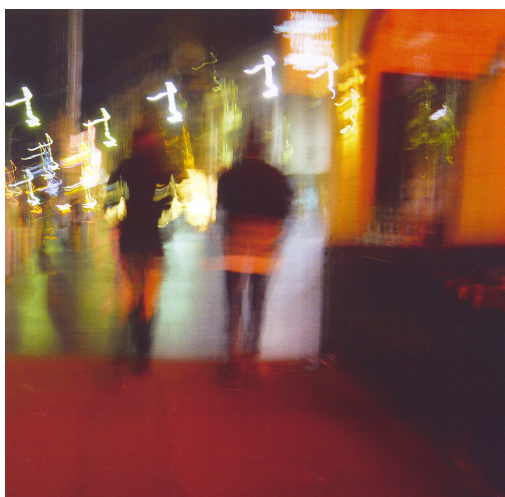
можно трактовать и как напоминание о природно-естественном начале художественного творчества.)

Для Фарида Расула эта работа – отражение диалога между Западом и Востоком, между актуальностью и традицией, диалога, наполняющегося драматическим содержанием в периоды геополитических трансформаций (что происходило в эпоху распада Советского Союза).

Его инсталляция в определенном смысле противопоставлена идее концептуальной наготы, в противовес которой демонстрируются множасьщиеся знаки древней традиции, заливающей своим орнаментом все поверхности. Войдя в выставочный зал, зритель оказывается как будто внутри расписанной таинственными иероглифами шкатулки, в которых зашифрован культурный код древней цивилизации, не желающей растворяться в абстрактном концепте современности.

К выставке подготовлен хорошо иллюстрированный каталог, в котором есть информация о Фариде Расулове и его проектах; интерес представляет интервью художника с куратором выставки – Azad Asifovich.

Тилман Криг, «Пассажи»

В парижской галерее Франсуа Мансара (Galerie François Mansart) проходит выставка «Пассажи» (Passages), где представлены работы немецкого художника, фотографа и дизайнера Тилмана Крига (Tilmann Krieg).

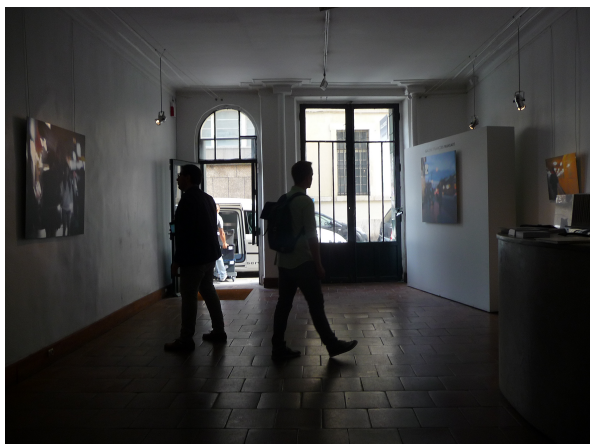
Тилман Криг сначала пробовал свои силы в книжной графике, но в 1990-е переключился на фотографию, поставив цель разрушить свойственную этому виду искусства статику, применяя живописные приемы, чтобы созданные в итоге образы сохраняли ощущение мимолетности времени и передавали

краткосрочность нашего бытия.

Интересна применяемая Кригом техника перевода изображения не на бумагу или ткань, а на металл. Работы, представленные на выставке «Пассажи», – фотографии на алюминии. Выбор такой «основы» позволил художнику обогатить нюансами белый цвет, который продуцируется в его работах алюминиевой основой.

Фотографии Крига с их плывущими очертаниями, минимализацией деталей, которые словно сжаты, переливами света, приближаются к кинематогра-

фии. Одна сцена, запечатленная на фото таким особенным образом, приобре-

тает внутреннюю динамику, создает ощущение движения в кадре.

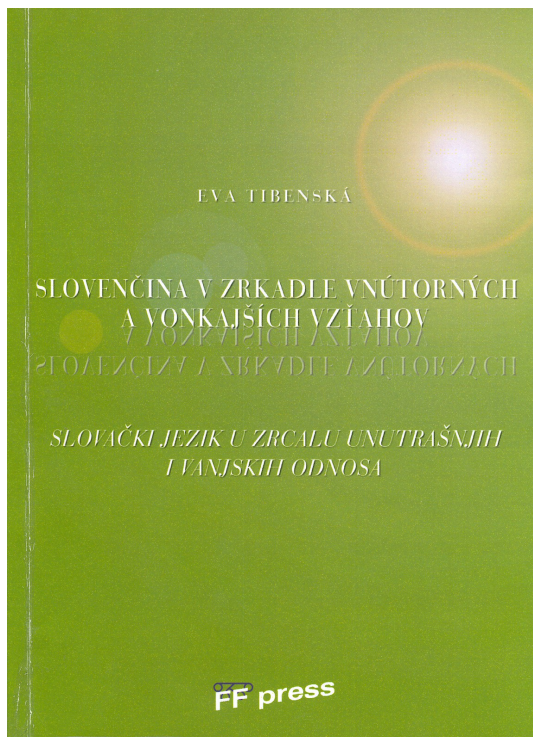
Важным аспектом художественных поисков Крига становятся осмысление и интерпретация иностранной культуры. Темы для своих работ он находит в Африке, Австралии, Азии... Меньше всего его интересует история или этническое наследие этих культур. Его внимание приковано к современной городской жизни, он показывает, как глобализация формирует ритм современной жизни, динамизирует ее.

К выставке подготовлен каталог, включающий серию «алюминиевых» фотографий Крига, информацию о его участии в выставочных проектах, объяснение методологии его творчества.

Критика. Библиография

К.В. Лифанов

**Eva Tibenská: Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov
(Zagreb FF press, 2012, 159 s.)**

Монография Э. Тибенской «Словацкий язык в зеркале внутренних и внешних отношений» является итогом исследований автора главным образом в нулевые годы XXI в. и представляет собой совокупность отдельных статей, выходявших ранее в нескольких странах в разных сборниках и журналах и даже в виде фрагмента известной коллективной монографии (Najnowsze dzieje 1998: 81–87). Объединение этих статей в единое целое представляется вполне оправданным, поскольку они посвящены двум аспектам: современному состоянию словацкого языка и процессам, которые в нем протекают, и его изучению в сопоставлении с другими славянскими языками. Иными словами, в монографии показано развитие внутренних отношений в словацком языке и од-

новременно выявляются отношения внешние на фоне других славянских языков, прежде всего хорватского. Кроме того, обе части монографии объединяет особое внимание автора к синтаксическому уровню рассматриваемых языков. Представ в совокупности, содержание отдельных статей на широком фоне родственных и смежных явлений заиграло новыми красками, что придало исследованию многомерность и завершенность.

Рецензируемая монография оригинальна и в языковом отношении: большая часть статей написана на словацком языке, а три статьи – на хорватском. Не случайно она привлекла внимание хорватского издателя и увидела свет в Загребе.

В соответствии с двумя основными аспектами исследования монография состоит из двух глав: «Работы о современном состоянии словацкого языка и тенденциях его развития» и «Словацко-славянские сопоставительные работы». Первая глава имеет сложную структуру, центральное место в которой отводится тенденциям развития словацкого синтаксиса и влиянию иностранных языков на словацкий, включая универсальный процесс глобализации. Данная глава интересна тем, что в ней одновременно рассматриваются как развитие словацкой синтаксической теории, так и процессы, протекающие непосредственно в словацком языке, но при этом два этих момента не смешиваются. Особенно ценным является то, что автором были обнаружены такие явления, которые пока еще не фиксируются в учебниках и пособиях по словацкому языку. Путем обобщения изменения конкретных языковых средств автор устанавливает тенденции развития синтаксиса словацкого языка. К ним в первую очередь относится ярко выраженная тенденция к системному соответствию значения и формы. Это проявляется прежде всего в том, что одному грамматическому значению все более соответствует одна примарная синтаксическая форма, реже – две вариантные формы. Так, например, глаголы, обозначающие независимое от человека физическое состояние, выступая в функции предиката, приобретают в предложении возвратную форму, а имя, обозначающее носителя этого состояния, предстает в форме дат. падежа: *Otcovi sa drieme* ‘Отцу дремется’. В данном случае, однако, неактивность предиката оказывается ясной уже на лексическом уровне, поэтому исчезает необходимость ее подчеркивания на уровне синтаксическом. В связи с этим предложение может быть построено по образцу предложений с активным предикатом (*Otec beží* ‘Отец бежит’): *Otec drieme* ‘Отец дремлет’.

Реализацией названной тенденции развития словацкого языка является также продолжающееся сужение употребления генитива отрицания и партитивного генитива, которые уступают формам номинатива или аккузатива. Это происходит в тех случаях, когда генитив не имеет количественных квантификаторов: *V studni nebolo vody* ‘В колодце не было воды’ > *V studni nebola voda* – букв. ‘В колодце не была вода’, *Do autobusu sa nahrnulo detí* – букв. ‘В автобус набилось детей’ > *Do autobusu sa nahrnuli deti* ‘В автобус набились дети’; *navariť polievku* ‘наварить супа / супу’ > *navariť polievku* ‘наварить суп’, *nachytať rýb* ‘наловить рыбы’ > *nachytať rybu* ‘наловить рыбу’, *priniest dreva* ‘принести дров’ > *priniest drevo* ‘принести дрова’.

Усиление аккузатива проявляется и в замене им исконного неаккузативного управления. Ср. примеры: *zabudnúť o mne* > *zabudnúť na mňa* ‘забыть обо мне’, *mysliet o niekom* > *mysliet na niekoho* ‘думать о ком-то’, *odhodlať sa k niečomu* > *odhodlať sa na niečo* ‘решиться на что-то’ и т. д.

Наблюдается, однако, и противоположная тенденция, когда аккузативное управление заменяется иным, как с предложом, так и без него: *prehovoríť sa*

niekoho > prehovorit' sa k niekomu 'заговорить с кем-то', hovorit' na niekoho > hovorit' niekomu 'говорить кому-то', napísať na vládu > napísať vláde 'написать правительству'.

Определенные изменения происходят и в сложноподчиненных предложениях. Так, например, усиливается универсальность союза že 'что', которое начинает избыточно употребляться в придаточных изъяснительных с разными союзами: Spýtal sa, že či už prišiel 'Он спросил, (что) не пришел ли он?'; Nevie, že ako príde 'Я не знаю, (что) каким образом он придет?'; Prikázal mu, že aby prišiel 'Он приказал ему, (что) чтобы он пришел'. Из словацкого литературного языка вытесняются элементы народной речи, в частности союзное слово čo 'что', ранее широко употреблявшееся в функции союзного слова ktorý 'который'. Автор приводит и другие явления этого порядка.

Существенное место в монографии занимает изучение субстандарта словацкого литературного языка на разных языковых уровнях. Особый интерес представляет попытка разграничения субстандартного явления и языковой ошибки. С точки зрения автора, единственным критерием этого разграничения является критерий функциональный. В соответствии с ним субстандартные лексемы употребляются намеренно с осознанием их нелитературности для придания колорита языку. В отличие от них языковая ошибка представляет собой неверное употребление лексической единицы, которая либо имеет словообразовательный дефект, либо характеризуется отсутствием какой-либо функции. Так, например, употребление богемизмов zbytok (слов. ostatok, zostatok, zvyšok 'остаток') и kapesník (слов. vreckovka 'носовой платок') представляет собой лексическую ошибку, поскольку это слово ни в коей мере не придает тексту ни оригинальности, ни экспрессивности, а свидетельствует только о слабом владении пользователем литературной нормой. Когда же подобные лексемы приобретают определенные функциональные характеристики, они превращаются в субстандартные лексемы. Подобное произошло, например, с богемизмами nafučka (слов. лит. nafukovací matrac, nafukovačka 'надувной матрац'), nahánka (слов. лит. hra na naháňacku, naháňacka 'игра в догонялки'), náklad'ák (слов. лит. nákladné auto, nákladniak, nákladiak 'грузовик'), menčestráku (слов. лит. menčestrové nohavice 'вельветовые брюки') и т. д.

Субстандартными лексемами становятся также заимствования из других языков для обозначения какого-то явления при наличии словацкого эквивалента, например: shop (слов. obchod 'магазин'), pub (слов. krčma 'пивной бар'), toast (слов. hrianka 'тост'), bizniscentrum (слов. obchodné centrum 'торговый центр') и т. д.

Чрезвычайно интересны и иные наблюдения автора над заимствованными словами в словацком языке, особенно англицизмами. Автор констатирует связь фонетической огласовки заимствованных слов от времени заимствования, возрастной характеристики говорящего и сферы употребления. Так, например, слово laser в сочетании laserový lúč 'лазерный луч' произносится в соответствии с написанием [laseroví], тогда как в более новом сочетании laserová

tlačiareň ‘лазерный принтер’ – в соответствии с английским произношением [leɪzrɒvɑ]. Фонетический облик английского слова сохраняется в сфере специальной коммуникации (программирование, экономика и т. п.) в среде владеющих английским языком. В бытовой же сфере общения часто происходит словакизация англицизмов. В процессе заимствования выделяются две его фазы. На начальной заимствованное слово, как правило, сохраняет английское написание, а по мере усвоения написание меняется. Автор рассматривает также отличия современных заимствований из английского языка от старых заимствований из немецкого, французского и чешского языков.

Значительная часть первой главы посвящена изучению динамики функциональных стилей словацкого литературного языка. Автор монографии устанавливает, что в наибольшей степени в последние десятилетия изменения затронули публицистический стиль, который становится все более унифицированным под воздействием глобализации, преодолев, в частности, возникшие после 1989 г. различия в телевизионной публицистике государственных и частных каналов.

Ценностью второй главы монографии является сопоставление явлений разных славянских языков именно на синтаксическом уровне, что является довольно редким в работах исследователей-славистов, а также стремление автора продемонстрировать на практике результативность использования различных синтаксических теорий. Автор, в частности, на словацких и хорватских примерах подтверждает теоретические положения В.М. Солнцева, различающего в предложении как синтаксической микросистеме лексические семы системообразующие, системно обусловленные, проявляющиеся непосредственно в предложении, и системно нейтральные, в предложении не реализующиеся (Solncev 1981).

Автор также подробно описывает понятие третьего синтаксического плана, который выделяется помимо первого, существующего на основе принципа объективности, и второго, выявляемого через живое существо, воспринимающее и познающее реальность посредством своих органов чувств. Третий же синтаксический план возникает в том случае, когда в предложениях, отражающих первый синтаксический план, имманентно присутствует лицо, воспринимающее, переживающее или оценивающее происходящее, в результате чего принцип изображения реальности меняется.

Во второй главе монографии рассматриваются также облигаторные, факультативные и потенциальные члены словацкого и хорватского предложения и некоторые другие вопросы.

Монография Э. Тибенской представляет собой безусловный интерес для словакистов, сербохорватистов и в целом славистов. Ее характеризуют, с одной стороны, обращение к лингвистической и особенно синтаксической теории и критический подход к ее отдельным положениям и результатам их использования на практике, а с другой – богатая документация выводов соб-

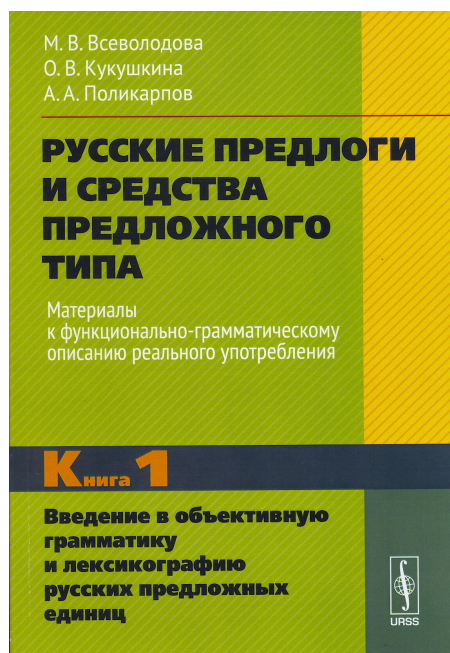
ственного анализа конкретными примерами, что особенно важно при обучении словацкому и хорватскому языкам. Полагаем, что на основе данной монографии может быть создан спецкурс для студентов университетов, изучающих славянские языки.

Литература

Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Slovenský jazyk / Red. J. Bosák. Opole, 1998.

Solncev V.M. System a struktura v jazyce. Přeložili B. Palek, Z. Palková. Praha, 1981.

О.Ю. Дементьева

М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 304 с.

В 2013 г. вышла первая книга нового много-томного словаря предложных единиц русского языка «Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления» под общей редакцией доктора филологических наук, профессора

М.В. Всеволодовой. В состав авторского коллектива словаря входят докт. филол. наук профессор М.В. Всеволодова, докт. филол. наук профессор О.В. Кукушкина, докт. филол. наук профессор А.А. Поликарпов, канд. филол. наук доцент Т.В. Чаплыгина, канд. филол. наук доцент Е.Н. Виноградова. Цель авторов словаря – создание Реестра русских предложных единиц, полного корпуса системно охарактеризованных русских предлогов и средств предложного типа, независимо от степени их нормативности и отмеченности в грамматиках и словарях. Работа над созданием словаря ведется в рамках международного

проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», вдохновляемого и возглавляемого М.В. Всеволодовой.

Первая книга, написанная М.В. Всеволодовой, О.В. Кукушкиной и А.А. Поликарповым, – «Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц». Она представляет собой теоретическое и методологическое обоснование предпринятой работы. Концепция авторов базируется на ряде принципиальных положений, отличающих данное исследование от уже имеющихся в русистике.

Во-первых, исследование выполнено в русле функционально-коммуникативной грамматики. Поэтому объектом исследования являются не только собственно предлоги, но все единицы, выполняющие функцию предлога и остающиеся при этом в той или иной степени в рамках своей части речи, – «эквиваленты предлогов». Все множество как собственно предлогов, так и эквивалентов предлогов объединяется термином «предложная единица», что существенно расширяет круг языковых средств, получающих лексико-грамматическое описание.

Во-вторых, это опыт реальной, объективной (а не только нормативной) грамматики, о необходимости создания которой говорил еще А.М. Пешковский. Объективная грамматика учитывает все системно существующие факты языка независимо от степени их нормативности и отмеченности в словарях и грамматиках. В книге демонстрируется реальное функционирование предложных единиц, например их вариативность: аналогично чего / чему / к чему / с чем, близ чего / чему / к чему / с чем / от чего.

По мысли авторов, только объективная грамматика позволяет представить систему языка и понять механизмы его функционирования. Авторы ставят вопрос о соотношении системы языка и языковой нормы. В частности, приводятся примеры того, как ненормативные с точки зрения кодифицированного литературного языка единицы системно входят в определенный функциональный стиль и являются для него стилеобразующими; таковы, например, сочетания типа *согласно приказа* (вместо *согласно приказу*) в речи военных.

Авторы книги основываются на положении, что объективное представление системы возможно лишь при условии выхода за ее пределы. Стремлением представить систему языка, данного нам в его современном состоянии, продиктовано обращение к фактам, относящимся к истории русского языка, а также к фактам других языков, в первую очередь славянских. В книге приводится большое количество параллелей со славянскими языками, которые показывают, что единицы, оцениваемые как ненормативные в русском языке, системны и абсолютно нормативны в других языках, а следовательно, для них «зарезервировано» место и в системе русского языка. Так, в русском языке есть предлоги *из-под*, *из-за*, но нет **из-над*, **из-перед*; в польском же языке соответствующие предлоги *znad*, *sprzed* существуют; следовательно, ненормативные для русского языка предлоги **из-над*, **из-перед*, тем не ме-

нее, системны и потенциально возможны, что подкрепляется примерами из интернет-дискурса: *Небо уходит из-над головы, Рыба может переплыть из-перед дамбы за дамбу.*

В книге уточняется определение предлога как части речи на основании его функционирования в предложении, формулируются семантическая, формально-синтаксическая и морфологическая функции предлога. Формулируются операциональные методы разграничения предлогов и наречий. Выделяются основные морфосинтаксические типы предложных единиц, предлагаются строгие операциональные методы разграничения предлогов и предложных эквивалентов. Предложные единицы рассматриваются в книге как функционально-грамматическая система, т. е. в контексте их синтаксического функционирования, в связи с этим в работе вводится и обосновывается понятие функционально-грамматического поля предложных единиц. Анализируется структура грамматического поля предложных единиц с ядром – немотивированными единицами, выступающими в функции исключительно предлога; припериферийной зоной ядра – мотивированными предлогами – дериватами; приядерной зоной; периферией (аналоги предлогов, выступающие в функции предлогов и сохраняющие свою частеречную принадлежность, и корреляты предлогов). В книге разрабатываются принципы категоризации предложных единиц и проводится их строгая категоризация на основании дихотомических оппозиций морфосинтаксических типов немотивированных и мотивированных монологемных и полилогемных предлогов и предложных единиц.

Разработана атрибуция предложной единицы, включающая состав позиций, стилистическую характеристику, просодические и фонетические характеристики, наличие вариантов, морфосинтаксический тип, степень смысловой самостоятельности, парадигматические и синтагматические характеристики, а также типы и характеристики синтаксем, формируемых предложной единицей. В соответствии с этим предложены и продемонстрированы способы представления предложных единиц в собственно словаре – последующих книгах. Словарная статья дает комплексную и разноплановую характеристику предложной единицы, основанную на следующих признаках: 1) морфологическая форма присоединяемого слова, типы и значения синтаксем, включающих данную предложную единицу, а также их возможные позиции; 2) стилистическая характеристика предложной единицы; 3) ее просодические и фонетические характеристики; 4) наличие вариантов; 5) статус единицы (предлог – аналог предлога); 6) морфосинтаксический тип и т. д.

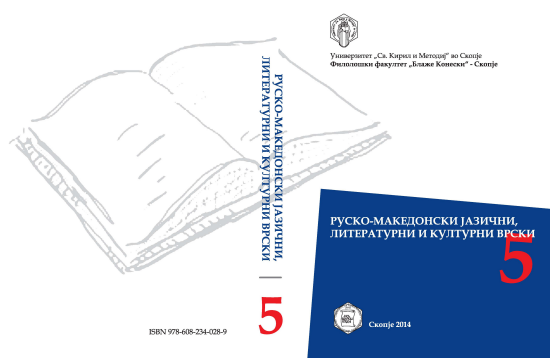
В работе затронут вопрос о роли предложных единиц в разного рода фразеологизмах. Также приведены частотные и распределительные характеристики русских предлогов и соответствующих синтаксем – данные об активности и широте употребления различных предлогов в текстах различных типов.

Рассматриваемая работа выходит далеко за рамки проблематики, связанной с русскими предлогами. Она не только обогащает лингвистические зна-

ния в этой области. В работе даны теоретическое обоснование и примеры практической реализации функционально-коммуникативного подхода к лингвистическим исследованиям.

*Весна Мојсова-Чешишевска
Билјана Мирчевска-Бошева*

**Зборник – подарок за славистичката наука
(за зборникот «Македонско-руски јазични, книжевни и културни
врски». Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2014. 641 с.)**

Неодамна во издание на Филолошкиот факултет «Блаже Конески» при Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» во Скопје излезе од печат петтата книга од една многу значајна едисија која носи наслов «Македонско-руски јазични, книжевни и културни врски». Овој зборник е **финале** на Петтата македонско-руска научна конференција што се одржа

од 17 до 19 јуни 2012 година во Охрид. По само две години во рамките на Шестата меѓународна научна руско-македонска конференција која се одржа од 9 до 12 септември 2014 година на Филолошкиот факултет при Пермскиот државен национален истражувачки универзитет на овој Зборник му се случи и **прослава** преку чинот на неговата промоција во рамките на свеченото отворање на конференцијата.

Уште на прв поглед според обемот на книгата се забележува дека станува збор за импресивно издание. Имено, овој зборник има 641 страница. Но, не е само бројот на страниците импресивен. Во ова издание се поместени 53 текста од 61 автород кои едно е поздравно обраќање на амбасадорот на Руската Федерација во Р. Македонија, Н.Е. Олег Шчербак, 2 пленарни реферати, а останатите се секциски предавања. Станува збор за текстови напишани од академици, универзитетски професори, лектори, асистенти, докторанди и постдипломци од десеттина различни образовни и научно-истражувачки институции, сите вљубеници во науката и заинтересирани за јазикот, литературата и културата на словенските народи.

Зборникот «Македонско-руски јазични, книжевни и културни врски», со меѓународен уредувачки одбор, во редакција на проф. д-р Максим Каранфиловски, е резултат секако и на впечатливиот одзив за учество на Петтата македонско-руска научна конференција. Свој придонес дале претставници од МАНУ, Московскиот државен универзитет «М.В. Ломоносов», Универзите-

тот «Св. Кирил и Методиј», Пермскиот државен национален истражувачки универзитет, Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», Институтот за македонска литература, Институтот за фолклор «Марко Цепенков», Универзитетот «Гоце Делчев» во Штип, Државниот тетовски универзитет, Воронешкиот државен универзитет и Азербејџанскиот универзитет за јазици.

Првиот дел од овој зборник е посветен на јазикот, опфаќа 25 научни трудови од кои еден е пленарен, а останатите се секциски предавања и се протега од 33 до 333 страница во Зборникот. Во овој фрагмент тематската широчина на конференција овозможи во ова издание да бидат поместени трудови од историјата на јазикот, морфологијата, лексикологијата, лексикографијата, етимологијата, стилистиката, фразеологијата, методиката и други лингвистички дисциплини и со тоа додаде многу нови камчиња во мозаикот на македонско-руските компаративни проучувања.

Лингвистичкиот дел од Зборникот започнува со пленарниот реферат на акад. Блаже Ристовски под наслов *Рускиот славист С.Б. Бернштејн во историјата на современиот македонски литературен јазик по повод стогодишнината од неговото раѓање* во кој авторот се осврнува на вклученоста на познатиот руски славист-лингвист во озаконувањето на Мисирковата кодификација на современиот македонски литературен јазик и правопис, како и за неговиот ракопис «Македонский язык» кој за жал никогаш не е испечатен и единствена потврда за неговото постоење се белешките во неговиот дневник и неколкуте фрагменти кои се појавиле во научната периодика.

Потоа следи рефератот на Ирен Алчевска *Глаголите со префиксот перо- во рускиот наспроти глаголите со префиксот пре- во македонскиот јазик* во кој авторката укажува на разликите и сличностите во значењата на соодветните глаголи.

Особено интересен е трудот на Наталија Бороникова и Елена Верижникова *Междометия в македонском языке* во која се образложува концепцијата на речникот на извици и оноματοпеи во македонскиот јазик, се предлага класификација која се применува во речникот, а се наведуваат и обрасци на речничките единици. Излагањето уште на самата конференција беше проследено со посебен интерес и задоволство кои се зголемуваат во очекување на резултатот од овој проект.

Во продолжение следуваат рефератите на Елени Бужаровска *Глаголите за перцепција како прагматички маркери во македонскиот и во рускиот јазик*, Татјана Ганенкова *Предлог как часть речи*, Елена Иванова *Частиица ли в македонском и в русском языках*, Јулија Мареева *Русские наречия как категориальный класс слов в зеркале македонского языка* секоја осветлувајќи по еден дел од морфологијата на македонскиот и на рускиот јазик.

Максим Каранфиловски се задржува на *Некои значења на императивот во македонскиот и во рускиот јазик*, додека предмет на интерес на рефератот на Е. Ерофеева е проектот база на податоци «Русская устная спонтанная речь

пермскогo края» посочувајќи го големото значење на овој сегмент како извор на промени и иновации. Тамара Ерофеева согласно со пермската социолингвистичка школа го разгледува јазикот на градот и говорната култура на градот.

Во рефератите на Светлана Давкова-Ѓорѓиева *Кон именувањето на покуќнината и садовите* и на Лилјана Макаријоска и Елена Стоевска-Денчова *Кон лексиката поврзана со одредната структура раѓање* вниманието е насочено кон именувањето на конкретни лексичко-семантички полиња.

Роза Тасевска се осврнува на антонимите во кратките фолклорни форми додека рефератите на Биљана Мирчевска-Бошева и Јасминка Делова-Силјанова и на Екатерина Терзијоска и Марија Смирнова се насочени кон истражување на фразеологијата на македонскиот и рускиот јазик при што едните се задржуваат на емотивната фразеологија, а другите на фраземите со компонента *бело*.

Соња Новотни и Михајло Марковиќ се фокусираат на промените во консонантскиот систем и редукцијата на еровите во Слоештичкиот патерик и Слеченскиот патерик споредувајќи ги со ракописите од руска редакција.

За етимолошкиот развој на зборобразувачката деривација господ(ин) на македонско-руски план пишува Александра Гецовска, Красимира Илиевска го разгледува развојот на лексемата *живот* во рефератот насловен како *Живот живее*, додека Марија Емилија Кукубајска прави компаративно истражување на културната, етничката и религиозната генеологија на Хазарите во руските и околните средини.

Незрин Самедова ги разгледува констукциите *статъ + инф* и *начатъ + инф* во рускиот јазик со тоа што овие податоци би можеле да бидат примени и за другите словенски јазици.

За *Конструкциите што изразуваат валентен (актантен) таксис во македонскиот јазик и извесни руски еквиваленти* пишува Милица Миркуловска, а Јане Јованов се задржува на темата за развојот на наставничките компетенции на идниот наставник по руски јазик.

Рина Усикова го разработува прашањето за јазичната ситуација и политика во Р. Македонија од моментот на осамостојувањето во 1991 година посветувајќи посебно внимание на фундаменталните научни трудови и значајните лексикографски изданија.

Според сево ова може да се заклучи дека разнообразноста и актуелноста на темите остава надеж дека ова издание ќе биде интересно за голем број читатели и ќе биде поттик за нови истражувања и понатамошни продлабочени анализи.

Делот *Литература, превод, култура и историја* од Зборникот «Руско-македонски јазични, литературни и културни врски 5», со меѓународен редакциски одбор, е резултат на триесеттина текстови, одделни видувања, размислувања, сериозни истражувања на македонско-руските врски на полето на литературата, културата и историјата.

Промовирањето на Зборник кој се случи многу брзо (само после две години, како што, впрочем, се случи брзо и одржувањето на најновата, Шестта меѓународна научна руско-македонска конференција чиј домаќин и организатор беше Пермскиот државен национален истражувачки универзитет) е и потврда со која се искажува достоиното внимание кон овиеврскишто се граделе низ вековите и кои се интензивирале преку научно-истражувачките соработки на македонските и руските универзитети и институции особено по деведесеттите години на минатиот век, акои се интензивираат на почеток на овој нов 21 век.

Делот *Литература, превод, култура и историја* од Зборникот се отклучува со прилогот на академик Ала Шешкен *Русско-македонские литературные связи и их эволюция в 1945–2000 годы*, а на 333 страница, после прилозите од лингвистичкиот дел, со прилогот на Вера Антиќ за македонско-руските врски што ги тематизираат книжевните и културните релации. Зборникот, како што веќе се напомена, се затвора на 641 страница со текст од областа на музиката на авторите Оливер и Кирил Цацков за влогот што го има рускиот музички педагог и творец Сергеј Михајлов во поставување на првата опера во Македонија.

Книжевните македонско-руски врски се предмет на интерес на неколкумина, па така за некои книжевни паралели инспиративно зборуваат трудовите на Лидија Капушевска-Дракулевска, Науме Радически, Димитрија Ристевски, Кристина Николовска, Соња Стојменска-Елзесер и Димитар Пандев. Исклучително инспиративни се споредбите што овие книжевни научници ги откриваат во поетиката на Марина Цветаева и Лилјана Дирјан, Анте Поповски и Андреј Вознесенски, во детектирањето на обломовштината низ денешна призма, како и во укажувањата за најновите македонско-руски книжевни врски кои се исчитуваат во прилогот на Димитрија Ристевски.

Културолошките проникнувања меѓу македонската и руската научна мисла се инспиративни за Наталија Александровна Бондаренко во прилогот *Искусство и култура Македонии в трудах русского ученого Н.П. Кондакова*, за Весна Мојсова-Чепишевска во текстот *Македонската литература и култура низ научно-книжевната призма на академик Ала Шешкен*, како и за Наталија Прасолова во трудот *Научные связи Р. Македонии с Библиотекой Российской Академии наук*. Свои прилози на полето на македонско-руското традиционално пеење дава Родна Величковска, во областа на музиката дава Викторија Коларовска – Гмирја, на полето за улогата на руската кореографија во конституирањето и развојот на македонскиот балет говори Соња Здравкова – Цепарова, а за улогата на Николај Кољада на македонската театарска сцена Катерина Петровска-Кузманова, а, пак, за народните верувања и суеверија Стефанија Кузманова.

Преводите т. е. препевите од двата јазика се интересни за Здравко Божиновски, Софија Заболотнаја, Елена Сергеевна Обухова, Димитар Пандев, Ли-

дија Танушевска и Кирил Трајковски. Историските аспекти се дел од истражувањата на Евгениј Колосков, Даринка Крстанова, Александар Сквозников, како и они е книжевните кои се во фокусот на интересот на Марија Ѓоргиева-Димова преку прилог *Семиотичките премиси на историјата* и на Славица Србиновска во трудот под наслов *Толкување на творештвото на Виктор Пелџевин низ призмата на македонскиот културолошки контекст*.

Сите дваесет и седум автори во дваесет и шесте трудови поместени во делот под наслов *Литература, превод, култура и историја* ја потврдуваат својата афирмација на значаен познавач, толкувач и промотор на македонската и руската литература, култура и историја и во својата и во другата / туѓата културна средина.

Овој Зборник ù го подаруваме на славистичката наука, но и на филолошката и културолошката, како чесно и честито признание за она што досега го изградиле двата народа – македонскиот и рускиот и во рамките на сопствената национална култура и во рамките на меѓусебното спознание и почитување и, секако, во рамките на славистичкиот свет.

